ХО
ШИ
МИН

БИБЛИОТЕКА ВЬЕТНАМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

БИБЛИОТЕКА ВЬЕТНАМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА · «ПРОГРЕСС» · 1979

ХО ШИ МИН

◆

ИЗБРАННОЕ

*Перевод с вьетнамского,
французского и ханваня*

Вступительная статья
К. СИМОНОВА

МОСКВА · «ПРОГРЕСС» · 1979

Составитель
Е. КОБЕЛЕВ

Автор послесловия
Н. НИКУЛИН

Редактор и автор примечаний
М. ТКАЧЕВ

Все произведения, входящие в настоящий сборник, кроме отмеченных в содержании знаком*, опубликованы на языке оригинала до 1973 года.

$X\frac{70500-788}{006(01)-79}$ 99-79 4703000000

В самом облике Хо Ши Мина было нечто неискоренимо поэтическое. Он одновременно был и вождем своего народа, несгибаемым революционером-интернационалистом, теоретиком и человеком действия, стратегом и тактиком революционной войны, широко образованным человеком, не только знавшим много языков, но и писавшим свои произведения на нескольких языках, и одновременно со всем этим в сознании вьетнамского народа он оставался «дядюшкой Хо», мудрым старым человеком, живущим где-то совсем рядом и способным запросто понять все, что ему расскажет о себе другой вьетнамец, его ровесник или юноша, женщина или ребенок.

Хо Ши Мин любил это прозвище — «дядюшка Хо». Оно говорило не только о том, что он любим людьми, но и о том, что он понятен им, о том, что его душа сродни их душам так же, как сродни их горестям его горести, их радостям его радости, их надеждам его надежды.

Когда о великом государственном деятеле говорят, что он простой человек, в устах людей это звучит так же похвально, как слова «это солдат», сказанные о генерале. В облике Хо Ши Мина не было ничего специфически военного, хотя на его долю выпало руководить вооруженной борьбой своего народа на протяжении нескольких десятилетий. В его облике не было ничего подчеркнуто интеллигентского, хотя он и был человеком глубоких знаний и философского склада ума. В пожилые годы он был похож на старого вьетнамского крестьянина, на человека из народа, такого же, как и все, только при этом самого умного, самого твердого, самого непоколебимого.

Когда читаешь «тюремные стихи» Хо Ши Мина, поражаешься не только его выдержке, его спокойствию перед лицом опасности, смерти, но и тому, как все это, вместе взятое, ни на минуту не может истребить в нем любви к жизни, к природе, к людям. Поистине такие стихи в таких обстоятельствах мог написать только очень нравственно здоровый и сильный духом человек.

А еще, читая эти стихи, все время ощущаешь, что Хо Ши Мин нигде не стремится напомнить ни о масштабе своей личности, ни о масштабах того революционного дела, которым он занят. Сознание всего этого, разумеется, присутствует, но как поэт, обращающий свои стихи не только к себе, но и к другим людям, он не отделяет себя от них, от этих других людей. В своих стихах он для читателя всего-навсего один из многих людей, борющихся за свободу

и во имя этого переносящих несправедливость тюрьмы, несправедливость ложных обвинений, несправедливость всего того, что происходит с ним. Он ничем не отделяет себя от любого другого рядового бойца революции.

Помещенные в этом же томе рядом со стихами рассказы и памфлеты, к которым по жанру их, по характеру письма вплотную примыкают и некоторые из его статей, на мой взгляд, одно из самых сильных и яростных в своей великолепной иронии обвинений, брошенных в лицо колониализму в двадцатые годы нашего века. Я читал эти памфлеты с восторгом. Какая сила молодости, неподкупности, непримиримости, веры в классовую солидарность бушевала в этих памфлетах! Какая вера в мировое значение идей Ленина, в силу, в длительность, в несокрушимость их воздействия читается в каждой строчке книги молодого Хо Ши Мина! А ведь это еще было только самое начало двадцатых годов, и его, молодого революционера и молодого публициста, отделяло тогда еще целых двадцать лет от всенародного восстания и основания Демократической Республики Вьетнам и более полувека — от окончательной победы вьетнамского народа и объединения всего Вьетнама.

Да, поистине не только как теоретик и практик революционного движения, но и как поэт и литератор Хо Ши Мин с самого начала своей деятельности умел заглядывать далеко вперед. И в этой силе его веры заложена высокая поэзия, выдержавшая проверку временем.

Константин Симонов

ДЕКЛАРАЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ*

«Мы считаем, что все люди сотворены равными; что они от рождения наделены некоторыми неотъемлемыми правами, среди которых право на жизнь, свободу и счастье».

Эти бессмертные слова записаны в Декларации независимости Соединенных Штатов Америки, провозглашенной в 1776 году. В более широком понимании эти слова означают: все народы на земле равны; каждый народ имеет право на жизнь, счастье и свободу.

«Декларация прав человека и гражданина», провозглашенная Французской революцией в 1789 году, также утверждает:

«Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах».

Это неопровержимые истины.

Однако вот уже более 80 лет французские колонизаторы под прикрытием лозунга «Свобода, Равенство и Братство» грабили нашу страну и угнетали наших соотечественников. Их действия решительно противоречили всем принципам гуманности и справедливости.

В политическом отношении они полностью лишили нас всех демократических свобод, навязали нам варварские законы. Они установили три различных политических режима в Центральном, Южном и Северном Вьетнаме, чтобы подорвать единство нашей родины, единство нашего народа.

Они построили больше тюрем, чем школ. Они безжалостно расправлялись с патриотами нашей страны. Они топили народные восстания в потоках крови.

Они старались задушить общественное мнение и насаждали невежество и темноту.

Они использовали опиум и алкоголь, чтобы ослабить наш народ.

В экономическом отношении они беспощадно эксплуатировали наш народ, ввергли его в крайнюю нищету, разграбили и опустошили нашу страну.

Они завладели нашими землями, рудниками и природными богатствами.

Они присвоили себе монопольное право на выпуск банкнотов и прибрали к рукам всю внешнюю торговлю нашей страны.

Они установили сотни несправедливых налогов и довели наш народ, особенно земледельцев и мелких торговцев, до ужасающей нищеты.

Они препятствовали развитию нашей национальной буржуазии.

Они самым безжалостным образом эксплуатировали наш рабочий класс.

Осенью 1940 года, когда японские фашисты вторглись в Индокитай, с тем чтобы использовать его как базу для войны против союзников, французские колонизаторы предали нашу страну, отдав ее в руки захватчиков, и капитулировали перед Японией.

С тех пор наш народ испытывал на себе двойной японо-французский гнет. Это ухудшило и без того бедственное положение народа. В результате в конце 1944 и в начале 1945 года в обширных районах, простирающихся от Куангчи [1] *до севера страны, более 2 миллионов наших соотечественников погибло от голода.*

9 марта 1945 года японцы разоружили французские войска. И вновь французские колонизаторы либо бежали, либо капитулировали перед японцами. Таким образом, они не только не смогли «защитить» нас, но, наоборот, в течение пяти лет дважды продали нашу страну японцам.

До 9 марта 1945 года Вьетминь [2] *неоднократно призывал французов объединиться с ним для борьбы против японских оккупантов. Не отвечая на эти предложения, французские колонизаторы начали против вьетнамских патриотов еще более свирепый террор, чем прежде. Они дошли до того, что перед своим бегством зверски убили многих политических заключенных в Йенбае и Каобанге* [3].

Несмотря на все это, наши соотечественники продолжали великодушно и гуманно относиться к французам. После событий 9 марта 1945 года Вьетминь помог многим французам перейти границу, многих освободил из японских тюрем, защищал жизнь и имущество французов.

Фактически с осени 1940 года наша страна перестала быть французской колонией и стала колонией Японии. После капитуляции Японии весь народ нашей страны восстал, взял власть в свои руки и основал Демократическую Республику Вьетнам.

Таким образом, на деле мы вырвали свою независимость из рук японцев, а не из рук французов.

Французы бежали, японцы капитулировали, император Бао Дай [4] *отрекся от престола. Наш народ разбил цепи колониального рабства, сковывавшие его в течение почти столетия, и создал независимый Вьетнам. Наш народ в то же время сверг монархический режим, существовавший десятки веков, и установил республиканский демократический строй.*

В силу этих причин мы, члены Временного правительства нового Вьетнама, представляющего весь вьетнамский народ, заявляем, что отныне мы порываем всякие отношения с империалистической Францией, объявляем недействительными договоры, подписанные Францией относительно Вьетнама, аннулируем все привилегии, присвоенные французами на нашей территории.

Весь вьетнамский народ от мала до велика решительно выступает против происков французских колонизаторов.

Мы уверены, что союзные державы, признавшие на конференциях в Тегеране и Сан-Франциско принципы равноправия наций, не могут не признать права вьетнамского народа на независимость.

Народ, который в течение более 80 лет вел упорную борьбу против французского господства, который несколько лет мужественно сражался в рядах союзников против фашизма,— такой народ имеет право быть свободным! Такой народ должен быть независимым!

В силу этих причин мы, члены Временного правительства Демократической Республики Вьетнам, торжественно провозглашаем всему миру:

Вьетнам имеет право быть свободным и независимым и действительно стал свободным и независимым. Вьетнамский народ полон решимости отдать все свои духов-

ные и материальные силы, пожертвовать своей жизнью и достоянием, чтобы отстоять свое право на свободу и независимость.

Хо Ши Мин

2 сентября 1945 года

СТИХИ

ТЮРЕМНЫЙ ДНЕВНИК*

* * *

Пускай в тюрьме изнывает тело,
Душа на вольный простор взлетела.
Ясна мне цель, и прям мой путь —
Останусь мужествен до предела.

НАЧИНАЮ ДНЕВНИК

Я не слагал бы стихов в уме,
Но чем заняться в проклятой тюрьме?
Стихи слагаю для развлеченья
И жду свободы в цепях, во тьме.

Я БЫЛ АРЕСТОВАН В ЦЗУЖУНЕ

В Цзужуне [5], что значит «Высокая честь»,
Меня вы оклеветали,
Назвали шпионом вражеским здесь
И в грязь мою честь втоптали.

В УЕЗДНОЙ ЦЗИНСИЙСКОЙ ТЮРЬМЕ

Встречает мрачно людей тюрьма.
Вверху растет грозовая тьма.
Настанет конец и грозам и бурям,
Лишь узникам не уйти из тюрем.

ТЯЖКИЙ ПУТЬ

По горным опасным тропам я шел,
Но лишь в низине капкан нашел.
В горах и тигр не смел меня тронуть,
В стране людей я в тюрьму вошел.

Прислал вьетнамский народ меня.
Высокое званье гостя храня,
Не ждал я встречи с диким тайфуном,
Зато меня ждала западня.

Пришел я в Китай с открытым лицом,
А назван лазутчиком и лжецом.
Конечно, жизнь — нелегкое дело.
Труднее всего быть честным бойцом!

НА ЗАРЕ

Луч солнца тронул тюремный затвор,
Проник в зарешеченное оконце.
Еще в полумраке тюремный двор.
Но ярко на лицах сверкает солнце.

В рубахах вшей арестанты бьют.
К восьми часам принесут баланду.
Поешь, не дождешься ты сладких блюд —
Набил живот чем-нибудь, и ладно!

ДНЕМ

В тюрьме тишина. Я весь день проспал.
Часы проходили. Им счет пропал.
Летел мой дракон по круче небесной [6].
И снова я в клетке проснулся тесной.

В ДВА ПОПОЛУДНИ

Тюрьму проветрили. Вместо хлеба
Нам дали клочок голубого неба.
Вы, духи полуденной синевы,
Я узник, но я такой же, как вы.

ВЕЧЕРОМ

А после ужина в скуке смертной
Читают стихи и поют усердно.
Угрюмый острог в уезде Цзинси
Вдруг превращается в зал концертный.

ТЮРЕМНАЯ ПИЩА

Вот горстка красного риса в полдень.
Но где же овощи, соль, вода?
Дадут добавку — желудок наполнен.
А нет добавки — взвоешь тогда.

ГОЛОС ФЛЕЙТЫ

Флейты напев все нежней и выше,
В ней страсть, забвенье и печаль.
За тысячи ли на высокой крыше
Любимая смотрит тоскливо вдаль.

КОЛОДКИ

Разевает глотку дьявол голодный,
Человечьи ноги сжимает плотно,
Мою правую ногу держит в клыках,
Только левой я владею свободно.

Бывает в жизни такая напасть!
Торопятся люди к дьяволу в пасть.
А если ноги ему не сунешь,
Придется бессонную ночь проклясть.

ЛУННАЯ НОЧЬ

В тюрьме не сыщешь роз и вина.
Лишь ночь одна благовоньем полна.
Колдунья луна глядит сквозь решетку,
Шлет узнику вдохновенье она.

ШАХМАТЫ

От нечего делать учусь охотно:
Фигурки коней и рати пехотной
Сшибаются, наступают в бою,
Являют нам удаль и сметку свою.

Но надо предвидеть нежданный случай:
Всегда наступай, торопись, не мешкай.
Помедлишь — прощайся с фигурой лучшей.
Кто зорок — силен и с одною пешкой.

У двух играющих силы равны,
Но выигрыш у одной стороны.
Расчет в обороне и в наступленье —
Вот дар полководца, тайна войны.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВОДЫ

На каждого миска воды в темнице.
А что с нею делать — сам назначай!
Заваришь чай — не хватит умыться,
Умоешь лицо — не заваришь чай.

ПРАЗДНИК СЕРЕДИНЫ ОСЕНИ [7]

Зеркальный диск осенней луны
На землю льет серебро с вышины.
Сбираются семьи, встречают праздник.
Они об узниках помнить должны.

Такой же праздник у нас наступил,
Луна светила, ветер вопил.
Но как любоваться луной в неволе?
Стремился я к ней, часы торопил.

ИГРА В КАРТЫ

Сыграешь на воле — сядешь в тюрьму,
А здесь — открыто и смело играй.
И спросит страстный игрок: «Почему
Не знал я раньше про этот рай?» *

* Здесь автор высмеивает введенный тогда в Китае запрет на азартные игры.— *Прим. ред.*

КАРТЕЖНИКИ

Картежников морят голодом тут —
Пускай угрызенья грешных гнетут!
Богатым жратву из дома приносят.
У бедных слезы и слюнки текут.

10 ОКТЯБРЯ ПЕРЕСЫЛАЮТ В ТЯНЬБАО

В цветных фонарях, блестя и звеня,
Справляет Китай знаменитый праздник [8].
В другую тюрьму погнали меня,
Лишь встречный ветер узника дразнит.

В ПУТИ

Узнаешь в пути, что такое путь.
Сменяют друг дружку вершины гор.
Подымешься вверх, оглянешься — жуть,
Как беспределен земной простор!

В СУМЕРКАХ

Усталая птица вернулась в лес,
Летят облака по кромке небес.
В деревне девушка мелет маис.
Над печкой алые искры взвились.

НОЧЬ В ЛУНЦЮАНЕ

Две ноги — что два коня —
Загнаны в теченье дня.
Блохи злы. Перед рассветом
Будит иволга меня.

ТЯНЬДУН

Тюремное пойло не стоит гроша.
Урчит мое брюхо, голод глуша.
Дороже, чем жемчуг, крупинка риса,
Вязанка дров ценней, чем корица.

МЕНЯ ПРИВЕЛИ В ЦЗИНБАО

Полсотни километров за день отхватил,
Сандалии стоптал я, вымок под дождем.
В тюрьме тесным-тесно, нас заперли в сортир:
— Куда упрятать вас — до завтра подождем!

ЖЕНА НАВЕЩАЕТ МУЖА

Жена и муж как будто бы рядом,
Стальной решеткой разобщены.
Друг к другу еле тянутся взглядом:
Так небо на землю глядит с вышины.
Глазами что-то сказать желают,
Да слезы глаза им застилают —
Как больно смотреть на муки жены!

МИСТЕР УИЛКИ ЕДЕТ В КИТАЙ [9]

Друзья Китая, мы едем в Чунцин —
Мистер Уилки и я.
В парадном зале принят один.
Темница — доля моя.

Обоих уполномочил народ.
Ему одному почет.
А мне велят: от ворот поворот!
Но в море река течет!

САМОМУ СЕБЕ

Когда бы не было злой зимы,
Забыл бы мир о весне.
Несчастия этой черной тюрьмы
Закалкой послужат мне.

НА ПОЛЯХ

Весной, когда я прибыл сюда,
Зеленая пажить была молода.
Пришел урожай. На полях страда.
Веселых песен пришла череда.

ТЮРЬМА В ГОДЭ

На семейный похож тюремный быт:
Если есть дрова, если рис добыт,
Если ты приберег керосин и соль —
Разведи у порога огонь, изволь!

ХАРЧЕВНЯ

У дороги, где гуще деревья сплелись,
Под яркой вывеской люди сошлись:
Не худо бы тут закусить проезжим —
Сольцой заправь вареный рис!

УТРЕННИЙ ПЕРЕХОД

Петух закричал спросонок — но
Еще не утро, еще темно.
В осеннем небе в тот ранний час
Мигали звездочки, слабо лучась.

В тот ранний час за мною пришли,
Погнали куда-то на край земли.
Лишь ветер осенний в лицо мне бил,
Лишь ветер до самых костей знобил.

Но тьма редела, и в раннюю рань
Даль розовела, куда ни глянь.
И узник, согретый в утренней тьме,
Невольно слагал стихи в уме.

ОТ ЛУНЪАНЯ ДО ТУНЧЖЭНА

Земля обширна, да почва скудна.
А люди трудятся дотемна.
Весной их засуха посетила,
Сожгла посевы риса она.

* * *

Пускай мне руки в сталь закуют,
Но если птицы в горах поют,
Кто запретит мне глядеть вокруг?
Далекий путь — самый близкий друг.

ТУНЧЖЭН

Тунчжэн иль Пинма — не все ли равно!
Живот подводит, в глазах темно.
Лишь свет и воздух везде в избытке:
Два раза в день открывают окно.

ПОД БУМАЖНЫМ ОДЕЯЛОМ

Заботливо книжные склеив листы,
Под ними всю ночь не согреешься ты.
А спящие сладко под сеткой москитной
Не чувствуют нашей бессонной беды.

ХОЛОДНАЯ НОЧЬ

На голом полу я сжался в комок,
От холода трясся, уснуть не мог.
Сквозь листья банана луна светила.
Ночных созвездий мерцал венок.

Я СВЯЗАН

Обвил мне руки и ноги дракон,
Жаль только — нет офицерских погон.
Хорош офицер в золотых аксельбантах.
Меня же веревкой душит закон.

ВЫРВАННОМУ ЗУБУ

Ты храбро стоял на своем посту,
Был стоек и не шатался во рту.
С тобою делил я и сладость и горечь —
Надгробным словом тебя почту.

ЖЕНА ДЕЗЕРТИРА

Не вернулся муж, он ушел далеко.
Понапрасну жена тянулась к нему...
Позаботился чиновник об одинокой:
Пригласил ее поселиться в тюрьму [10].

ШУТКА

Питаюсь и живу за счет казны.
Солдаты охранять меня должны.
Бреду вдоль рек, брожу по горным кручам:
Не многие, как я, вознесены!

НА ПУТИ В НАНЬНИН

Сменили мне веревку ржавой цепью.
Цепь тяжела и тянется, визжа.
Я — узник, но во всем великолепье
Я шествую степенно, как раджа.

ЧАСОВЫЕ НЕСУТ СВИНЬЮ

Несут свинью конвойные мои.
Свинье почет, свиной уважен нрав.
А узник, видно, хуже той свиньи:
Пешком плетется он, лишенный прав.

Немало в жизни горького найдешь,
Но горше всех у арестанта участь.
И ты, как буйвол, медленно бредешь,
Как подъяремная скотина, мучась.

ПОСКОЛЬЗНУЛСЯ

Ни зги не видать, а за мною явились.
Бредем, наш путь каменист, извилист.
Поскользнулся, в грязную яму упал.
Не ушибся, к счастью,— целехонек встал.

В ЛОДКЕ ДО НАНЬНИНА

Мы в лодке спешим к Наньнину скорее.
Я словно повешен — привязан к рее.
Богатый край! А глянешь назад —
Рыбачьи сампаны легко скользят.

ТЮРЬМА В НАНЬНИНЕ

Здесь порядок образцовый, видимо, царит.
Электричество всю ночь ослепительно горит.
Но все та же, как и всюду, миска жиденького риса,
Но все та же пустота в животе бурлит.

ТОСКА

Бойцы спешат на фронт. Заря
Раскинула в полнеба пламя.
А я теряю время зря,
Закован кандалами!

ПЕТУХ

Кто ты? Петух, простой петух.
Ты людям возвещаешь утро,
Ты пробудившемуся друг.
Нет, ты не прост, ты создан мудро.

УМЕР КАРТЕЖНИК

Обтянут кожей бедный скелет.
Он мерз, голодал, хирел столько лет.
Со мною рядом лежал, не проснулся —
К почтенным предкам, видно, вернулся.

ЕЩЕ ОДИН...

Некогда Шу-ци порвал с владыкой [11] —
Узник на пол выливал бурду.
Умирал Шу-ци на круче дикой —
Узник сохнул с голоду в бреду.

КУРИТЬ ЗАПРЕЩАЕТСЯ

Курить запрещается. Значит, сосед,
Надзирателю выдай табак и кисет.
Он трубку закурит — радость получит,
А ты закуришь — в колодках замучит.

ВЕЧЕР

Ветер острым ножом сечет расселины скал.
Стужа листву деревьев острой иглою колет.
Путник услышал колокол, путь домой отыскал.
Запел на свирели пастух, буйвола дальше гонит.

ТЮРЕМНЫЕ ЦЕНЫ

Шесть мао — риса котелок.
Юань * — с чаинкой кипяток.
За все плати дороже втрое:
В тюрьме порядок очень строг!

---

* Юань — денежная единица в Китае; 1 юань равен 10 мао (или цзяо).

БЕССОННИЦА

Час ночи пробил, и два, и три,
Не сплю, ворочаюсь до зари.
Четыре... пять — и вот тогда
Пятиконечная встала Звезда.

ДАЛЕКОМУ ДРУГУ

Мы на прощанье друг другу клялись,
Что свидимся вновь, как созреет рис.
Но собран уж рис, перепахано поле,—
А я на чужой стороне, в неволе.

ПОМОГАЮ ДРУЗЬЯМ ПО НЕСЧАСТЬЮ

Гребцам в одной лодке надо дружить.
Пишу заявленья многим сразу.
Хочу благодарность их заслужить:
«По полномочью»... и прочие фразы.

ЧЕСОТКА

Все тело красно, как кумач. Я терплю,
Чешусь, будто струны гитары щиплю.
Мы все гитаристы в тюремной клетке,
А я гитаристов очень люблю.

ЛУЩЕНЬЕ РИСА

Рис от лущенья стонет и болеет,
Но в ступке, словно хлопок, он белеет.
Так в жизни: настоящий человек
Все муки победит и одолеет.

11 НОЯБРЯ 1942 ГОДА

В ноябрьский день, как помнят издавна,
Во всей Европе кончилась война [12].
Вновь пять материков в огне кровавом —
И то нацистских дьяволов вина.

Шесть лет, неотвратимо нарастая,
Идет сопротивление Китая.
Хотя победа верная близка —
Ее добудешь, только наступая.

Вся Азия японцев бьет и бьет.
Велик народ иль мал — он восстает.
Бывает знамя и большим, и малым,
Но в правый бой и малое ведет!

ВОЗДУШНАЯ ТРЕВОГА

12 ноября 1942 года

Самолет врага гудит из тьмы.
Распахнули настежь дверь тюрьмы.
Рядом с горожанами в укрытье
Радость воли испытали мы!

* * *

Тот, кто был в тюрьме, послужит людям честно:
Хорошо в тюрьме проверен он.
Человек из этой клетки тесной
Вылетает сильный, как дракон.

ВОТ ТАК ГОСТИНИЦА!

Для новичков готов приют
Рядом с уборной смрадной.
А место лучшее дают
Повсюду не бесплатно.

СОЛНЕЧНОЕ УТРО

Солнечный лучик пробился в тюрьму.
Бедным узникам мало знаком он.
Рады хмурые люди ему —
Всюду веселый говор и гомон.

«ВО ВЬЕТНАМЕ НЕСПОКОЙНО»

Из сообщения наньнинской газеты

Пускай погибнем — мы не рабы.
Взвивайся, красное знамя борьбы!
Но как мне горько в тюрьме томиться,
Не слышать зовущей в битву трубы.

АНГЛИЧАНЕ В КИТАЕ

Отбыли янки, прибыли англичане,
Встретил их салют величанья.
Другой делегат, далеко не праздный,
Принят я был весьма своеобразно!

ПРИБЫЛ В УМИН

Прибыл в Наньнин,
Снова — в Умин.
Без толку водят.
Время тратят.
Хватит!

СОБАЧЬЕ МЯСО

В Годэ готовят свежую рыбу,
В Баосяне — собачье жаркое [13].
В этом знают толк конвойные, ибо
Пожирают то и другое.

КУЛИ СТРОЯТ ДОРОГУ

Продрогшие, промокшие, без счета
Нагие кули. Тяжела работа.
Вы, пешие и конные, в пути
Не вспомните, что здесь трудился кто-то.

ЧАСОВОЙ УКРАЛ МОЮ ПАЛКУ

Была ты гибкой и прямой,
Шла рядом летом и зимой.
Будь проклят вор, что разлучил нас,
Прощай, любимый спутник мой!

МЛАДЕНЕЦ В БИНЬЯНСКОЙ ТЮРЬМЕ

Уа!.. Уа!.. Уа!.. Уа!..
Мой папа бежал, потому что война.
Хоть и не прожил я полугода,
Но мама в тюрьме сидеть должна.

ДОРОЖНЫЙ СТОЛБ

Ты не высок и не велик.
Не царский высечен здесь лик.
Ты только камень, врытый в землю,
Что на обочине возник.

Ты говоришь, куда идти,
Чтобы не сбились мы в пути
И знали, сколько нам осталось
Еще одолевать усталость.
Ты мудрый столб. Прощай, прости!

СВЕТ В ТЮРЬМЕ

Плати в тюрьме за освещенье!
За шесть юаней свет дадут.
Войдя в сырое помещенье,
Свет сильно дорожает тут.

ТЮРЕМНАЯ ЖИЗНЬ

У каждого дымится печь,
Чтоб рис варить, лепешку печь.
В кастрюльках овощи томятся.
Трещат поленья. Сучки дымятся.

ГОСПОДИН ГО

Я говорил минуту с ним случайно.
Он был со мной любезен чрезвычайно.
Он добротою узника привлек,
Как раскаленный добрый уголек.

КОНВОИР МО

Он был великодушьем воплощенным,
За нас платил свое же серебро,
Снимал он на ночь цепи заключенным
И неустанно делал нам добро.

В ПОЕЗДЕ

Я шел пешком десятки дней
И вот попал в попутный поезд.
Доеду проще и верней,
На угле кое-как устроясь.

БЕГЛЕЦ

Его манила воля издали.
Рискуя жизнью, прыгнул из вагона,
Но не прошел и половины ли,
Как снова схвачен слугами закона.

В ЛАЙБИНЕ

Начальник тюрьмы—знаменитый картежник,
Полиции шеф вымогает гроши.
А третий — не любит дел тревожных.
Порялки в Лайбине, видать, хороши.

ПРИБЫЛ В ЛЮЧЖОУ

9 декабря 1942 года

Всему конец, всей этой мгле плачевной.
В Лючжоу светит солнце декабря.
Я вспоминаю свой кошмар стодневный,
И сердце бьется, пламенем горя.

ДЕРЖАТ БЕЗ ДОПРОСА

Чем больше пьешь его, тем горше зелье.
Последний час труднее всех в пути.
Хоть мандарин недалеко отсюда,
Нельзя к нему без вызова прийти.

НОЧЬЮ

Покуда спят, все кажутся добры.
Не различаешь злобных до поры.
И доброта и злость не от рожденья —
То воспитанья нашего дары.

ПРОШЛО ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА

Четыре месяца я в тюрьме,
А кажется — десять лет во тьме.
В четыре месяца стал я ближе
На десять лет к последней зиме.

Потому что:
Четыре месяца сон забыл,
Четыре месяца голоден был,
Четыре месяца в той же рубахе,
Волос не стриг, тела не мыл.

Вот почему:
Шатаются зубы от цинги,
Седеют волосы от тоски.
Я высох весь и черен, как дьявол,
И под глазами черны круги.

Но к счастью:
Что бы там ни было — все стерплю,
Я им ни пяди не уступлю.
Пускай мое тело иссохнет в муке,
Я дух закалю, я силу скоплю.

БОЛЕЗНЬ

Болезнь в тюрьме — всегда у смерти на краю.
Мне надо во Вьетнам, на родину мою.
Китайский климат злой мне сковывает тело,
Но я не жалуюсь, я все-таки пою.

В РЕЗИДЕНЦИИ МАНДАРИНА

Я думал: вот последний перевал,
Мгновенье — и свобода ждет меня.
Но трудный день еще не миновал,
В Гуйлине буду с завтрашнего дня.

В ГУЙЛИНЕ

Хоть назван город Гуйлинь, корицей не славен лес[14]:
Только стремнины рек да горный кряж до небес.
Тень от густого баньяна мне закрывает окно.
Ночью здесь тишина, днем — как ночью, темно.

ВХОДНАЯ ПЛАТА

За право входа в тюрьму — плати,
Не меньше полсотни юаней клади.
А если платить тебе, скажем, нечем,
Еще натерпишься, погоди!

21

Сорок дней конвой и тюрьма.
Что за глупая кутерьма:
Снова гонят меня в Лючжоу.
Поневоле сойдешь с ума!

?

Гуйлинь — Лючжоу, Лючжоу — Гуйлинь.
Бросают меня, как мячик.
Прошел я сотни рек и долин.
Чем кончится? Что это значит?

В ПОЛИТИЧЕСКОМ ОТДЕЛЕ ЧЕТВЕРТОГО ВОЕННОГО РАЙОНА

Я был в тринадцати уездах Гуанси,
У восемнадцати тюремных ждал ворот.
В чем же вина моя, кого-нибудь спроси —
Я предан родине, люблю родной народ!

УТРО

На заре, когда солнце едва заалеет,
Над вершинами гор занимается день.
Только в нашу тюрьму день проникнуть не смеет,
Здесь господствует черная тень.

ПРАЗДНИК ЦИНМИН [15]

Весь день сегодня дождик моросит,
Не видит узник праздника, грустит.
Свобода, где же скрылась ты впотьмах?
Конвойный говорит: у богачей в домах.

ВЕЧЕР

Пусть роза расцветет,
Пусть лепестки уронит —
К нам аромат дойдет,
Ее кончиной тронет.

НЕТ СВОБОДЫ

Что горше, чем терять свободу?
В уборную и то нет входа!
Когда открыта — нет нужды,
Закрыта — тут как тут природа!

БЕССОННЫЕ НОЧИ

Ты в часы бессонницы напишешь
Чуть побольше ста четверостиший,
Бросишь карандаш, опять не спишь,
Сквозь решетку на небо глядишь.

ЛИВЕНЬ В ДОРОГЕ

Девять дней непрерывно лило,
На десятый чуть-чуть рассвело.
Развалились подметки. Все мокро и грязно.
Надо дальше идти безотказно!

ЖАЛЬ ПОТЕРЯННОГО ВРЕМЕНИ

Мешает жизнь вернуться в строй борцов.
Я потерял в цепях две трети года.
Жаль времени. Когда ж в конце концов
Я в строй вернусь? Когда придет свобода?

ОСЕННЕЕ

Восходит Большая Медведица в десять часов.
Стрекочут сверчки и тихонько приветствуют осень.
А нам что за дело? Заперли нас на засов.
Какая там осень! Нам воздух тюремный несносен.

В минувшую осень я с вольною волей дружил,
А нынешней осенью — заперт в темнице.
Но если в ту осень народу служил,
То служба моя не могла измениться.

РАЗРЕШЕНА ПРОГУЛКА

Шатаюсь, падаю. Ноги как вата —
Ходить разучились, трясутся, скользят.
На часового гляжу виновато.
А тот уже гаркает: «Хватит! Назад!»

ЧИТАЯ «СОБРАНИЕ ТЫСЯЧИ СТИХОТВОРЦЕВ» [16]

Здесь воспевали розы и миндаль,
Восход луны иль солнышко за тучей.
Пускай в стихах звенит и блещет сталь.
Поэт — боец, других бойцов ведущий.

ОСЕННЯЯ НОЧЬ

Встань, луна, пошли ко мне снопы
Трепетной осенней позолоты!
Как броневики, ползут клопы.
Комары гудят, как самолеты.

Родина, меж нами сотни ли.
В тяжком сне забылся я и замер.
Шли недели. Месяцы прошли.
Эти строки писаны слезами.

КРАСИВЫЙ ПЕЙЗАЖ

Как смелость Чжан Фэя, деревья прекрасны.
Как честь Гуань Юя [17], сверкает рассвет.
Я более года ждал писем напрасно —
Но весточки с родины нет.

ХОРОШИЙ ДЕНЬ

Всему приходит свой черед,
Ненастье сгинуло навеки.
Свой мокрый плащ природа рвет.
Сверкают горы. Блещут реки.

Как дышат сладостно цветы,
Как птицы на деревьях свищут,
Так люди с жизнию слиты —
Вслед за несчастьем радость ищут.

ПОСЛЕ ВЫХОДА ИЗ ТЮРЬМЫ УЧУСЬ ВОСХОДИТЬ НА ВЕРШИНЫ *

Тучи обнимают горы, горы вытянулись к тучам.
Реки зеркально прозрачны, поредел туман вокруг.
Я дошел до Сифэнлина [18] и в волнении растущем
Поглядел на Юг далекий: отзовись, старинный друг!

* Стихотворение написано автором после выхода из заточения и не входит в цикл «Тюремный дневник». В данной публикации сохраняется состав «Тюремного дневника» в том виде, как он был переведен П. Антокольским и впервые издан на русском языке.

В 1942 г. Хо Ши Мина в Китае арестовали гоминьдановские власти, он пробыл в застенках 14 месяцев. Однако вьетнамским коммунистам удалось установить с ним связь. В последние месяцы своего заключения он еженедельно пересылал известия о себе в Пакбо (горная местность в провинции Каобанг, на севере Вьетнама), где находилось тогда руководство Компартии Индокитая (ныне КПВ), создавались организации Вьетминя, вооруженные отряды и т. д. Свои послания Хо Ши Мин писал рисовым отваром на полях китайских газет; при нагревании проступали строки писем, которые обычно сопровождались стихами, вошедшими позднее в «Тюремный дневник». В середине сентября 1943 г. известия от Хо Ши Мина перестали поступать. Распространился слух о его смерти. Для выяснения подробностей его гибели в Китай был направлен связной. Однако в октябре 1943 г. из Лючжоу пришла в Пакбо газета со строками тайнописи: «Желаю братьям дома здоровья и активной работы. У нас здесь все в порядке». Далее шло публикуемое выше четверостишие.— *Прим. ред.*

ИЗ ЦИКЛА «ТЮРЕМНЫЙ ДНЕВНИК» *

ДОПРОС

У государства
два полюса непримиримых —
Это судья
и бедняга, попавший под суд.
Молвит судья:
«Ты, несомненно, виновен».
Узник ответствует:
«Разве бесчестен мой труд?»
Молвит судья:
«Пытаешься, плут, отвертеться!»
Узник ответствует:
«Я, ваша милость, не плут».
Если судья
добротой обладает природной,
Лишь притворяется,
что непреклонен и крут,
Он человечность
готов проявить, снисхожденье,
Ложное обвиненье
он прячет под спуд,
И побеждает закон
меж двумя полюсами,
Сила и правда
верх над бесправьем берут.

---

* 13 мая 1978 г. газета «Нян зан» («Народ»)—орган ЦК КПВ к 88-й годовщине со дня рождения Хо Ши Мина напечатала подборку из семи стихов под заголовком «Несколько не опубликованных ранее стихотворений из «Тюремного дневника». Этими стихами дополнен выходивший прежде на русском языке поэтический цикл Хо Ши Мина.

УЛИЧНАЯ СЦЕНА

Крики на улице, толчея,
пойман злодей, говорят,
То ли изменник, то ли шпион,
мне он не сват, не брат,
Он мне не брат, не соратник — никто,
сам я, однако, под стражей,
Не потому ли чувствую дрожь,
холодом весь объят?

В ПОЛНОЧЬ СЛЫШУ ПРИЧИТАНИЯ ВДОВЫ

Ах, супруг, бесценный супруг!
  ты за какую вину
Здесь на земле покинул меня,
  в мире оставил одну?
Я никогда не увижу тебя
  и никогда не встречу
Душу другую, столь близкую мне,
  разве тебя верну?

ПИСЬМО К НЕРУ

Когда мне выпала борьба,
и вы боролись тоже,
Когда вам выпала тюрьма,
сидеть пришлось и мне,
Но между нами пролегли
десятки тысяч ли,
Когда бы не такая даль,
сошлись бы мы вполне.
Однако не сошлись пути,
хотя во многом схожи,
Вы не могли потолковать
со мной наедине.
Вас предали тюрьме враги
в краю родимом вашем,
А мне надели кандалы
друзья в чужой стране.

КАМЕРА ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ

Вот камера — три метра вдоль,
два метра — поперек,
Не поместиться и троим —
загнали четырех.
Не вытянешь усталых ног,
прилечь и не пытайся,
Полно народу, места нет,
и отдых нам не впрок.

ЗЫОНГ ДАО ТЯЖЕЛО БОЛЕН

От урагана дрожит земля,
волны идут напролом,
Зыонг Дао посажен в тюрьму,
стены глухие кругом.
Тяжко горе чужое сносить,
видеть чужие муки,
А каково тебе, Зыонг Дао,—
кашляешь кровью притом.

ЧУВСТВУЮ ГОЛОД

Прежде чуть свет приносили еду,
нынче не балуют нас,
Завтрак вовремя не принесут,
видно, и в этот раз.
Позже и позже гремит замок,
ждать приходится дольше.
Может, пробило десять часов,
может, двенадцатый час.

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

ВЕЛИЧАВЫЙ ПАКБО [19]

Горы возносятся ввысь,
воды струятся в простор;
Дали какие! Какая ширь!
Ясный какой кругозор!
Речку Ленина вижу вдали,
дальше — вершина Маркса;
Как открыватель, даю имена
потокам и гребням гор.

Февраль 1941 года

ОПИСЫВАЮ МЕСТНОСТЬ ПАКБО

Утром к ручью прихожу, а стемнеет —
дарит пещера кров;
Варево из лепестков закипает,
нежный бамбук готов.
На валуне пишу перевод
Истории большевиков [20],
Жизнь, посвященная правому делу,
славна во веки веков.

Февраль 1941 года

УБЕЖДАЮ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ ЧИТАТЬ ГАЗЕТУ «СВОБОДНЫЙ ВЬЕТНАМ» *

Хищный мир европейских господ
алчен, жесток, свиреп.
Пусть, говорят, вьетнамский народ
глух остается и слеп!
Пусть прозябает во тьме,
станет подобен скотам!
Волей господ в управленье страной
не разобраться вовеки нам.
Читайте газету «Свободный Вьетнам» —
правду о нынешнем дне,
Газета откроет людям глаза,
слухом вас одарит,
Чтобы постигли мир,
который до времени скрыт,
Чтоб разобрались в разных делах,
происходящих в нашей стране,
Чтобы вы осознали вполне
силу единства людей,
Чтоб, эту силу поняв,
стали еще сильней,
Чтобы проникли в дела
давних и нынешних дней,
Чтоб знали родную страну,
словно матери милой черты.

---

* Речь идет о нелегальной газете «Независимый Вьетнам» — органе Вьетминя, выходившей в Каобанге и распространявшейся во многих районах страны. — *Прим. ред.*

Люди, которые прокляли власть
невежества и темноты,
Читайте газету «Свободный Вьетнам»,
другим давайте читать.
Этим поможете ей
окрепнуть и на ноги встать,
Чтобы проникла всюду она,
росла, как цветы и трава.
Вы, соплеменники, братья мои,
помните эти слова!

1 августа 1941 года

ПАХАРЯМ

Эй, братья пахари,
босые ваши ноги
И руки облепила грязь,
а спину заливает пот.
Гнетут вас подати
и тяжкие налоги,
За донгом исчезает донг *
в карманах западных господ [21].
Нет у крестьян земли,
нет подходящих пашен,
А на плантациях господ
земля на диво хороша.
Идете вы служить
им, кровопийцам вашим,
До гроба будете корпеть,
и не заплатят ни гроша.
Для них что буйволы, что люди —
все скотина,
Живут в довольстве господа,
оставив вам удел нужды.
Пора бы сбросить гнет
и слиться воедино.
Вас ждет народный фронт — Вьетминь,
вступайте все в его ряды!
Пускай встает Вьетнам,
встает готовый к бою!
Японцев прочь! Французов прочь!
Свободу отстоим в бою!

* Донг — денежная единица во Вьетнаме.

Вот шаг единственный,
предписанный судьбою.
Печалясь о родной стране,
мы думаем и о себе.
Мы вскоре победим
и выполним программу:
Всю землю пахарям дадим,
иную жизнь дадим Вьетнаму.

21 августа 1941 года

ПРИЗЫВ К ДЕТЯМ

Дитя — бутон цветка,
чуть видимый росток,
Ему бы сладко есть и спать,
прилежно изучать науки.
Но к сожалению,
удел страны жесток,
И детям нашим суждены
несчастья, горести и муки.
Не до учения,
о школе позабудь,
Детишки бедняков должны
с рассвета надрываться в поле,
Еще силенок нет,
однако спину гнуть,
Корпеть с большими наравне
приходится им поневоле.
Вдали от матерей
иные из ребят,
В домах заморских богачей
на побегушках наши дети.
Откуда это зло?
Кто в этом виноват?
Те, кто страну поработил,
захватчики за все в ответе!
Лишили нас домов,
свободы и страны,
И даже дети лишены
уюта, ласки, хлеба, крова.
И потому они,
как взрослые, должны

Уже готовиться к борьбе,
хотя она, увы, сурова.
Вы, юные бойцы,
должны отцам помочь
В спасении родной земли,
в святом и правом деле этом!
Когда же выгоним
гостей незваных прочь,
Мы сможем окружить детей
заботою, теплом и светом.

21 сентября 1941 года

РАБОЧИМ

Кто кладку возводил
тех сказочных палат?
Кто этот уголь добывал?
Чьи руки судно смастерили?
Кто из глубин земли
извлек бесценный клад?
Кто плавил это серебро
и это золото в горниле?
Во всем рабочих труд —
какая мощь в руках!
Они нам дарят столько благ,
всё, чем вселенная богата,
А на самих тряпье,
рванье взамен рубах,
И все длинней рабочий день,
и всякий раз ничтожней плата.
К тому же окрики,
побои, свист плетей.
За прошлый месяц штраф грозит,
за день вчерашний снова вычет.
Чем больше думаешь,
тем в сердце боль сильней,
Лишили нас родной страны
и пальцем в униженных тычут.
Японцы топчут нас,
французы правят всласть:
Трудись, не разгибай спины,
все силы отдавай работе.
Восстань, рабочий люд,
чужую свергни власть!

Когда спасете вы страну,
тогда самих себя спасете.
Товарищ! Ждет Вьетминь!
В его ряды вступай!
Борьба такая стоит жертв,
борьбы любая жертва стоит,
Когда мы возродим
наш разоренный край,
Все будет нам принадлежать,
и труд плодами удостоит.

11 октября 1941 года

ПЕСНЯ ОТРЯДОВ САМООБОРОНЫ

I

Идите точить клинки,
Точите скорей клинки,
Надо острее точить,
Подобно бритве точить,
Японцев в битве пронзить,
Француза сразить наповал.

II

Грозный сомкните строй!
К бою! В атаку! Вперед!
Хватит у нас штыков,
Несокрушим наш народ,
Дело свободы в бою
Верх непременно возьмет.

1 февраля 1942 года

ПЕСНЯ НИТКИ

Прекрасна мать моя —
        она была цветком,
Я — хлопок, плоть моя бела,
        чиста — взгляните, оцените.
Увы, податлив я,
        меня сожмете в ком,
Легко меня порвать, разъять,
        на пряди растрепать и нити.
Я ниткой становлюсь,
        но и она слаба,
И снова ощущаю страх —
        вдруг разорвут меня на части.
Откуда крепость взять?
        Но, может быть, судьба
Когда-нибудь дарует мне
        немного радости и счастья?
Все удлиняюсь я —
        все ненадежней нить.
Кто станет слабость уважать?
        Ей, трепетной, нужна подмога.
Есть у меня друзья,
        коль нас объединить,
Мы прочной тканью предстаем,
        мы переплетены, нас много.
Нить вдоль, нить поперек —
        надежней, чем шелка,
Я даже с кожею любой
        могу соперничать по праву.
Попробуй разорвать —
        задача нелегка.

Я силу чувствую свою
и гордо принимаю славу.

Хонг Бангов[22] правнуки,
вернем свои права!
Но мы для этого должны
единой тканью стать отныне.
Коль родина мила,
запомните слова:
Ищите путь в Народный фронт —
найдете силу во Вьетмине.

1 апреля 1942 года

ГЛЫБА

Скала — огромная глыба,
Скала, увы, тяжела.
Не сдвинуть ее в одиночку,
Не тронется с места скала.

Скала — огромная глыба,
Прочна она и тверда,
Пожалуй, и нескольким людям
Не сдвинуть ее никогда.

Скала — огромная глыба,
Скала, увы, тяжела,
Но множество рук наляжет —
Сдвинется эта скала.

Коль сможем объединиться,
Слить воедино сердца,
Любое нелегкое дело
Мы доведем до конца.

Французов прогнать и японцев,
Приблизить свободы час —
Это нелегкое дело
Важнее всего для нас.

Если мы воедино
Силы сольем и сердца,
Нелегкий бой за свободу
Мы доведем до конца.

21 апреля 1942 года

ГУЛЯЮ ПОД ЛУНОЙ

В ночь полнолунья иду прогуляться,
мыслям ищу ответ,
Тихо сестрицу-луну вопрошаю,
глядя на ласковый свет:
«Что так тревожны высокие горы,
быстрые наши потоки?
Всю глубину народных страданий
чувствуешь ты или нет?
Скоро ли встанет славное войско,
чтоб разгромить пришельцев,
Чтобы избавить страну родную
от притеснений и бед?
Ну отвечай же, луна, по чести,
жду твоего ответа,
Когда наступит лучшее время,
свободно вздохнет Намвьет? [23]»

Так собеседница мне отвечает:
«Истины не утаю,
Я озаряю вершины, потоки,
каждую пядь узнаю.
Хочешь услышать, когда во Вьетнаме
время свободы наступит?
Вспомни: повсюду ли дети народа
силу сплотили свою?
Только сплоченье, подобное сплаву,
делу свободы поможет,

Твердое слово воздвигнет свободу
в порабощенном краю.
Если сольется народ воедино,
силою слов убежденный,
И Революция вскоре наступит,
волю добудет в бою».

21 августа 1942 года

ПАРТИЗАНСКАЯ ПЕСНЯ

Эй, эй, земляки!..
Эй, эй, земляки!..
Рабочие и батраки,
Женщины и мужики,
Девушки и пареньки,
Дети и старики,
Воины-строевики,
Все, у кого две руки!
Те, у кого есть винтовка, взведите курки,
Те, у кого кирка, берите кирки,
Те, кто владеет клинком, точите клинки,
Вилы берите, серпы и дробовики.
Встретишь французских солдат — коли и секи!
Встретишь японский отряд — бери на штыки!
Тысячи их, войска их не так велики,
Нас миллионы, бесчисленны наши полки.
Долгие наши дороги врагам нелегки,
Мы неустанны, упорнее, чем чужаки.
Мы измотаем пришельцев, возьмем их в тиски,
Чтобы устали они от невзгод и тоски.
Силы растратят они — поглотят их пески,
Но возрастет наша сила всему вопреки.
Эй, эй, земляки!
Эй, эй, земляки!
В битву идут партизаны, тверды и крепки,
Будут расти партизанские наши полки.
Эй, эй, земляки!..
Эй, эй, земляки!..

1942 год

ВЗОЙДЯ НА ГОРУ

Двадцать четвертого
в месяце жарком июне
Я одолел
горной тропы извивы.
Вот и вершина,
близким кажется солнце;
Там, за ручьем —
цветущая ветка сливы.

1942 год

МАЛЕНЬКОЙ НОНГ ТХИ ЧЫНГ

Милая внучка, сегодня тебе
эту вручаю тетрадь,
Хочется выразить этим любовь,
нежность мою передать.
Верю, что будешь прилежной всегда,
будешь усердно учиться,
Чтобы потом, когда подрастешь,
знанья отчизне отдать.

1944 год

СПАСИБО ЖЕНЩИНЕ, ПОДАРИВШЕЙ МНЕ АПЕЛЬСИНЫ

Спасибо женщине, подарившей
желтых плодов кулек.
Был я подарком ее смущен,
но отказаться не мог.
После я думал: помни о тех,
кто посадил деревцо.
Пока созреет один апельсин —
сколько трудов и тревог!

Январь 1946 года

ПРИЗЫВ К МОЛОДЕЖИ *

Нет непосильных,
нет невозможных дел,
Только бы дух
однажды не ослабел.
Горы прорыть,
создать на равнине море
Впору народу,
если упорен и смел.

* Стихотворение написано во время посещения лагеря Ударных молодежных бригад, строивших дорогу в годы войны Сопротивления против французских колонизаторов (1946—1954 гг.).

ЛЕСИСТЫЕ СКЛОНЫ ВЬЕТБАКА [24]

Прекрасны лесистые склоны Вьетбака,
радуют сердце мне,
В ветвях неумолчно кричат гиббоны,
птицы свистят в вышине.
Явится гость — угощу кукурузой,
нежным поджаренным рисом.
Придя с охоты, жарю дичину,
вкус нахожу в вине.
Горы зелены, воды сини,
тишь повсюду, приволье,
Сладость вина и чай ароматный
сердце согреют мне.
Бой завершается, скоро победа.
К давнему возвращаюсь,
К прежней луне, к журавлям забытым,
к этой старинной луне.

1947 год

НОЧНОЙ ПЕЙЗАЖ

Прозрачные, словно далекая песня,
всплески ручья слышны,
В лиственном мраке цветы притаились,
в чащах — мерцанье луны.
Ночной пейзаж поглотил человека,
которому спать невмочь,
Душу его непрестанно тревожит
участь родной страны.

1947 год

ПОСВЯЩАЮ СТАРИКАМ ПАРТИЗАНАМ *

С годами выше дух
в стремлении геройском.
Свистела, как осенний вихрь,
в руках умелых сталь клинка.
Готовы были вы
сразиться с целым войском.
Как вы прославили Вьетбак,
он вас прославил на века.

1947 год

* Стихотворение посвящено трем старикам партизанам, отличившимся при отражении вражеского наступления на Каобанг (район Вьетбака) в 1947 г.

С ПОХВАЛОЙ ДВУМ МАЛЕНЬКИМ СВЯЗНЫМ В ВОЙСКАХ ВТОРОЙ ВОЕННОЙ ЗОНЫ

I*

Мой мальчик, слышал я о том,
Что ты при войске был в связных,
Врагами был захвачен в плен,
Но вскоре убежал от них,
К тому же ты привел с собой
Двух взрослых вражеских солдат.
Ты молодец, я очень рад,
Что ты умеешь убеждать.
За это я тебя хвалю,
Однако будь прилежен впредь,
Учись, к труду себя готовь,
Ты должен многое уметь.
Прими мой нежный поцелуй,
И благодарность, и любовь.

II**

А ты отважен, говорят.
Берешь пришельцев на прицел
И многих вражеских солдат
Один разоружить сумел.
За доблесть я тебя хвалю,
Благодарю за подвиг твой.
Учись, расти, мужай, герой!
Еще усердней будь в борьбе
И помни: я тебя люблю,
Сто поцелуев шлю тебе.

Август 1947 года

---

* Стихотворение посвящено мальчику-связному Фам До Хаю.

** Стихотворение посвящено мальчику-связному Ле Ван Тхуку.

ПОЛНОЛУНИЕ ПЕРВОГО МЕСЯЦА *

Вот полнолуние Первой луны,
светится диск надо мной,
Воды весенней реки слились
с небесною синевой.
Под облаками, над быстриной
план намечаю сраженья.
Полночью тихо плыву назад,
залита лодка луной.

1948 год

* Речь идет о первом месяце года по лунному календарю.

ВЕСТИ О БОЕВОЙ ПОБЕДЕ

Глядя в окно, вопрошает луна:
— Что, получилась строка?
— Мысли мои занимает война,
не до стихов пока.
Колокол вдруг прозвучал в горах,
сон разогнав осенний,
Звон возвестил, что победу в бою
наши стяжали войска.

1948 год

ОСЕННЯЯ НОЧЬ

Позднею ночью закончив дела,
сбросил я бремя забот.
Ветер осенний и дождь возвещают
дней непогожих приход.
Вдруг зазвучал у подножья горы
голос далекой свирели.
Видно, вернулись в село партизаны,
видно, пирует народ.

1948 год

БЕЗ НАЗВАНИЯ *

Когда решаются судьбы страны,
что значит собственный дом?
Пятьдесят девять стукнуло мне —
считать ли себя стариком?
Сначала надо врага одолеть,
добиться надо победы;
А день моего рожденья, друзья,
отметите вы потом.

1949 год

---

* В 1949 г. было предложено торжественно отпраздновать день рождения Хо Ши Мина; четверостишие было написано как ответ на это предложение.

ПЛЫВУ В ЛОДКЕ ПО РЕКЕ ДАЙ

Речная гладь легла,
как ровная страница,
По звездам движется челнок
и лунной пряжи невода.
Безлюдный мир вокруг,
в пустыне мгла клубится,
Скрипит бамбук бортов, скрипят
уключины, журчит вода.
Душа полна тревог,
раздумий и печалей:
Как возрожденный край вернуть
сынам драконов и богов?
Обратно мы плывем,
зарей сияют дали,
Над нами нежный алый цвет,
и розово меж берегов.

Осень 1949 года

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Горной тропинкой приходит гость,
всюду цветов аромат;
Чащей проходят наши войска,
птицы над ними парят.
Только что кончил я обсужденье
судеб войны и страны,
Соседского мальчика я зову,
лейку беру — и в сад.

ГЛЯДЯ НА ЛУНУ

Всюду сиянье луны заливает
листья деревьев и травы,
Свет удаляется, тени деревьев
ближе — совсем у окна.
Вопросы войны и дела государства
я обсуждать закончил,
Поближе к окну придвигаю подушку,
сплю — и сияет луна.

ВЗОЙДЯ НА ГОРУ

Палку беру, на вершину всхожу,
вижу позиции войск.
Десяток тысяч вершин подпирает
столько же облаков.

Волей и верой повстанцы сильны,
надо — проглотят созвездье [25],
Клятву дали они истребить
волчьи стаи врагов.

1950 год

ПОСЛАНИЕ КРЕСТЬЯНАМ

Работа в поле —
            это тоже бой,
Кирка и плуг —
            оружье боевое,
Теперь крестьянин
            тот же самый воин,
Соревнованье фронт и тыл
            ведут между собой.

Февраль 1951 года

ВЫРАЩИВАЙТЕ ДЕРЕВЬЯ

Если желаешь
построить красивый дом,
Пусть вырастает,
зеленью пышной одет.
Впрок сажайте деревья —
таков мой совет.
Тогда возведем дома через несколько лет
в парке густом.

30 мая 1959 года

ВОСЕМЬ НЕОБХОДИМЫХ УСЛОВИЙ *

Вдоволь должно быть навоза,
вдосталь должно быть воды,
Глубже пашите, а после рассаду,
словно по ниточке, ставьте в ряды;
Надо травить насекомых,
надо травить грызунов,
Для хлебопашца первое дело —
чтоб инвентарь был к работе готов;
Пашни свои улучшайте —
и улыбнется судьба;
Если исполните восемь условий,
рисом наполните вы короба.

21 октября 1959 года

* Эти стихи взяты из записи беседы Хо Ши Мина с участниками Съезда зимне-весенней производственной кампании в провинции Ниньбинь.

ВНОВЬ ПОСЕЩАЮ ПЕЩЕРУ ПАКБО

Здесь ровно двадцать лет назад
            в пещере среди гор
Был партией задуман план
            пришельцам дать отпор;
Она отсюда в бой вела
            народ наш непокорный;
Сегодня мир — парчу хребтов,
            потоков шелк простер.

20 февраля 1961 года

ПРАЗДНУЯ ВЕСНУ 1967 ГОДА *

Песню просит весна у меня,
вот и пою, как могу,
Песню дарую всем землякам,
всем, у кого я в долгу.
Американцев колотят вовсю
на Севере и на Юге,
Вести о наших победах растут,
словно цветы на лугу.

* Речь идет о праздновании Нового года по лунному календарю; Новый год считался по традиции началом весны.

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Давненько я не слагал стихов,
увы, не писалось деду.
Попробую, может, получится что?
За рифмой иду по следу.
Кропаю. Страницу почти исписал,
но ускользают созвучья,
Вдруг слово меня осенило крылом,
и я срифмовал «победу».

Март 1968 года

ПУБЛИЦИСТИКА

РАССКАЗЫ И ПАМФЛЕТЫ

ПАРИЖ

(Из писем к моей кузине)

Есть такой округ в Париже, дорогая кузина, который сам по себе может проиллюстрировать все грани жизни и психологию Парижа, всей Франции, вселенной. Для того, кто намерен заняться изучением состояния современного нам общества, простая прогулка здесь окажется столь же ценной, как и объемистый том энциклопедии.

Три основных квартала этого округа — Этуаль, Батиньоль и Эпинет. У тебя всегда было богатое воображение, и потому, я уверен, ты, прочитав лишь их названия, уже догадалась, какую социальную ступеньку занимает каждый из них. Мне даже кажется, что я слышу твой шепот: «Эпинет, Эпинет!» Жизнь здесь и впрямь очень трудна, терниста *. Ну, а Этуаль, Звезда,— обитель счастливчиков, привилегированных, уголок Эдема, да и только.

Да, моя маленькая кузина, ты почти так все себе и представляла, и все же я должен описать тебе всю роскошь одного квартала и убожество другого, тебе даже трудно вообразить, насколько они беспредельны — это богатство и эта бедность. Квартал Этуаль открывается Триумфальной аркой. Сей величественный монумент воздвигнут в память о военной славе Наполеона. Сейчас здесь же могила Неизвестного солдата, павшего во время мировой войны.

Какая ирония судьбы, кузина! Здесь, в одном месте, люди соединили дутую славу виновника стольких ужасных убийств в Европе и горстку останков жертвы резни, получившей мировые масштабы!

Этот памятник — символическое напоминание о главных причинах всех войн, прошлых и будущих; точно так

* Автор, очевидно, имеет в виду созвучие названия квартала Эпинет и французского слова l'épine, означающего «терновник, колючий кустарник».— *Прим. перев.*

же как Неизвестный солдат — олицетворение тех, чьи жизни были отданы на потребу алчности и кичливости властителей. Потому что всякий, кто от начала до конца прочитал названия исторических битв, высеченные на одном только этом памятнике, должен содрогнуться, осознав, сколько несчастных крестьян и рабочих пали безвестными, как и тот, что лежит здесь!

В следующем письме я расскажу тебе об этом бедном солдате, как приходилось ему — в этой жизни — выстаивать под непрерывным орудийным и пулеметным огнем и как сейчас приходится выдерживать речи дипломатов и притворные заверения в сердечных чувствах господ послов и толстосумов. Ну, а сегодня вернемся к рассказу о нашем округе.

Итак, я уже сказал тебе, что Этуаль — квартал просторных особняков, цветущих парков и великолепных экипажей. Здесь свили свое гнездо космополитическая роскошь, бьющее через край изобилие и изощренная праздность. Здесь рай тунеядцев всех мастей и всех стран. Великолепие тут царит повсюду: животные, и те великолепны. Я не говорю уже о фантастических суммах, которые тратятся на роскошных пташек * или на рысаков: этих денег хватило бы, чтоб прокормить население одной из наших провинций, последнему псу в этом квартале живется лучше, чем рабочему человеку.

Покинув авеню Ваграм и бульвар Курсель, попадаем в квартал Батиньоль. Этот квартал — нечто промежуточное, иными словами, жители его относятся к среднему сословию. Они не так баснословно богаты, чтобы жить беспечно, как тузы мира капитала, но и не так бедны, чтобы жить натужно, как рабочие. Барометр их фортуны зависит от ежедневных колебаний экономики: сегодня они могут с бодрым видом сажать капусту, а назавтра продать всю усадьбу. Здесь живут мелкие торговцы, крупные чиновники, канцеляристы на пенсии. Дамы делают выходы с пышными соболями вокруг шеи и с крохотными собачками на руках. Господа непременно воткнут в петличку знак Аграрных заслуг или фиолетовую розетку знака отличия на ниве народного просвещения. Консьержки по утрам заботливо поливают свои традиционные

* Автор пользуется здесь французским выражением «poule de luxe» — «роскошная курочка», что означает также «шикарная кокотка». — *Прим. перев.*

горшки с бегониями, расставленные на подоконниках, вытряхивают дорожки, расстеленные на парадной лестнице,— эти дорожки упрямо не желают подниматься выше третьего этажа. Согласно закону всемирного тяготения, у жителей этого квартала гораздо больше возможностей стать пролетариями, чем поставлять обществу господ капиталистов.

Квартал Эпинет — подножие лестницы. Это — беднота, лишние люди, отверженные двух первых кварталов. Они как бы принадлежат к какой-то иной породе людей — скромных, стеснительных, раздавленных нуждой. Приглядись, как дядя выжимает стебли сахарного тростника, получая стародавним народным способом сахар, и тогда ты представишь себе здешнюю картину. Весь сладкий сок стекает по одну сторону, а по другую остаются расплющенные, скрюченные жмыхи. Так и здесь. С одной стороны богатство и праздность, с другой — тяжкий труд и нищета. Над кривыми и тощими, точно крючковатые пальцы старой ведьмы, печными трубами в Эпинет дым клубится только летом, зимой же они как будто совсем замирают. Невзрачные дома квартала издали кажутся похожими на человеческие лица, растерянные лица, на которых, словно раскрытые рты, зияют витрины лавки старьевщика или мясной, где торгуют мороженым мясом, а окошки без переплетов напоминают гноящиеся подслеповатые глаза. Это квартал тружеников, тех, кто приносит прибыль и кто умирает от голода. Это квартал рабочего люда, квартал бедноты, квартал отверженных.

Посреди квартала Эпинет идет улочка метров в пятьдесят. Вплотную к ней лепятся начальная школа, завод и общественная столовая *. Уже само по себе собрание это представляется чрезвычайно характерным, не так ли, дорогая кузина? Крохотным отправляется ребенок в школу, чтобы научиться уважать священные права хозяев. Повзрослев, он оставляет школу и идет работать, вносит свою лепту в обогащение хозяев, тех самых, культ величия которых его приучили чтить. Старого и немощного, его все те же хозяева, обогащению которых он способствовал, выбрасывают на улицу, чтобы остаток своей многотрудной жизни он прожил на милостыню!

---

* В таких столовых раздавали бесплатные обеды беднякам.— *Прим. перев.*

Каждое утро, отправляясь в мастерскую, я проходил мимо общественной столовой. Независимо от того, какой была погода, хорошей или плохой, припекало ли солнце или шел снег, я всегда видел сгрудившуюся у дверей этого заведения толпу — человек тридцать стариков. Одеты они были в нечто совершенно невообразимое. У этого на плечи накинуто одеяло, на том ливрея и шляпа из пожелтевшей соломки, третий в пестром от заплат рубище. Подметки башмаков, разверстые, словно щели почтовых ящиков, посмеивались над прохожими. В ожидании открытия, чтобы убить время, старики разглядывали подобранные неизвестно где обрывки «Матэн» или «Пти паризьен». Когда бывало особенно холодно, они, чтобы согреться, дули на руки или принимались выделывать па уанстепа. Один из них сказал мне, смеясь: «Посмотрите-ка, вот оно, наше центральное отопление!»

Несмотря на свой нищенский вид, все они казались весьма симпатичными, ко мне они пригляделись и в конце концов признали меня. Так между нами установилось нечто вроде дружбы, и теперь, когда я проходил мимо, мы здоровались.

Мое внимание особенно привлекал один из этих людей. Это был чистенький, аккуратный старичок, всем своим видом выражающий затаенную печаль и достоинство, которое даже в самом безвыходном положении не позволит человеку упасть на колени. Он носил ленточку медали «В честь спасения». Держался старик всегда позади остальных.

Как-то раз я подошел к нему, поздоровался за руку и заговорил: «Дедушка, позвольте пригласить вас позавтракать со мной в ближайшее воскресенье!» — «Вы так добры, что мой отказ выглядел бы черной неблагодарностью, и потому я принимаю ваше предложение»,— ответил старик.

Мы зашли в маленький ресторанчик. Заказав еду, мы разговорились, и вот что рассказал мне старик:

«Я не решался первым заговорить с вами прежде всего оттого, что вы иностранец, к тому же я опасался вызвать ваше неудовольствие: молодежь довольно самолюбива и на таких, как я, бедных стариков, которые пристают со своими разговорами, смотрит все равно что на нищих. Однако всякий раз, когда вы проходили мимо, душа моя наполнялась такой болью, что мне хотелось плакать. Я понимаю, вас это удивляет, но вот что тому

причиной: глядя на вас, я каждый раз вспоминал своего младшего сына, которого я потерял в войну. Ему было примерно столько же, сколько вам. Вам ведь, наверно, лет двадцать пять — двадцать шесть?» — «Двадцать шесть, дедушка», — ответил я. «Так, так, он был на год моложе вас. Если я вам еще не надоел, я расскажу вам о нем, или, скорее, о себе». — «Прошу вас, мне это было бы очень интересно». — «В молодости, — стал рассказывать мой почтенный собеседник, — я был записан во флот. Много раз обошел я вокруг света. Побывал и в ваших краях — в Сайгоне и Хайфоне. Потом, поднакопив деньжат, я женился на одной славной девушке, она была из деревни. Мы с ней обосновались на севере. Жена открыла маленькую бакалейную лавочку, ну а я работал на заводе. У нас было двое сыновей и одна дочь, три ангела, сударь! Мы с женой пошли на большие жертвы, но дали нашим детям хорошее образование. Соседи нам завидовали — такие были у нас дети: воспитанные, умные, трудолюбивые и образованные. Морис, старший, стал художником, Альбер — механиком. Их сестра, Ивон, прелестный цветок, встретивший свою восемнадцатую весну, — как образно говорят у нас, — цветок, на который заглядывались все наши парни, — была машинисткой. Все они довольно хорошо зарабатывали, вполне достаточно для себя и для нас с женой. Дни они проводили на работе, а вечерами с увлечением занимались. По воскресеньям непременно целый день обсуждали друг с другом все, чему выучились за неделю. Уверяю вас, такое удовольствие было их слушать, а скольким вещам они научили нас — их мать и меня! Мы с женой были самыми счастливыми родителями.

Разразилась война. Морис в самом начале ее был тяжело ранен и через некоторое время умер. Альбер после трех месяцев военных действий числился в списках пропавших без вести. Моя жена и дочь лишились рассудка, страдания свели их с ума. Наше село служило мишенью для артобстрелов, французских снарядов падало здесь так же много, как и немецких; снаряды, они не имеют гражданства, поэтому как те, так и другие разрушали дома и убивали людей с одинаковой безучастностью и одинаковой жестокостью.

Однажды в нашем уже наполовину разрушенном доме, когда жена с дочерью хлопотали на кухне, упал «котелок» — не из знаменитых норвежских котелков Луи Фо-

реста *, а из тех, что, рухнув, разносят все вдребезги.

Раздался страшный взрыв — и все взлетело вверх тормашками. Я отделался благополучно потому, что как раз спустился за чем-то в подвал. Когда я пришел в себя, принялся выбираться из своего убежища и поднялся на верхнюю ступеньку лестницы, я не обнаружил ни своего дома, ни жены, ни дочери, а увидел лишь пустое пространство, ужасающую, страшную пустоту, она заполняла все вокруг горечью безысходности, смертью, разрушением. Я был слишком ошеломлен, чтобы испугаться... Но погодите, это еще не все! Самым страшным моментом в моей жизни было, когда в груде оставшихся от дома обломков я обнаружил окровавленную руку моей несчастной Ивон, а еще через несколько шагов — обутую в целехонький башмак ногу моей бедной жены. И тогда...»

Старик мертвенно побледнел. Я прочел в его опустошенном взгляде неописуемую боль и возмущение. Тело его сотрясали конвульсии. Обеими руками он судорожно ухватился за край стола. Ноги его, как бывает при сильном ознобе, выбивали по полу дробь, обнаруживая нервное усилие, которое делает человек, стараясь удержаться от взрыва чувств. Я тихо сказал ему: «Не надо, дедушка! Доскажете в другой раз. Отведайте-ка лучше жареного картофеля!» Старик, казалось, не слышал того, что я ему говорю, и, вздохнув, продолжал: «Подумайте, дорогой, война, эта истребительная война, начисто уничтожила все, что у меня было,— счастье, очаг, жену, которую я обожал, и детей, которых я нежно любил. А я, я теперь живу милостыней, и это после того, как столько лет трудился, работал не покладая рук. Почем знать, да, почем знать, может быть, это мой бедный Альбер покоится сейчас там, под Триумфальной аркой!»

Он смахнул крупную слезу и со словами: «За ваше здоровье!», дрожащей рукой поднес ко рту стакан, который я ему налил.

«Юманите», 30—31 мая 1922 года *Нгуен Ай Куок*

---

* «Котелок» (слэнг) — снаряд крупного калибра. Луи Форест — французский писатель и журналист, ратовавший за преобразование жизни всеми возможными рациональными способами, ведущими к экономии сил, борьбе с расточительством и т. п. Одним из конкретных примеров может служить упоминающийся здесь «норвежский котелок», обеспечивающий экономичный способ приготовления пищи.

СЕТОВАНИЯ ЧЫНГ ЧАК

Повелитель Аннама скоро будет «высоким гостем Франции» [26]. В виде небольшого приветствия мы посвящаем ему этот сон нашего товарища Нгуен Ай Куока, его верного подданного.

Ночью уныло хлестал нескончаемый мелкий дождь. Бледная луна в отчаянии цеплялась за крыши хижин. Обливались слезами мокрые деревья. Ветер свистел в их усталой листве, и она заунывно шумела. Словно дьявольские руки, извивались ветви, рыдали измученные шквальными порывами ветра во́ды. Аннамитский пейзаж с его пышной зеленью, обычно такой радужный и поэтичный при луне, стал бесконечно грустным. Все трепетало в агонии. Где-то таился злой рок.

Слабые огоньки благовонных свечей дрожали на изогнутых фитилях, отбрасывая на лакированные колонны дворца зыбкие тени и мерцающие блики. Евнухи, лениво развалившись в углу на лежащей на полу циновке, дремали. Тишина ползла по дворцу.

Только что трижды прозвучал сигнальный барабан. Тра-та-та. Вы, жители Запада,— увы! — не знаете, что все это значит! Тра-та-та! Три удара — сигнал ночной стражи [27]; пятикратное их повторение по-вашему означало бы три часа ночи. В этот ночной час совесть заставляет слушать свой властный голос. В этот час могилы исторгают своих обитателей, и они высвобождаются из полураскрытых саванов, чтобы бродить, испуская радостные вопли. В этот час человеческий мозг полон бредовых видений. Тра-та-та! Повторите три трижды — и вы получите девять, последнее из неделимых и немножимых чисел, которое, согласно императору Фу-си [28], символи-

зирует вырождение, упадок всего сущего и понимается как последний предел — зыонг кыу [29].

В этот час Сыну Неба снился сон. Он видел, как драконы, вырезанные на мебели, ожили, превратились в отвратительных змей, открыли выпученные, налитые кровью глаза. И фунгхоанги [30], птицы, символизирующие королевский сан, вытягивали свои длинные шеи, на которых топорщились перья, точили клювы и расправляли крылья, словно рассерженные мерзкие петухи. Все предметы из нефрита или драгоценных камней утратили свои краски и приняли землистый оттенок. Все вещи медленно кружились в танце и исчезали, исчезали. Потом появился какой-то бледный призрак под вуалью. Король вздрогнул от ужаса, потому что не все властители наделены мужеством Гамлета и еще меньше — его умом. Он хотел было натянуть на себя циновку и укрыться с головой, но не смог.

Величественный и гневный призрак обратился к хозяину дворца с такими словами:

«Ты узнало меня, несчастное дитя? Я — одна из основательниц этой прекрасной страны Аннам. Я Чынг Чак, которая в 39 году вместе со своей сестрой Чынг Ни и моими соотечественниками прогнала захватчиков, отомстила за своего мужа и освободила нашу страну [31]. Не дрожи так, дитя мое! И слушай внимательно мои материнские слова! Знаешь ли ты, что, согласно тысячелетней традиции нашей древней страны Аннам, император получает от неба власть над своим народом. Он считается Сыном Неба и Отцом и Матерью народа.

Чтобы быть достойным Неба и выполнять свои высокие обязанности, властитель должен первым страдать, когда страдает его народ, и последним разделять с ним его счастье. Он должен подчиниться велениям Неба, чью волю возвещает ему глас народа. Иначе он будет низложен Небом, отвергнут предками и покинут народом.

Открой историю своей страны — и ты найдешь там среди твоих предков образцы добродетели и мужества, твердости духа и достоинства. Ли Бон (544 год) с горсткой повстанцев поднялся и сбросил ярмо китайского владычества [32]. Нго Кюйен (938 год) наголову разбил чужеземную армию, захватившую землю нашей родины [33].

Счастье и процветание царили при династии Динь [34]. Ле Дай Хань в 980 году, мужественно отказавшись под-

чиниться требованиям наших соседей, во много раз более сильных, чем он, одолел их и убил предводителя [35]. Так он спас своих братьев от порабощения.

Монголы, которые смели на своем пути все, были разбиты нашими славными Чанами (1225 год) [36]. Ле Лой отважно стал во главе аннамитской революции и уничтожил режим жестокости и репрессий, установленный так называемыми покровителями [37].

Какой ужасный стыд, какое жестокое разочарование, какую мучительную горечь испытали бы твои предки, если бы с облаков увидели в рабстве народ, который они оставили свободным, в кабале страну, которую они освободили, в бессилии — наследника их трона!

Хотя обычаи запрещали правителям нашей страны покидать священный дворец, мы, к сожалению, знаем властителей, оставлявших его.

В 1407 году Китай затеял против нас войну. Опираясь более на дух независимости и любовь к свободе, нежели на число и силу, Аннам вышел победителем. Но военные действия начались снова. Враг, понимая, что ему не одолеть нас силой, начал войну на измор. Чан Де Куи, который привел аннамитов к победе, видел, что народ истощен, голоден, истекает кровью. Он знал, что врагам нужен только он сам и что, заполучив его, они оставят аннамитский народ в покое. И тогда он сдался, сдался, чтобы сберечь кровь и жизнь своего народа. Когда же его, плоненного, увозили, он бросился в реку и утонул [38]. Достойную смерть он предпочел позорной жизни. И теперь, каждый раз, когда восходит и заходит солнце, мириады золотых бликов собираются на поверхности прозрачной серебристой реки — словно вечный памятник бессмертной душе великого поверженного.

Затем были Хам Нги, Тхань Тхай и Зюй Тан [39] — твой предшественник. Все трое — изгнанники родины, высланные на чужбину теми самыми людьми, которые уверяют, будто они уважают наши обычаи и наши установления, и которые завтра намереваются сделать тебя экспонатом колониальной выставки, орудием империалистической пропаганды! [40] Ты видишь, дитя мое, в анналах твоей страны не найти аннамитского правителя до такой степени закабаленного, императорскую поездку до такой

степени жалкую. Ты уже совершил святотатство, поместив на священный алтарь своих предков отвратительное изображение этого сонного и пузатого белого, который провонял чесноком и смердит трупом. Зачем, да, зачем ты сделал это? А теперь ты собираешься покинуть пагоду предков. Твои пальцы не зажгут больше благовонных палочек в начале весны и в начале осени. Твои руки не коснутся больше жертвенных столов с приношениями при сборе первых фруктов и во время жатвы первого риса. Я прекрасно знаю, дитя мое, что все это — лишь устаревший обычай, но и ты знаешь, что это — единственный долг, который ты можешь еще исполнить по отношению к твоим предкам, единственное, что сохраняет твой престиж в глазах подданных.

Но ты сделаешь самое худшее. Ты будешь воспевать добродетель тех, кто эксплуатирует и притесняет твой народ. Ты будешь превозносить процветание своей страны, процветание, существующее лишь в богатом воображении эксплуататоров. Ты будешь льстиво восхвалять бесчисленные мнимые благодеяния цивилизации, которая проникла в твое королевство на остриях штыков и стволах пушек.

О, посмотри, посмотри же, несчастное дитя, посмотри, что творится вокруг тебя. Ты видишь — пробуждается Китай, обновляется Япония?.. Ты видишь — весь мир устремился вперед, и только твой народ из-за тебя и твоих министров, погряз в отвратительном болоте невежества и рабства.

Посмотри на Корею, Египет и Индию, все эти страны поднялись, чтобы потребовать своих прав, потребовать справедливости и свободы.

А ты в это время... Тише... Слушай! Ты слышишь?.. Ты слышишь эти крики?.. О, они идут, они идут, и нет им числа — все аннамиты, павшие на полях европейских сражений. Они идут требовать то, что твои покровители и ты пообещали им и их братьям. Ответь же им! О, они негодуют, они уходят.

Да, они уже повернули вспять и уходят. Ты видишь их? Они уходят туда, где во всем своем великолепии поднимается солнце и гордо реет знамя Человечности и Труда. Да, именно там обретут покой души усопших, там будущее народа, которому ты так плохо служил!

Сейчас пропоет петух. Полярная звезда пересекает небо. Дивная музыка призывает меня. Прощай!»

Липкий пот покрыл лоб спящего правителя. Ему хочется кричать. Но он не может. Страх лишил его голоса.

Вошел евнух, отвесил три раболепных поклона и пропищал женским голосом:

— Го-су-сударь! * Из Верховной резиденции пришел приказ об отъезде!

Нгуен Ай Куок

«Юманите», 24 июня 1922 года

---

* Здесь в оригинале непереводимая игра слов, так как автор переводит на французский вьетнамское обращение к государю «Bệ Hạ» — «трон (монарх) нижний (земной)», что по-французски звучит как «trône sous», где «sous» (нижний) созвучно с «sou» (су — мелкая монета); таким образом, обращение это может быть воспринято на слух как «грошовый трон, грошовый государь».—*Прим. ред.*

«ИНКОГНИТО»

(Из писем к моей кузине)

— Это он!

— Нет!

— А я тебе говорю, это он!

— Ты уверена? Я видел его на ипподроме, он выглядел тогда более робким и смущенным, на голове у него был тюрбан, похожий на абажур, а пальцы унизаны перстнями.

— Должно быть, он все заложил в ломбард. Но посмотри на него хорошенько, разве ты не видишь — тот же приплюснутый нос, те же раскосые глаза, то же лицо лимонного цвета.

— Да, может, ты и права. Но что он делает здесь, в метро, и куда подевались все его мандарины и мандаринки?

— Возможно, он не взял их с собой, чтобы путешествовать инкогнито.

Таков был, моя дорогая кузина, диалог — я передал его точно — между двумя молодыми супругами, которые ехали в одном вагоне со мной и пожирали меня любопытными насмешливыми взглядами, притворяясь при этом, будто им до меня нет дела.

Разговор их далее шел так:

— Что же ты думаешь о нашем госте? — спросил молодой человек, принимая меня за его величество и полагая, что я не понимаю их.

— Очень уж он смешон в этих своих шелках со стекляшками,— отвечала его подружка.

— Ах, камни! Да ты сама не отказалась бы от таких камешков!

— Будь они у меня, я бы сразу постаралась их потерять, чтоб обо мне заговорили в газетах и я стала бы знаменитостью. А что ты думаешь о нем?

— Он приехал очень кстати. Доменная печь в Гамбе уже продана, с чемоданом Эра Миртель покончено, процесс по делу разрубленного на куски мужчины [41] не привлек внимания публики, поскольку покойный не принадлежал к светскому обществу, запас сенсаций готов был вот-вот истощиться, как Индокитайский банк, газетам даже нечем было заполнить свои страницы... И вдруг...

— Здесь пересядем, дорогой?

— Нет, на следующей... И вдруг в это время нас посетил король.

— Лично я предпочла бы Чарли Чаплина. К тому же королевские визиты обходятся слишком дорого.

— Вовсе нет. Ты помнишь колониальный бал в Опере? Чтобы взглянуть на наложниц камбоджийского короля и акробатов святого марабута из Конго [42], нужно было заплатить полторы тысячи франков, а теперь короля можно увидеть бесплатно, вот он, рядом с нами. Говорят, импресарио кукольного театра собирается заключить с ним контракт...

Поезд остановился, и супруги вышли, украдкой бросив на меня взгляд, а я, развеселившись, стал думать — думать о вас. Я снова мысленно увидел тот день, когда мы, словно два птенчика, сидели на коленях у нашего горячо любимого дедушки, а он рассказывал нам старинные истории. Вспомнился мне император Шунь [43], который, пожелав лично увидеть и узнать, доволен ли им народ, переоделся крестьянином и отправился бродить по стране, и русский царь Петр, работавший плотником на английских верфях. Но помимо этих великих «ряженых», желавших постичь жизнь народа, и в наши дни встречаются еще принцы и короли, путешествующие инкогнито, но только ради собственного удовольствия и по причинам, куда менее достойным.

Я не знаю намерений нашего «инкогнито». Быть может, он хотел выяснить, так ли счастлив французский народ под властью его друга Александра I [44], как народ Аннама под его собственной властью, пьет ли столько же вина и курит ли столько же опиума? Или хотел — на французский манер — научиться держать в руках крестьянский серп и молот рабочего, чтобы, вернувшись из путешествия, хоть немного улучшить жизнь бедных своих подданных,

«занов» *, о чем прежде никто и не думал? Или, устав быть великим, он захотел вкусить жизнь малого князя **

Как бы там ни было, но со временем я, сам того не желая, превратился в его величество. Куда бы я ни явился, всюду на меня глазели, мне завидовали, улыбались, угождали, шли за мной по пятам.

Вы мне скажете, дорогая кузина, что так повернулось колесо фортуны. До сих пор все те, у кого белая кожа, считались в Индокитае цивилизаторами. Теперь настал черед тех, у кого кожа желтая, быть во Франции императорами.

Вы не можете себе представить, какой радушный прием нам оказывают здесь. Стоит появиться кому-нибудь из наших соотечественников, и тотчас вспыхивает всеобщий энтузиазм. Мы только и слышим на своем пути — «погляди на него», словно некие тайные и почтительные приветствия.

Но самое забавное в том, что и само правительство боится не узнать своего гостя и, чтобы не нарушить долг гостеприимства, принимает по-королевски всех аннамитов, приставляя к каждому свиту! Свитские эти служаки абсолютно неприметны, почтительны, бескорыстны и любезны. Они из кожи вон лезут, оберегая нас, и, если б вы видели, как они следуют за мной с заботой и нежностью — точно мамаша, опекающая первые шаги своего малыша,— вы бы мне позавидовали. Они, можно сказать, наступают мне на пятки и стали моей тенью. А ежели им случится хоть на пять минут потерять меня из виду, они просто сходят с ума! Как же, посудите сами, не растрогаться до глубины души таким вниманием?

И теперь каждый раз, выходя из дому, я не могу скрыть своей гордости оттого, что я аннамит и у меня есть свой император.

Нгуен Ай Куок

«Юманите», 19 февраля 1923 года

---

* Зан — подданный *(вьетнамск.)*.

** Здесь игра слов — намек на великих князей русской царской фамилии, известных прожигателей жизни.—*Прим. ред.*

НЕПРИСТОЙНЫЕ ШУТКИ, ИЛИ ВАРЕН [45] И ФАН БОЙ ТЯУ [46]

Под давлением общественного мнения во Франции и Индокитае господин Варен официально пообещал заняться делом Фан Бой Тяу. Это всего лишь обещание, и, даже если предположить, что генерал-губернатор Индокитая верен своему слову, позволительно будет спросить, как и когда намерен губернатор Варен «заняться» этим делом.

Прежде всего он не станет заниматься им раньше, чем обоснуется в Индокитае как следует.

Но ведь он только еще собирается сесть на судно, а путь морем от Марселя до Сайгона занимает около четырех недель. Значит, в течение этих четырех недель Фан Бой Тяу будет томиться в тюрьме.

Прибыв в Сайгон, господин Варен, как того и следует ожидать, будет захвачен, увлечен, затормошен, убаюкан, обласкан бесконечной круговертью приемов, приветствий и долгих речей. Затем последует триумфальный проезд через туземный город, заполненный тысячами желтых, которых Франция покорила силой штыков и судьбу которых вручила губернатору. И вот впервые в жизни глазам господина Варена предстанут тайны индокитайского города — на улицах, на тротуарах, в лавчонках. Во всю прыть мчатся со своими колясками рикши, шлепая по раскаленной мостовой босыми ступнями; истекают соком взрезанные арбузы; под навесами харчевен висят связки сосисок; выставил на всеобщее обозрение свой пуп какой-то китаец; лениво проходит мандарин с веером в руке и крестом Почетного легиона на груди. Какая кутерьма! Какое столпотворение!

Внезапно все замирает по мановению волшебной палочки, или, вернее, хлыста из бычьих жил, которым ма-

шет капрал-европеец, вопя: «Грязные твари! Ну-ка, проваливайте отсюда, грязные твари!» И бурлящая толпа вытягивается — неподвижная, молчаливая — вдоль тротуаров. Что же случилось? Сейчас проедет автомобиль господина губернатора. Вот он! А вон и сам губернатор!

— У него на голове треугольная шляпа! — шепчет какой-то маленький мальчик.

— Ой, какой красивый мундир! — восклицает девочка.

— Он собирается произнести речь! — кричит студент.

— У него на ногах сапоги! — вздыхает рикша.

— Борода густая, глаза пустые! * — бормочет премудрый конфуцианец.

Автомобиль господина Варена едет меж двумя стенами из человеческих существ, которые низко кланяются при его приближении. Одновременно нарастает крик: «Привет тебе, о великий мандарин! Привет!»

А Фан Бой Тяу тем временем остается в тюрьме.

Проездом из Сайгона в Ханой господин Варен остановится в Хюэ. Двор Аннама во главе с императором или императорской тенью поспешит навстречу высокому гостю — олицетворению Франции. Его величество Кхай Динь пригласит господина Варена в свой дворец, и господин Варен проследует туда. Его величество Кхай Динь пригласит господина Варена к столу, и господин Варен откушает там. Перед десертом Его величество встанет и торжественным шагом приблизится к губернатору; своими длинными тонкими пальцами, унизанными сверкающими рубинами и изумрудами, Его величество приколет к груди господина Варена высочайшую награду империи: орден Аннамского дракона. Итак, господин Варен награжден.

А Фан Бой Тяу тем временем остается в тюрьме.

Но давайте последуем — на крыльях воображения — за официальным шутником, господином Вареном. Последуем за ним до Ханоя, до двери центральной тюрьмы и далее — до камеры, где стенает наш досточтимый соотечественник.

Какое зрелище! Какая встреча! Человек, предавший французский пролетариат, политик, изгнанный собствен-

* Народная пословица; так говорят о подлом человеке.— *Прим. автора.*

ными единомышленниками из сообщества, отрекшийся от своего прошлого, своей веры, своего класса, здесь оказался лицом к лицу с другим человеком, пожертвовавшим семьей и состоянием, лишь бы не видеть тех, кто захватил его страну и даже в изгнании вечно преследовал его, ведь это они заманивали его в бесчисленные ловушки, заочно приговорили к смерти, забив в шейные колодки, бросили в тюрьму, где над ним днем и ночью нависает зловещий призрак гильотины.

Что же сейчас произойдет между презренным ренегатом и героем, апостолом, мучеником борьбы за независимость, которому поклоняются двадцать миллионов угнетенных?

— Я явился принести вам свободу! — объявляет Варен, протягивая Фан Бой Тяу правую руку, а левой приподнимая колодки, в которые был забит Бой Тяу в этой мрачной темнице.— Но взамен я прошу вас дать слово чести быть верным Франции, сотрудничать с ней. Присоединитесь к ее усилиям в Индокитае во имя дела цивилизации и справедливости.

Я знаю, господин Фан Бой Тяу, величие вашей души и вашу жизнь, полную самоотречения и опасностей, и я первый — я, генерал-губернатор Индокитая,— воздаю вам дань высокого уважения. Но разве возвышенные идеи всегда наилучшие? И разве они всегда могут быть воплощены в жизнь? Увы, нет! И потом, бог мой, зачем нам и дальше упорствовать в нашей ссоре, ведь мы с вами — рука об руку — сможем сделать столько добра для Индокитая. Мы сможем вместе превратить вашу страну в великое современное государство, в доминион, в азиатскую Францию!

Ах, поверьте мне, господин Фан Бой Тяу, оставьте вашу идею возмездия, бросьте ваши былые планы и не пытайтесь больше поднять своих соотечественников против нас; наоборот, убедите их сотрудничать с французами, и, сделав это, вы обретете все — для вашей страны и для себя лично!

В этом смысле я бы мог привести вам в пример одного из ваших бывших помощников, господина Нгуен Ба Чака, который, как вы знаете, образумился и теперь на нашей стороне. Но если вас не убеждает пример вашего соотечественника, я могу сослаться на моих соотечественников, моих товарищей по коллежу, моих друзей по борьбе: Гус-

тава, Александра, Аристида, Альбера, Поля и Леона [47], все они ныне прославились, и все то и дело сжигают все, чему поклонялись, и поклоняются всему, что сожгли. Чувствуют ли они себя от этого хуже? Нет, ничуть. Наша демократия, слава богу, добра! Да, доблестная французская демократия, которую я имею честь сегодня представлять у вас, снисходительна к людям, которые, как и я, отреклись от заблуждений юности.

Да что там, взгляните на меня, господин Фан Бой Тяу, на меня, который был социалистом и стал губернатором!..

И Фан Бой Тяу посмотрел на Варена. Но странное дело, слова Варена, казалось, проходили мимо ушей Бой Тяу—так вода не оставляет следа на листьях батата *, и невозмутимое молчание, которое он хранил во время этой тирады, судя по всему, поразило Варена.

Разговор не состоялся, но не потому, что один говорил на языке аннамитов, а другой — по-французски: рядом стоял мандарин, готовый служить им переводчиком. Просто — и это совершенно очевидно — Бой Тяу не понял Варена, как и Варен не понял Бой Тяу.

Разговор на этом закончился, или, во всяком случае, никому не известно о его продолжении. Правда, один охранник-аннамит, стоявший с ружьем у двери камеры, утверждает, будто разглядел через решетку, как слегка исказилось лицо знаменитого узника. Он клянется, этот хитрец, будто заметил, как кончики усов Бой Тяу слегка приподнялись разок и тотчас вновь опустились.

Если это действительно было так, то, возможно, Бой Тяу в этот момент улыбнулся улыбкой, затаенной, неприметной и беззвучной, как полет мухи **.

P. S. Другой свидетель разговора Варена с Фан Бой Тяу (но мы поостережемся называть его имя) уверяет, будто Бой Тяу плюнул Варену в лицо; и это тоже возможно.

Нгуен Ай Куок

«Пария», № 36—37,
сентябрь — октябрь 1925 года

* Любимая поговорка тонкинских крестьян. Листья батата гладкие и глянцевитые, вода, попадая на них, тут же стекает.— *Прим. автора.*

** Здесь перефразируется выражение «смех мухи»; этим сравнением, по словам автора, обычно пользуются вьетнамцы, когда хотят описать загадочную улыбку людей своей расы.— *Прим. перев.*

ЧЕРЕПАХА

Тук! Тук! Тук!

— Кто там? — крикнул господин Са, староста деревни Ляло *, торопясь открыть калитку своего маленького садика.— Здравствуйте, брат! — приветствовал он мужчину, представшего перед ним.— Какому счастливому случаю моя скромная хижина обязана честью вашего посещения?

— Желаю вам столько счастья, сколько звезд на небосклоне,— ответил пришелец.— Я принес бумагу от резидента.

Пробежав глазами приказ начальства, господин Са почесал затылок. Вид у него был весьма раздосадованный.

— Кто это? — с тревогой спросила его жена.

Вместо ответа господин Са сделал своей дорогой половине знак следовать за ним. Потом сказал ей:

— Вот какое дело, моя милая супруга. Резидент вызывает меня к себе. Ты знаешь, он славный француз, любит хорошие вещи, и если к нему прийти с пустыми руками, то тебя вышвырнут оттуда пинком под зад. Но все, что у нас было мало-мальски ценного — куры, кролики, утки и индюшки,— мы продали, чтоб уплатить налоги. Нам совсем нечего преподнести ему.

Жена господина Са призадумалась в свою очередь. Она знала, что грозный правитель, к которому должен явиться ее муж, во время усмирения беспорядков отрубил головы семидесяти пяти тонкинским старейшинам. Заняв свой пост, он велел подвергать порке всех аннамитов — мужчин и женщин,— которые не снимали шляп, проходя

---

* Название это составлено автором из французского артикля «ля» и вьетнамского слова «ло»—беспокойство, морока.—*Прим. перев.*

мимо его дверей. Своей жестокостью он запугал все население. Чтобы пополнить собственный курятник, он брал «взаймы» у своих подчиненных кур и никогда не возвращал их, даже после того как они приносили ему яйца и цыплят. Одним словом, она знала, что этот белый мандарин очень жесток, и трепетала от страха, представляя заранее, какой прием ожидает ее мужа, если он ничего не сунет в резидентские руки.

— У меня есть идея! — сказала она после нескольких минут молчания.— Прекрасная идея!

Красиво уложив черепаху на серебряном подносе, взятом на время — за мзду — у самой любовницы резидента, и поставив его на циновку у двери кабинета, господин Са почтительно застыл перед представителем нации-покровительницы.

— Великий мандарин,— сказал он, поворачиваясь к циновке,— соблаговоли принять этот маленький... ка... ка...

Он так и не договорил слово «кадо» — подарок, ибо вдруг обнаружил, что черепахи на подносе нет. Животное, не будучи связано, воспользовалось отлучкой бедного господина Са, чтобы скрыться.

Но резидент весьма благосклонно воскликнул:

— Какой прелестный поднос! Я отошлю его генерал-губернатору. Как раз сегодня у госпожи губернаторши именины, она будет очень довольна.

«А он подумает о моем повышении по службе»,— добавил резидент про себя.

Нгуен Ай Куок

«Пария», № 32
февраль — март 1925 года

КЛАССОВАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

В начале 1921 года в Бразилии разразилась забастовка профессиональных моряков. Один корабль только что пришел в Рио-де-Жанейро. Его экипаж не знал, что товарищи вступили в борьбу с хозяевами. Черный забастовщик Жозе Леандро да Сильва решил подняться на борт судна и объявить морякам новость. На набережной ему преградил путь полицейский.

— Но я ведь имею право повидаться со своими товарищами,— сказал Жозе блюстителю порядка.

— А ну, без рассуждений! Проваливай! — ответил тот.

Жозе настаивал.

Вместо ответа полицейский выхватил револьвер и выстрелил. Жозе ловко увернулся от пули и, с быстротою молнии схватив полисмена, швырнул его в воду.

Полсотни вооруженных полицейских сбежались и накинулись на Жозе. Он защищался. Орудуя своим матросским ножом, он убил нескольких и многих ранил. Но силы были слишком неравны, и Жозе упал полумертвый, получив восемнадцать ран.

И все же, когда его привезли в больницу, у него хватило сил прошептать слова «Интернационала». Потом он был предан суду. *Его приговорили к тридцати годам каторжных работ.*

Как только стал известен приговор, революционные рабочие создали Комитет защиты. Они поручили вести дело своего товарища нескольким адвокатам и организовали по всей стране митинги протеста. Общественное мнение было настолько возмущено, что властям пришлось пойти на пересмотр дела.

8 февраля процесс по делу Жозе возобновился. Пятнадцать тысяч рабочих собрались перед зданием суда и

стояли там всю ночь, пока шло заседание. Хозяева не хотели выпускать из рук свою жертву, и прокурору республики понадобилось пять часов, чтоб зачитать свою длиннейшую обвинительную речь.

Но товарищ Пабло де Ласерда и его коллеги с блеском опровергли все доводы прокурора и победили.

Прения кончились в половине пятого утра.

Жозе был вынесен оправдательный приговор.

Его встретили громом аплодисментов. И Жозе, черного забастовщика, на руках вынесли из здания суда его товарищи и защитники, делегаты белых рабочих.

Значит, несмотря на разный цвет кожи, в мире существуют только две расы: эксплуататоры и эксплуатируемые. И лишь одно братство истинно: братство пролетариата.

Нгуен Ай Куок

«Пария», № 25. май 1924 года

ОКУРЕННЫЙ

Нагону [48], *жертве колониального милитаризма, я посвящаю этот рассказ.*

«В завоевательных войнах колониальной империи обучились военному искусству большинство видных полководцев, которые привели нас к победе и подвиги которых общественное мнение Франции уже прославляло в те дни, когда они несли наши знамена под небом Африки и Азии».

Альбер Сарро,
министр колоний

Хауса *, январь 1998 года.

Город Хауса торжественно расцвечен флагами. Словно фея весны коснулась своей волшебной палочкой деревянных балконов и окон и заставила их выпустить бесчисленные красные лепестки, которые грациозно трепещут на ветру. Африканской федеративной республике ** пятьдесят лет. Никогда столько народу не участвовало в подобном празднестве. С самого утра на улицах и площадях бурлил человеческий поток. Колонны учащихся со знаменами впереди шествовали по городу с пением «Интернационала» под рукоплескания народа. На площади Советов перед толпой выступал старик. Это был папаша キменго, по прозвищу Окуренный.

Девяностолетний Кименго — старый боец революционной армии, один из основателей Черной республики. Наделенный необыкновенно проницательным умом, до-

* Вымышленное название города, основой его послужило наименование одной из племенных групп Западной Африки. — *Прим. ред.*

** Вымышленное название.— *Прим. ред.*

сконально знающий политические и социальные события своего времени, Кименго не только сделал все для того, чтобы пробудить своих черных братьев от глубокого сна рабства, но и приложил немало усилий к тому, чтобы разрушить расовые и национальные предрассудки и объединить для общей борьбы эксплуатируемых всех цветов кожи. И он добился успеха. Кименго был одним из тех редких людей, которые одолевают все трудности сева и обретают огромное счастье, пожиная щедрый урожай. Белоснежные волосы красиво оттеняли его лицо цвета черного дерева. Взгляд у него был мягкий и проникновенный. Рот его всегда улыбался — даже перед лицом самой грозной опасности, в самые тяжелые минуты. И весь он лучился добротой и благородством. Он был достоин уважения, и все почитали его.

Мы пришли примерно на середине его речи, и вот что мы услышали:

«...В вашем словаре не существует больше слов, которые мы, старики, привыкли слышать и произносить. И тем лучше. Когда мы говорим о суде, о полиции, об армии, о тюрьме, о налогах, мало кто из вас понимает, о чем идет речь.

В мое время наша Республика была французской колонией. В ней жили богатые и бедные. Богатыми были те, кто имел все, ничего не делая. Бедными — те, кто, делая все, не имел ничего. Бедные должны были убивать друг друга ради богатых, когда те не ладили между собой: это называлось кровавой податью. Они должны были отдавать плоды своего труда богатым: это называлось денежным налогом.

Так вот, белые капиталисты, которые превратили нашу страну в свою колонию, хотели заставить нас платить эти налоги даже тогда, когда у нас не было ничего. Не в силах платить, мы, чтобы избежать притеснений, бежали в лес. Они преследовали нас с собаками и ружьями, и нам пришлось укрыться в пещере, названной теперь Гротом страдальцев.

Нас было более двухсот мужчин, женщин и детей. В пещере мы чувствовали себя в относительной безопасности, хотя очень страдали от сырости, темноты и голода, но мы решили оставаться там, сколько хватит сил, зная, что они поджидают нас снаружи со всем своим оружием. В этом подземелье царила вечная ночь, и я не знаю, сколько дней

мы провели там. Мы ничего не видели, ничего не слышали, если не считать отдаленного злобного лая собак, напоминавшего нам, что мы находимся в постоянной опасности.

Однажды днем или, скорее, ночью мы почувствовали в нашем подземном убежище какой-то едкий запах. Он быстро усиливался и в конце концов стал непереносим. Что это такое? Никто не знал... Дети плакали, женщины кричали, мужчины сыпали проклятиями. Началась паника. Спасаться, бежать? Но куда? Это было ужасно! Лязг зубов, душераздирающие крики, икота, стук падающих тел, безумные рыдания превратили это темное задымленное подземелье в настоящий ад.

Я в тот момент находился в самой глубине пещеры. Инстинктивно я закрыл глаза и рот и прижался лицом к стене. Потом почувствовал, что стало легче дышать, и как-то незаметно уснул. Проснувшись, я увидел косой луч света, падавший мне на лицо: оказалось, в земле была трещина, она-то и позволила мне дышать и спасла мне жизнь. Я хотел расширить эту расщелину, чтобы выйти наружу, но не смог, только зря потратил силы. Тогда я решил рискнуть и выбраться через вход в подземелье. Пробравшись на ощупь по двум сотням задымленных трупов, я увидел чистое небо.

Питаясь травой и корнями, я бродил из деревни в деревню, пока наконец меня, словно родного сына, не приютил в своем доме отец нашего белого товарища, он сейчас здесь. Это он научил меня принципам братства и коммунизма, это он назвал мне имя того белого, который, желая взыскать налоги, таким варварским способом удушил нас.

Палача-поджигателя звали Брюйер, он был представителем Франции и правителем Хаусы.

Нгуен Ай Куок

«Юманите», 20 июля 1922 года

СТАТЬИ *

«ЦИВИЛИЗАТОРЫ»

В статье «Колониальные бандиты» Виктор Мэрик [49] рассказывает о невероятной жестокости колониального чиновника, который влил горячий каучук в половой орган несчастной негритянки и заставлял ее стоять под жгучим солнцем с огромным камнем на голове до тех пор, пока она не умерла.

Этот садист ныне продолжает свои эксперименты в другом районе, но с прежним усердием. Такие вопиющие факты, к сожалению, не единичны в «заморской Франции», как называет колонии правительственная пресса.

В марте 1922 года один агент управления по сбору налогов и пошлин в Бажиа (Кохинхина [50]) чуть не убил вьетнамку, подносчицу соли, только за то, что она якобы нарушила его покой возней под верандой занимаемого им дома. Затем этой женщине угрожали увольнением с работы, если она посмеет жаловаться.

В апреле другой агент этого же управления отличился жестокостью, достойной своего предшественника.

Старая вьетнамка, также подносчица соли, возражая против вычетов из зарплаты, поспорила со своей надсмотрщицей. Та пожаловалась служащему таможни. Последний без лишних слов посчитал себя обязанным дать две сильные пощечины туземке. И, когда бедная женщина нагнулась, чтобы поднять упавшую на землю шляпу, неудовлетворенный «цивилизатор» нанес ей удар ногой в живот, что вызвало у нее сильное кровотечение. Когда же несчастная вьетнамка упала на землю, сподвижник г-на Сарро [51], вместо того чтобы оказать ей помощь, приказал

сельскому старосте оттащить избитую куда-нибудь в сторону. Староста отказался. Тогда агент приказал привести слепого мужа жертвы и предложил ему немедленно забрать свою жену. Бедная старуха находится сейчас в больнице.

Мы готовы биться об заклад, что эти два агента, как и их коллеги, администраторы в Африке, не только не были привлечены к ответственности, но даже получили повышение!

Нгуен Ай Куок

«Пария», 1 июля 1922 года

РАСОВАЯ НЕНАВИСТЬ

Наш товарищ Лузон [52] осужден за то, что говорил о классовой борьбе, о равенстве между людьми и якобы проповедовал расовую ненависть. Посмотрим, как в настоящее время в Индокитае понимают и насаждают любовь между расами.

Не будем говорить сегодня об отравлении и одурманивании масс алкоголем и опиумом, в чем также повинны колониальные правители. Этим вопросом займутся наши товарищи в парламенте.

Всем известны высокие подвиги администратора-убийцы Дарля [53]. Кстати, он не обладает монополией на жестокость по отношению к туземцам. Некий Пусиньон с ожесточением набросился на вьетнамца, который из любопытства посмел взглянуть на его дом. Он ударил его, а затем убил выстрелом в голову.

Железнодорожный служащий избил тростью старосту одной из тонкинских деревень.

Г-н Бэк разбил череп своему шоферу. Подрядчик г-на Брэ натравил на связанного вьетнамца собак, а затем затоптал его до смерти.

Г-н Дэффи, сборщик налогов, убил своего слугу-вьетнамца ударом ноги в поясницу.

Г-н Анри, механик из Хайфона, находился дома, когда внезапно услышал шум на улице, вслед за тем дверь его комнаты распахнулась и в комнату вбежала женщина, преследуемая каким-то типом. Анри, решив, что девушку преследует туземец, схватил ружье и выстрелил. Человек упал мертвым. Убитый оказался европейцем. Вызванный на допрос, Анри ответил: «Я думал, что это туземец».

Один француз привязал своего коня в конюшне, где уже стояла лошадь туземца. Лошадь стала на дыбы, что

вызвало безумный гнев француза. Он так сильно ударил туземца, что у того хлынула кровь из носа, рта и ушей. Несмотря на это, француз связал туземца и подвесил его на лестнице.

Один миссионер (да, да! кроткий апостол!), подозревая своего семинариста-туземца в краже тысячи пиастров, связал его, подвесил и избил. Бедняга потерял сознание. Его отвязали. Как только он пришел в себя, пытка началась снова.

Туземец при смерти, может быть, даже умер.

И т. д. и т. п.

Наказало ли правосудие этих молодчиков, этих «цивилизаторов»? Одни были оправданы, а другие даже и не привлекались к ответу. Вот и все. А теперь, «обвиняемый Лузон, слово предоставляется вам»!

Нгуен Ай Куок

«Пария», 1 июля 1922 года

ЦИВИЛИЗАЦИЯ УБИВАЕТ

Недавно на этих же страницах мы рассказывали о ряде безнаказанных убийств туземцев нашими «цивилизаторами». Увы, скорбный список убийств растет с каждым днем.

Совсем недавно был убит белым чиновником еще один вьетнамец, пятидесяти лет, из которых 25 лет он служил в управлении железных дорог в Кохинхине. Вот как обстояло дело.

Ле Ван Таи имел в своем распоряжении четырех вьетнамцев, которые должны были закрывать проезд к мосту во время движения поезда и следить за лодочниками. Правила предписывают закрывать проезд к мосту за 10 минут до прохождения поезда.

2 апреля в 16 часов 30 минут один из вьетнамцев только что закрыл проезд под мостом. Как раз в этот момент подплыла шлюпка, в которой находился чиновник морского арсенала, возвращавшийся с охоты. С шлюпки раздался свисток. Служащий-туземец вышел на середину моста, размахивая красным флажком, чтобы обратить внимание сидящих в шлюпке людей на то, что сейчас пройдет поезд и проезд закрыт. И вот что произошло.

Шлюпка причалила к берегу. Разгневанный чиновник соскочил на землю и направился в сторону вьетнамца. Тот из предосторожности решил спрятаться недалеко от дома своего начальника Ле Ван Таи. Чиновник побежал за ним, кидая вдогонку камни. Услышав шум, Таи вышел из дома и направился навстречу представителю «цивилизации». Чиновник окликнул его словами: «Эй, ты, скотина! Почему не открываешь?» Таи, не умевший говорить по-французски, в ответ показал пальцем на красный сигнал. Этот обыкновенный жест привел в ярость сподвижника

г-на Лонга [54], который тут же без всяких предупреждений набросился на Таи, избил его и толкнул в горевший рядом костер. Сильно обожженный сторож-вьетнамец был отправлен в больницу, где и умер после шестидневных ужасных мучений. Чиновника даже не потревожили.

В Марселе открыта выставка, рассказывающая о процветании Индокитая,— в самой же стране люди умирают с голоду. Здесь поют о лояльности — там убивают! Что скажете вы по этому поводу, тысячу тысяч раз великий Кхай Динь и превосходительный г-н Сарро?

Нгуен Ай Куок

P. S. В то время как жизнь вьетнамца ценится меньше сапеки *, г-н генеральный инспектор Рейнгарт получил за одну лишь царапину на руке компенсацию в 120 тысяч франков! Равенство! Нежно любимое равенство!

«Пария», 1 августа 1922 года

---

* Сапека — мелкая монета.

ВЬЕТНАМСКАЯ ЖЕНЩИНА И ФРАНЦУЗСКОЕ ГОСПОДСТВО

Колонизация сама по себе является актом насилия сильного над слабым. Это насилие становится еще гнуснее, когда глумятся над женщинами и детьми.

Символом цивилизации во всех ее проявлениях служит изображение нежного облика женщины. Печальная ирония: многие люди, известные своей галантностью, подвергают этот живой символ самым отвратительным издевательствам, позорно посягая на нравы, обычаи, целомудрие и даже на жизнь женщины.

Колониальный садизм проявляется очень часто и характеризуется невероятной жестокостью, но мы ограничимся приведением лишь нескольких фактов, подтверждаемых беспристрастными свидетелями. Эти факты помогут нашим западным сестрам понять цену «цивилизаторской миссии», монополизированной капиталом, и страдания их сестер в колониях.

«Когда прибыли солдаты,— рассказывает один житель колонии,— население разбежалось, остались лишь два старика и две женщины: одна из них — девушка, другая — с новорожденным ребенком на руках и восьмилетней девочкой, уцепившейся за юбку матери. Солдаты требовали денег, водки и опиума. Так как их не понимали, то они, обозлившись, прикладами ружей убили одного из стариков. Затем в течение нескольких часов двое из них, уже будучи в состоянии опьянения, развлекались тем, что «поджаривали» на костре второго старика, другие же в это время насиловали женщин и девочку. Насытившись, они убили девочку. Женщине с маленьким ребенком удалось отбежать метров на сто в сторону и спрятаться в кустах. Она видела, как мучили ее подругу.

Они связали ей руки и ноги, забили кляп в рот и бро-

сили на землю. Один из солдат с каким-то зверским наслаждением, не торопясь, протыкал живот девушки штыком, затем он отрезал ей палец, чтобы снять кольцо, и отрубил голову, чтобы взять бусы.

На земле остались лежать трупы: обнаженная девочка, молодая женщина с распоротым животом и сжатой в кулак, чуть приподнятой к безразличному небу рукой и старик, обезображенный огнем...».

Нгуен Ай Куок

«Пария», 1 августа 1922 года

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО Г-НУ АЛЬБЕРУ САРРО, МИНИСТРУ ПО ДЕЛАМ КОЛОНИЙ

Ваше превосходительство!

Мы прекрасно знаем о вашей большой любви к туземцам колоний вообще и к вьетнамцам в особенности.

Под вашим покровительством народ Аннама познал истинное благоденствие и подлинное счастье — счастье видеть, как по всей стране продают алкоголь и опиум, которые, соперничая с расстрелами, тюрьмами, «демократией» и всем усовершенствованным аппаратом современной цивилизации, делают вьетнамца самым «передовым» из азиатов и самым счастливым из смертных.

Эти акты «покровительства» освобождают нас от необходимости говорить об остальном, например о вербовке в армию, принудительных займах, кровавых репрессиях, свержении и изгнании императора, осквернении священных для населения мест и т. д. Как говорится в одной китайской поэме, «движение вашего веера подобно ласковому ветерку. Дождь целомудрия и добродетели предшествует вашему экипажу».

С тех пор как вы начали властвовать над всеми колониями, ваша особая забота об Индокитае растет вместе с вашим величием. Вы создали в Париже управление, на которое возложена обязанность следить за туземцами, проживающими во Франции, и в особенности за вьетнамцами.

Но только «следить» оказалось недостаточным. И ваша отеческая милость к нам потребовала большего. Вот почему с некоторых пор ваше превосходительство приставило к каждому вьетнамцу, дорогому вьетнамцу, как говорит ваше превосходительство, особых агентов, и, несмотря на то что эти «храбрецы» еще только начинают подвизаться на поприще Шерлока Холмса, они глубоко вам преданны

и особенно симпатичны. Нам остается только расхваливать их и посылать поздравления вашему превосходительству — их руководителю.

Мы искренне благодарны за честь, оказанную нам вашим превосходительством и свидетельствующую о любви к нам, и мы бы ее приняли с наивысшей признательностью, если бы эта честь не показалась нам чересчур большой и не вызывала зависти и ревности других.

В то время когда парламент пытается навести экономию, сократить административный персонал, когда бюджет трещит по всем швам, когда в сельском хозяйстве и промышленности не хватает рабочих рук, когда стараются уменьшить заработную плату рабочих и когда рост населения требует развития всех производительных сил, нам кажется антипатриотичным принимать подобные личные одолжения, приводящие к растрате энергии хотя бы этих агентов, осужденных на праздность и растранжиривание денег, добытых ценою тяжкого труда пролетариата.

Следовательно, оставаясь вашими покорными слугами, мы с благодарностью отклоняем эту лестную для нас привилегию, слишком дорого стоящую стране.

Если ваше превосходительство действительно интересуется тем, что мы делаем каждый день, постараемся удовлетворить вашу любознательность. Мы будем каждое утро публиковать бюллетень о наших действиях, и вашему превосходительству останется только прочитывать его.

Кстати, наше времяпрепровождение почти неизменно. Утром, с 8 до 12 часов, мы бываем на заводах; после обеда — в редакциях газет (конечно, левых) или в библиотеках; вечером — у себя дома или на лекциях. В воскресенье и праздничные дни мы посещаем музеи и другие интересные места. Вот и все!

Надеясь, что этот удобный и рациональный распорядок удовлетворит ваше превосходительство, мы просим вас принять... и т. д.

Нгуен Ай Куок

«Пария», 1 августа 1922 года

ПОД ЗАЩИТОЙ...

Когда г-н Дарль был администратором провинции Тхайнгуен, он с целью вымогательства арестовывал, сажал в тюрьмы и незаконно судил вьетнамцев. Он избивал кулаками и палками туземцев, призванных «добровольно» служить в армии. Он зверски издевался над туземными полицейскими, таскал их за волосы, бил головой о стены своего дома. Он колол острием шпаги заключенных, доводя их до обморочного состояния.

Г-н Дарль избил одного туземца железной линейкой и сломал ему два пальца. Он стегал хлыстом сержанта-туземца. Он закопал в землю по самую шею не понравившихся ему туземных полицейских и разрешил их откопать только тогда, когда они уже были полумертвыми. Ударом палки он выбил глаз другому сержанту-туземцу. Наконец, своей жестокостью он спровоцировал восстание в Тхайнгуене, где была пролита кровь и туземцев, и французов. Много крови было пролито, много домов разрушено и много невинных казнено.

В награду за эти достойные действия г-на Дарля назначили главным экзаменатором в высшие школы города Ханоя и начальником кабинета верховного резидента Тонкина.

«Юманите» и Лига прав человека и гражданина [55] заявили протест. Если немецкий офицер фон Шефен за избиение людей из Ронка получил 20 лет каторжных работ, то г-н Дарль, француз, должен за свои преступления получить по меньшей мере 3 раза по 20 лет каторги.

А знаете ли вы, что с ним произошло?! Он стал членом муниципального совета Сайгона, то есть непосредствен-

ным сподвижником г-д Сарро и Утрея [56] и вершителем судеб вьетнамского крестьянства.

Счастливая Кохинхина!!!

Нгуен Ай Куок

ОДИН ВОПРОС

Верно ли, что в сыскной полиции генерал-губернатора Индокитая служит француз, по фамилии С.? Что этот С., будучи отправлен с «заданием» в Фукйен, заставляет местных вьетнамцев называть его почтенным мандарином и жестоко избивает тех, кто недостаточно быстро выполняет его приказания?

Верно ли, что тот же С. избил полицейского-вьетнамца? Все позволено, все возможно в этом индокитайском раю, не правда ли, г-н Лонг?

Н. А. К.

«Юманите», 17 августа 1922 года

ТРОГАТЕЛЬНЫЕ ЗАБОТЫ

Это старая история, она так же стара, как и войны. Пообещав различные чины индокитайским «добровольцам», которые останутся в живых, и посмертные блага погибшим «за родину», генерал-губернатор Индокитая обронил такую трогательную фразу:

«Вы хлынули в армию толпами, без колебаний покидая свою родную землю, к которой вы так крепко привязаны. Вы, стрелки, пришли в армию, чтобы отдать свою кровь, вы, рабочие,— чтобы предложить свои руки» (1919 год).

Вот как пишется история!

Если вьетнамцы приходили в восторг от того, что их берут в солдаты, то почему их гнали к сборным пунктам закованными в кандалы? Почему в ожидании погрузки на пароходы их запирали в здании коллежа в Сайгоне, охраняемого французским караулом с винтовками на изготовку?

Значит, кровавые демонстрации в Камбодже, волнения в Сайгоне, в Бьенхоа и в других местах нужно рассматривать как манифестации нетерпеливой «толпы», желающей «без колебаний» завербоваться в армию?

Побеги и дезертирство (а дезертировало около 50% резервистов) пытались подавить жестокими репрессиями, что привело к восстаниям, потопленным колонизаторами в крови. Эти вьетнамцы также убиты во время войны, но их не будут чествовать «посмертно», а оставшиеся в живых не получат наград из рук генерал-губернатора.

Генерал-губернатор, правда, добавил, что, само собой разумеется, чтобы заслужить «явное благоволение» и «великую милость» администрации, «нужно, чтобы вы

(индокитайские солдаты) хорошо себя вели, не проявляя никаких признаков недовольства».

Разве могут они не быть «послушными» теперь, когда употребляют алкоголь и опиум, продаваемые самим правительством?

Нгуен Ай Куок

«Юманите», 2 ноября 1922 года

ПО ПОВОДУ СИКИ

С тех пор как существует колониализм, белым платят за то, что они устраивают мордобитие черным. Один раз, однако, заплатили черному, чтобы он проделал то же самое в отношении белого. Противники всяческого насилия, мы не одобряем ни того, ни другого. Но от фактов никуда не уйдешь. Итак, перейдем к фактам. Ударом кулака, если не нанесенного по всем правилам науки, то уж, во всяком случае, удачно попавшим в цель, Сики сбил с пьедестала Карпантье [57], чтобы самому занять его место. Карпантье перестал быть чемпионом по боксу, но национально-спортивная слава Франции не пострадала от этого, так как Сики сенегалец, а следовательно, сын Франции, француз.

И все же обычно бывало так: когда на ринге побеждал Карпантье, это объяснялось его ловкостью, силой и мастерством, но каждый раз, когда он оказывался побежденным, это происходило из-за грубой силы какого-то Демпсея [58] или подножки, подставленной Сики. Вот почему во время матча у Буффало хотели объявить и даже уже сделали такое заявление, что Сики, несмотря на победу, все равно побежден. Но публика, настоящая публика, не согласилась с этим. Народная справедливость восторжествовала. Сики был провозглашен чемпионом мира и чемпионом Франции. Нокаутированный черным, Карпантье спокойно поехал в Россию — в страну красных. Мы поздравляем Сики с победой! Мы приветствуем также Карпантье за его беспристрастность.

Богатство улыбается только богатым, гласит SDN (произносить следует: мудрость наций, а не Лига наций) [59].

На Рене Марана [60] и Сики было израсходовано много чернил. Сики к тому же заставил течь и красную кровь.

Как будто оба наших африканских собрата нуждаются в таком потоке чернил?!

Вслед за ироническим пером Марана перчатки Сики стали событием даже в политических сферах. И г-н Люкэ, генеральный советник департамента Сены, поспешил внести предложение запретить матчи боксеров. Г-н Люкэ разрешит нам почтительно возразить ему, сказав, что он совершил тем самым антипатриотический поступок. Мы объяснимся. С точки зрения международной политики чемпион по боксу так же пропагандирует за границей наши «моральные достоинства», как и знаменитый, овеянный славой певец или 10 армейских корпусов (проверьте по газетным сведениям). С национальной точки зрения хороший боксер необходим, чтобы служить примером и стимулировать физическую красоту молодого поколения. С колониальной точки зрения один матч Карпантье — Сики имеет большее значение, чем 100 тысяч речей губернаторов, и способен доказать нашим подданным и опекаемым, что действительно проводятся в жизнь принципы равенства рас. Нужно ли жертвовать этим тройным преимуществом во имя какой-то отвлеченной гуманности? Нет! Не так ли, г-н Сарро?

* * *

Из газет мы узнали, что Сики запретили выступать на всех рингах Франции в течение девяти месяцев.

К сведению наших друзей из Сенегала, сообщаю, что причина запрещения — оскорбление г-на Кюни. Каким образом? Раньше прославляли Сики за то, что он разбил нос г-ну Карпантье, сегодня же, хотя он и ногтем не тронул г-на Кюни, его лишают права появляться на ринге. Не хотят ли, чтобы мы поверили, что... физиономия г-на Кюни более хрупкая и более ценная, чем физиономия г-на Карпантье, и что... но нет, так нельзя ничего понять. Скорее всего, по нашему убеждению, черному Сики не хотят простить победу над белым Карпантье, и если сам Карпантье не злопамятен, то злопамятны шовинисты. И это единственная мотивированная причина.

Из тех же газет мы узнали, что министр внутренних дел Великобритании запретил предполагавшийся матч между Джо Бекеттом и Сики в Лондоне. Нас это нисколь-

ко не удивляет, так как его британское величество, не сумев переварить полумесяц Кемаля и «шоколад» Ганди, пытается свою пилюлю слабительного дать проглотить боксеру Сики, несмотря на то что Сики — француз. Понятно?!

Нгуен Ай Куок

«Пария», 1 декабря 1922 года

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО Г-НУ ЛЕОНУ АРШЕМБО, ДЕПУТАТУ ОТ ДЕПАРТАМЕНТА ДРОМ, ДОКЛАДЧИКУ ПО КОЛОНИАЛЬНОМУ БЮДЖЕТУ, ЧЛЕНУ ВЫСШЕГО СОВЕТА КОЛОНИЙ

В своем выступлении в палате депутатов Вы сказали, что при желании могли бы разоблачить ряд колониальных скандалов, но Вы предпочитаете обойти молчанием преступления и правонарушения «цивилизаторов» в колониях. Это Ваше право, и это касается только Вас, Вашей совести и Ваших избирателей. Нам, которые повседневно страдали и страдают от «благодеяний» колониализма, не нужны Ваши разоблачения. Но когда Вы пишете в газете «Раппель», что факты, публикуемые г-ном Бурнетоном [61], неверны, то Вы «преувеличиваете». Сам министр по делам колоний вынужден был признать, что «к жизни туземцев относятся пренебрежительно» и что он «не отрицает ни одного факта жестокости» из приведенных депутатом г-ном Буанефом. И можете ли Вы, г-н Аршембо, отрицать, что в течение последних лет, то есть после «войны за право», в которой участвовало 800 тысяч «добровольцев»-туземцев в качестве рабочих и солдат, отдавших свою жизнь за Францию, Ваши «цивилизаторы», уверенные в безнаказанности, обкрадывали, обманывали, убивали, заживо сжигали вьетнамцев, тунисцев и сенегальцев?

Далее Вы пишете, что случаи несправедливости во Франции более многочисленны, чем в колониях. Тогда разрешите мне сказать Вам, г-н Аршембо, что не следует претендовать на то, чтобы поучать равенству и справедливости других, если Вы не способны осуществить их у себя. Это подсказывает самая элементарная логика, не так ли? Судя по Вашим словам, поведение и действия Ваших администраторов в колониях Вам известны, проверяются правительственными органами и министерством по делам колоний. Итак, одно из двух: либо Вы обладаете куриной

памятью и забыли о Бодуэне, Дарле, Люкасе и многих других из плеяды деятелей, «делающих честь» Вашей колониальной администрации и получающих как бы в наказание за совершенные преступления повышения и ордена; либо Вы насмехаетесь над Вашими читателями. Вы заявляете, что если Франция и грешна в колониальных делах, то разве только в излишнем благородстве. Скажите нам, пожалуйста, г-н Аршембо, не от избытка ли этого благородства у туземцев отнята свобода переписки, слова и передвижения? Не от избытка ли этого благородства им навязывают гнусный закон о правовом положении туземцев, забирают их земли, чтобы отдать победителям, а их самих превращают в рабов? Вы сами говорили, что население Таити сильно поредело из-за распространения алкоголя и находится на пути к вымиранию и исчезновению. Не от избытка ли благородства Вы делаете все возможное, чтобы опьянять вьетнамцев алкоголем и одурманивать их опиумом?

Наконец, Вы говорите о «долге», «человечности» и «цивилизации». В чем этот «долг»? Вы о нем говорили на всем протяжении Вашего доклада. Это рынки, конкуренция, прибыли, привилегии. Торговля, финансы — вот что символизирует Вашу «человечность»; налоги, принудительный труд, беспредельная эксплуатация — вот к чему сводится Ваша «цивилизация». Вы надеетесь получить такую высокую награду, о которой можно лишь мечтать, так разрешите Вам пока сказать, г-н Аршембо, что, если бы Виктор Гюго знал, что Вы будете писать сегодня подобные вещи в его газете [62], он бы не создал ее.

Разрешите . . . . и т. д.

Нгуен Ай Куок

«Пария», 15 января 1923 года

ЗВЕРИНЕЦ [63]

Как мы ни стараемся шевелить своими желтыми мозгами, мы никак не можем понять, что заставило мужчин и женщин Франции создать знаменитое Общество защиты животных. Прежде всего мы не видим смысла в этом, потому что там, где так много человеческих существ тщетно взывают о помощи, животные не так уж несчастны и не заслуживают столь благосклонного отношения. За исключением льва, полезного людям, которые привыкли укутывать ноги шкурами зверей, большинство этих животных злые, очень злые.

Разве не бульдог своими клыками разодрал в клочки решения Парижской конференции [64]? Что заставило фламандскую обезьяну и галльского петуха столкнуться с германским орлом в Руре [65]? Не тигр [66] ли, даже будучи скованным, проглотил несколько кабинетов республики? Не было ли бесполезно истрачено много миллионов, а может, и миллиардов франков при посредстве наших «славных и мужественных друзей» Колчака и Врангеля на покупку шкуры московского медведя, который сегодня стал еще более недосягаемым, чем прежде? (Ах, что за несносное животное!!!)

Кто из наших друзей в метрополии не жаловался на злодеяния стервятников [67]? И разве вóроны [68] — это не пагубные разрушители моральных устоев общества? А что делают сытые коты [69], если не ловят рыбу в мутной воде? А роскошные курочки, разве они не омрачают счастье многих семей? А крысы в гостиницах [70] — вечный враг всех странствующих?

Я уж не говорю о том, что «волк всегда прав, а паршивая овца — это бич честного общества». Мы поговорим немного о колониальных животных. Как раз в то время,

когда г-н Гиналь с помощью г-на Манжена готовится предстать перед Академией наук с предложением об использовании кожи акул, г-н Альбер Сарро уезжает на Собачий остров, где произносит по поводу мороженой трески островов Сен-Пьер и Микелон одну из своих обычных министерских речей, а г-н Ситроен [71] со своей стороны выпускает свою «цивилизаторскую гусеницу» в пустыню Сахару. Очень возможно, что эти две миссии — официальная и официозная — добьются благополучных результатов, состоящих в том, чтобы заставить гору родить мышь и упрочить положение колониальных акул.

Принято думать, что наши покровители всегда придерживаются страусовой политики. Какая ошибка, друзья мои! Доказать противное? Пожалуйста. По простому приглашению «сардинки» из Старого порта [72] колониальное правительство, не колеблясь ни одной минуты, заставило истратить:

Индокитай	13 190 846	франков
Западную Африку	5 150 000	»
Экваториальную Африку	348 750	»
Камерун	390 000	»
Мадагаскар	1 837 600	»
Мартинику	108 000	»
Гваделупу	55 000	»
Гвинею	62 500	»
Новую Каледонию	75 000	»
Новые Гебриды	60 000	»
Океанию	65 000	»
Французскую Индию	135 000	»
Сомали	97 000	»
Реюньон	85 000	»
Острова Сен-Пьер и Микелон	14 000	»

И все это для того, чтобы привести из колоний в Марсель несколько верблюдов, коров и крокодилов [73].

Нужно признать, что наши «цивилизаторы» не пожалели сил, чтобы разукрасить павлиньими перьями послушных и покорных туземных воробьев, превратив их в попугаев и цепных собак.

И если бы население Африки и Азии знало, что представляют собой этот «мир» и это «процветание», оно легко

бы определило, кто эти неутомимые, суетящиеся без дела «сеятели демократии».

Одним словом, судьбы всех этих животных вполне благополучны. Члены же знаменитого Общества защиты животных сделали бы более полезное дело, если бы занялись не судьбой обезьян, замученных доктором Вороновым [74], а этими несчастными овцами-туземцами, которых из года в год нещадно стригут.

Нгуен Ай Куок

«Пария», 1 февраля 1923 года

ОТ ОДНОГО СКАНДАЛА К ДРУГОМУ

Несмотря на шумиху вокруг выставки в Марселе, торжественные речи, королевские прогулки и напыщенные статьи в газетах, дела в Индокитае идут плохо.

Не успела еще остыть скамья подсудимых, на которой сидел «неподкупный» администратор г-н Лано, как уже стало известно о новых скандалах.

Прежде всего это дело Будино. Г-н Будино — типичный «цивилизатор» и администратор-взяточник. Основной статьей предъявленного ему обвинения является следующее:

«Деревня Танан построила электрическую станцию то ли на средства общины, то ли на средства от займа. Эта операция оказалась удачной, так как доход, полученный от станции, с избытком покрыл все расходы. Кроме того, дома и улицы деревни были обеспечены бесплатным освещением.

И вот нашелся изобретательный администратор (г-н Будино), осуществивший следующую комбинацию: деревня Танан уступает безвозмездно свою электростанцию предпринимателю, который будет выплачивать ей плату за освещение домов и улиц. Затем спохватились, что имеет смысл откупить уступленную безвозмездно привилегию и что для этого понадобится сумма в несколько десятков тысяч пиастров, которые должна выложить община. Все это дело похоже на настоящий роман, в котором бывший администратор провинции с невероятным цинизмом дал выход своей фантазии».

Второй скандал — это дело Тэара. Вот что о нем рассказывает наш индокитайский коллега:

«Мы живем в атмосфере... действительно необычайной: дело Будино, дело Лано и вскоре дело Тэара.

Г-н Тэар, очень заслуженный инженер, директор крупной французской фирмы в Хайфоне, пришел к г-ну Скала, директору Управления таможенных сборов, и, желая заключить сделку с администрацией на продажу опиума, предложил ему под видом якобы досрочной и не требующей никаких оправдательных документов оплаты сумму в 10 тысяч долларов. Для того чтобы решиться на такой шаг, надо было его тщательно продумать и быть уверенным в том, что в этом поступке не найдут ничего ненормального. Это значит, что в индокитайских деловых кругах такие сделки — обычное явление.

Все обладающие подобной властью будут спекулировать еще больше, чтобы увеличить собственные богатства, и нанесут этим еще больший ущерб обществу».

Поскольку палач Дарль, резидент Тхайнгуена, назначен членом муниципальной комиссии Сайгона, а г-н Бодуэн, с нетерпением ожидаемый г-ном судьей Вареном, стал временно исполняющим обязанности генерал-губернатора Индокитая, самое малое, что нужно сделать для г-д Тэара и Будино,— это представить их к награде.

Нгуен Ай Куок

«Юманите», 5 февраля 1923 года

НЕДОСТАТОК ШКОЛ

Население требует школ, которых постыдно мало. Каждый раз к началу учебного года родителям приходится стучаться во все двери, выпрашивать у всех поддержку, предлагать двойную плату, и все равно им не удается устроить своих детей. И тысячи детей обречены на невежество из-за отсутствия достаточного количества школьных учреждений.

«Бюджет не разрешает строить новые школы»,— говорят нам правительственные чиновники. Это не совсем точно. Из 12 миллионов пиастров, составляющих бюджет Кохинхины, 10 миллионов попадают в карманы чиновников. С другой стороны, боясь «заразы большевизма», колониальное правительство делает все возможное, чтобы помешать молодым вьетнамцам учиться в метрополии. В одной из статей постановления от 20 июня 1921 года о народном образовании в Индокитае сказано следующее:

«Туземец, являющийся подданным Франции или опекаемый ею, изъявивший желание поехать в метрополию для продолжения своего образования, должен получить разрешение генерал-губернатора. Решение принимается после согласования с начальником местной администрации и с директором народного образования.

Перед своим отъездом учащийся должен получить в дирекции народного образования университетскую книжку с фотографией. В книжке указываются его гражданство, адреса родителей, школьных учреждений, которые он посещал, размер получаемой стипендии или материальной помощи, диплом, адреса знакомых во Франции. Книжка должна быть заверена генерал-губернатором.

Дела туземцев, продолжающих свое образование во Франции, должны храниться в дирекции народного образования».

Добиться умственного одурманивания, чтобы царствовать,— вот любимый метод наших правителей в колониях.

Нгуен Ай Куок

«Юманите», 5 февраля 1923 года

ВОССТАНИЕ В ДАГОМЕЕ [75]

Рабы Гбеханзина [76], которые более 30 лет назад избавились от кабалы Доддса и Лебеля [77], героев нашумевших подвигов, ныне познакомились с «цивилизаторской» деятельностью Франции. Надо откровенно сказать, что по этому случаю наши колониальные администраторы возвели дагомейцев в звание граждан Франции.

Вот, впрочем, несколько подробностей о событиях, во время которых колониальные капиталисты обошлись с забастовщиками в Порто-Ново так же, как обходятся с рабочими Гавра и Саарбрюккена.

12 февраля, на следующий день после отъезда г-на Анри Мишеля, делегата Высшего совета колоний, внезапное волнение охватило население города Порто-Ново: начались манифестации, сопровождавшиеся забастовками туземных рабочих, занятых на стройках города.

18 февраля забастовщики устроили общее собрание. Полиция разогнала собравшихся и арестовала 10 рабочих.

Началось сражение. Группа забастовщиков, к которым присоединилось много туземцев, заняли сторожевые посты, расположенные вокруг Порто-Ново, и выгнали оттуда полицейских. Затем произошло первое столкновение повстанцев со стрелками, срочно присланными администратором г-ном Шассерло. Войска открыли стрельбу. Но и забастовщики были вооружены. Они ответили. На земле осталось лежать пять убитых: один капрал и четыре туземца.

Возбуждение растет. По приказанию г-на Мерлена, генерал-губернатора Западной Африки, объявляется осадное положение во всех районах Порто-Ново. Три полка стрелков с пулеметами и *полевой артиллерией* погружаются в Дакаре на транспортное судно «Чад». Кроме того, в

Порто-Ново немедленно отплывает сторожевой корабль «Кассиопея». Одновременно с переброской военных сил производятся новые аресты.

10 «зачинщиков», среди них Уйбелю и Этьен Тэтэ, брошены в тюрьму. Повсюду проводятся безжалостные репрессии.

Под угрозой штыков и с помощью дубинок рабочих Порто-Ново заставляют вернуться на работу. Но в деревнях волнение ширится. Колониальные газеты, особенно «Депеш колониаль», требуют немедленных жестоких санкций и передачи судьбы Дагомеи в более крепкие руки.

Мы должны сделать серьезные выводы из этих событий, а именно: в колониях рабочие начинают понимать, что такое классовая борьба. Нужно, чтобы черные и желтые рабочие поняли также, что их единственный враг кроется в самом режиме, который приводит к рабству, еще более изощренному, чем в прошлом, более тяжелому, более бесчеловечному. И только с помощью своих угнетенных братьев в странах Европы они смогут освободить себя.

«Юманите», 18 марта 1923 года

ЛЕНИН И КОЛОНИАЛЬНЫЕ НАРОДЫ

«Ленин умер!» Подобно молнии в безоблачный день, пронесется эта весть над плодоносными равнинами Африки и зеленеющими просторами Азии. Да, чернокожие и желтолицые могут точно не знать, кто такой Ленин, не знать, где находится Россия. Ведь империалистические колонизаторы заинтересованы в том, чтобы они этого не знали. Невежество — одна из главных опор капиталистического строя. Однако все они — от крестьянина на полях Аннама до охотника в лесах Дагомеи — внимали передававшимся шепотом словам, что там, далеко, на другом конце земного шара, живет народ, прогнавший господ, эксплуатировавших его, народ, управляющий своей страной без господ и верховных резидентов. Слыхали они и о том, что страна эта называется Россией, руководят ею мужественные люди и *самого мужественного из них зовут Ленин*. Одного этого достаточно, чтобы вызвать глубокое, восторженное преклонение перед этой страной и ее вождем.

Но это еще не все. Дошла до них весть и о том, что этот великий человек, освободив своих соотечественников, стремится освободить и другие народы, что он призывает белых помочь угнетенным желтолицым и чернокожим освободиться из-под ига руми *, всех руми: резидентов, губернаторов и им подобных. И для этого он начертал ясную программу.

Сначала им казалось невозможным, что на свете может жить такой человек и существовать такая программа. Однако в дальнейшем до них дошли туманные вести о коммунистической партии, об организации, именуемой Ин-

---

* Руми — чужеземец, поработитель *(араб.)*.

тернационалом, которые ведут борьбу за эксплуатируемых, за *всех* эксплуатируемых, в том числе и за них; они узнали, что во главе этой организации стоит он, Ленин.

И этого было достаточно, чтобы народы, невежественные, но добрые и признательные, стали испытывать в глубине своего сердца благоговение перед Лениным. Они видели в нем своего освободителя. Что же станется с нами теперь, когда он ушел? Найдутся ли люди, столь же мужественные и великодушные, чтобы уделять нам время и силы, думать о нашем освобождении? Вот о чем мучительно спрашивают себя угнетенные массы в колониях.

Что же касается нас, то мы вместе с нашими братьями оплакиваем невосполнимую утрату и разделяем с ними глубокую скорбь народов. Но мы уверены, что Коммунистический Интернационал и его секции, в том числе и в колониях, претворят в жизнь уроки и указания, оставленные нам вождем. Разве не лучший способ доказать нашу любовь к нему — выполнить то, что он нам завещал?

При жизни он был нам отцом, учителем, товарищем, советчиком. Теперь он — путеводная звезда, ведущая нас к социальной революции.

Ленин живет в наших делах, он бессмертен.

Нгуен Ай Куок

«Правда», 27 января 1924 года

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И КОЛОНИАЛЬНЫЕ НАРОДЫ

Колониализм — это спрут, присосавшийся одним щупальцем к пролетариату метрополий и другим — к пролетариату колоний. Для того чтобы его убить, надо отсечь оба щупальца. Отсечь только одно — другое будет продолжать сосать кровь пролетариата, спрут останется жить, и отсеченное щупальце вырастет вновь.

Русская революция это прекрасно поняла. Вот почему большевики не ограничились платоническими речами, принятием гуманных резолюций об угнетенных народах, а учат эти угнетенные народы тому, как надо бороться. Они помогают им морально и материально, как пишет об этом в своих тезисах по колониальному вопросу Ленин. Они созвали в Баку съезд [78], на котором присутствовали представители 21 национальности Востока. В работе съезда участвовали также представители рабочих партий Запада. Впервые в истории пролетарии стран-победительниц и пролетарии стран побежденных братски протянули друг другу руки и вместе занялись поисками путей для успешной борьбы против империализма — их общего врага. После исторического съезда, несмотря на внутренние и внешние трудности, революционная Россия, ни на минуту не задумываясь, пришла на помощь народам, которые она уже самим фактом своей победоносной революции пробудила от летаргического сна. Одним из ее первых начинаний было создание Университета народов Востока.

В этом университете обучаются сейчас 1022 студента, в том числе 151 девушка. Из этих студентов 895 — коммунисты. По социальному положению 547 студентов — крестьяне, 265 — рабочие, 210 — интеллигенты-пролетарии. Если вспомнить, что все страны Востока в основном являются аграрными, можно легко понять, почему так

высок процент студентов из крестьян. В Индии, Японии и в особенности в Китае интеллигенты, преданные рабочему классу, почти всегда являются вожаками рабочих. Этим и определяется такое количество интеллигентов среди студентов университета. Сравнительно небольшое число студентов из рабочих объясняется тем, что промышленность и торговля в странах Востока, если не считать, конечно, Японию, относительно малоразвиты.

Следует также упомянуть, что при университете обучается 75 детей в возрасте от 10 до 16 лет.

150 преподавателей занимаются со студентами по математике, историческому материализму, истории рабочего движения, естествознанию, истории революций, политической экономии и т. д. и т. п. В аудиториях встречается братская молодежь 62 национальностей.

Университет располагает 10 большими зданиями для учащихся. В университете имеется кинотеатр. По воскресеньям и четвергам студенты могут бесплатно посещать киносеансы, а в остальные дни недели зал предоставляется другим организациям. Две библиотеки, насчитывающие 47 тысяч томов, дают молодым революционерам возможность углублять свои знания и заниматься различными исследованиями. Каждая национальность, или «группа», имеет свою библиотеку с книгами, журналами, газетами на родном языке. Художественно украшенный учащимися читальный зал богат всевозможными газетами и журналами.

Студенты выпускают стенную газету, которая вывешивается при входе в читальный зал.

Больные получают медицинскую помощь в поликлинике, принадлежащей университету. Для выздоравливающих построен дом отдыха в Крыму. Советское правительство дало университету два хозяйства с девятью домами, в которых студенты живут во время каникул. В каждом хозяйстве имеются птицеферма и скотный двор. Студенты изучают здесь различные методы выращивания скота и ухода за ним. «У нас уже 30 коров и 50 свиней»,— рассказывал мне с нескрываемой гордостью один студент. Хозяйства имеют около 100 гектаров земли, обрабатываемой студентами во время летней практики по сельскому хозяйству. После занятий в аудиториях они помогают крестьянам.

Между прочим, одно из этих хозяйств расположено на земле, принадлежавшей до революции великому князю.

Довольно любопытно наблюдать красный флаг, гордо развевающийся на башне, украшенной великокняжеским гербом, и «крестьян» — корейцев или армян, «непочтительно» разговаривающих в почетном зале «его императорского высочества».

Студенты бесплатно обеспечиваются питанием, жилищем, одеждой. Каждый получает 5 золотых рублей в месяц на карманные расходы. Чтобы дать студентам возможность получить основные знания в области воспитания детей, университет шефствует над детским домом и показательными яслями, в которых воспитывается 60 очаровательных малюток.

Университет расходует в год 516 тысяч золотых рублей. Представители 62 национальностей, занимающиеся в университете, образуют «коммуну». Председатель и актив коммуны избираются на три месяца на общем собрании студентов. Один делегат от студентов принимает постоянное участие в экономической и административной деятельности университета. Все студенты должны по очереди работать в столовой, библиотеке, в клубе и т. д.

Все «проступки» и разногласия передаются на обсуждение выборного трибунала, на заседаниях которого присутствуют все товарищи. «Коммуна» собирается раз в неделю для обсуждения международного политического и экономического положения. Время от времени устраиваются собрания и вечера развлечений, на которых импровизированные артисты демонстрируют искусство своих стран.

Наиболее характерным фактом, иллюстрирующим «варварство» большевиков, является то, что они не только не считают колониальные народы «низшими», но видят в них братьев и приглашают их участвовать в политической жизни России. Студенты принимают участие в выборах в Советы и посылают туда своих депутатов. Зато в странах, в которых они родились, они являются лишь «подданными» или «опекаемыми» и имеют только одно право — право платить налоги. Они лишены права голоса в вопросах, касающихся жизни своей собственной страны, им не разрешают говорить о политике, избирать и быть избранными. Пусть мои братья в колониях, тщетно вымаливающие «натурализацию», сравнят буржуазную демократию с демократией рабочей.

Все эти студенты страдали сами и видели страдания других. Все они жили под гнетом «высокой цивилизации»,

эксплуатировались и угнетались иностранным капиталом. Вот почему они с таким энтузиазмом и жадностью хотят учиться и познавать. Они способны быть и серьезными, и увлекаться. Они совсем не похожи на бульварных завсегдатаев Латинского квартала и студентов, приехавших с Востока в Париж, Оксфорд и Берлин. Можно без преувеличения сказать, что университет приютил под своей крышей будущее колониальных народов. Ближний и Дальний Восток, от Сирии до Кореи,— мы говорим только о странах колониальных и полуколониальных — занимает территорию в 15 миллионов квадратных километров с населением в 1200 миллионов человек. Страны Востока находятся под игом капитала и империализма. И несмотря на свою многочисленность — а в этом и заключена их сила,— эти угнетенные народы никогда серьезно не пытались самоопределиться в том смысле, что они еще не поняли значения международной солидарности и не смогли объединиться для борьбы. У них нет международных связей. Сами они не отдают себе отчета в том, какой гигантской силой они являются. Создание Университета народов Востока открыло новую эру. Университет сделает большое дело, объединив все молодые, активные, талантливые силы колониальных стран. Задача университета заключается в том, чтобы:

а) научить будущих борцов принципам классовой борьбы, разъяснить им, что расовая борьба, с одной стороны, и патриархальные нравы — с другой, внесли путаницу в их мировоззрение; б) установить тесную связь между авангардом трудящихся колоний и пролетариатом Запада, чтобы открыть путь к будущему действенному сотрудничеству, которое приведет международный рабочий класс к окончательной победе; в) научить колониальные народы, до сих пор не связанные друг с другом, лучше узнавать друг друга и объединяться, закладывая таким образом основу будущего союза народов Востока, который станет одним из крыльев пролетарской революции. И последнее: показать пролетариату пример того, что он может и должен сделать для своих угнетаемых империалистами братьев.

Нгуен Ай Куок

«Ля ви уврие», 21 марта 1924 года

ЛЕНИН И НАРОДЫ ВОСТОКА

Если Ленин для пролетариата Запада — вождь, лидер, учитель, то для народов Востока он является чем-то еще большим. Для них он, если можно так выразиться, святыня.

Ленин покоряет и привлекает сердца азиатских народов не только своей гениальностью, но и презрением к роскоши, любовью к труду, чистотой своей личной жизни, простотой — одним словом, моральным величием и благородством учителя. Привыкшие к тому, что к ним относятся как к отсталым и низшим существам, народы Востока видят в Ленине олицетворение всеобщего братства. Они не только благодарны ему за это, но глубоко любят его. Их уважение к Ленину равно почитанию отца детьми. Чтобы понять эту любовь, нужно было видеть, когда умер Ленин, распухшие от слез глаза студентов Университета народов Востока, рыдающих юношей и девушек.

Его смерть была всеобщим горем. В Китай весть о смерти Ленина пришла в дни съезда гоминьдана. Делегаты поднялись со своих мест. В знак траура заседание съезда было прервано. По предложению д-ра Сунь Ят-сена кантонское правительство постановило закрыть все театры и зрелища на три дня. Флаги на всех учреждениях были приспущены; различные ассоциации в провинции и в Пекине — научные, политические, экономические, главным образом ассоциации студентов и рабочие организации,— достойным образом отметили память великого вождя и революционера. Тут же единогласно была принята резолюция, требующая немедленного признания Советского правительства. Студенты решили установить статую Ленина в самом большом общественном парке Пекина. Китай-

ский парламент отправил телеграмму с выражением соболезнования.

Женщины также оплакивали Ленина. В Китае, как и в других странах Востока, женщины мало знают о событиях, происходящих в мире, и почти не интересуются ими. Однако и они надели траур по Ленину. Демонстрации китайских женщин в эти печальные дни имеют историческое значение. С одной стороны, они показывают, что женщины Востока пробуждаются, с другой — что великий учитель был понят и любим всеми и всюду: и самыми простыми и самыми просвещенными людьми. Вот почему я привожу здесь обращение одной студентки, опубликованное в «Газет де фам», издаваемой в Шанхае.

«Сестры!

С момента своего рождения капитализм оказывает тлетворное влияние на политический строй всех стран. Вещи, которые должны принадлежать всем, потому что все участвуют в их производстве, становятся привилегией избранных! Экономическое угнетение закабаляет мужчин, это же угнетение подчиняет женщину мужчине.

Сколько миллионов мужчин было закабалено таким образом в течение веков! Сколько миллионов женщин было принесено в жертву!

В самый разгар мировой войны, когда гибли миллионы ни в чем не повинных людей, хотевших жить, Ленин выступил против нищеты и страданий, поднял русский пролетариат, создал Советы!

Он не только освободил мужчин и женщин своей страны, но и указал путь всем обездоленным вселенной. Несмотря на наступление белогвардейцев и капиталистическую блокаду, сильная воля Ленина спасла его соотечественников от страданий и нищеты и организовала всех угнетенных под знаменем Интернационала.

И разве он не заслуживает преклонения перед его великой памятью? Не должен ли день 21 января стать днем траура для тех, кто страдает?

Россия уверенными шагами идет по пути своего расцвета. Но нужно еще много сделать, чтобы до-

стигнуть подлинного мира. Род людской просыпается, но для достижения полного освобождения нужно бороться и бороться. И вот он, наш учитель, ушел от нас внезапно, не увидев результатов своих трудов.

Могут ли люди, имеющие сердце, не плакать? Разве женщины и мужчины не должны переложить на свои плечи дело, оставленное им, и двинуться вперед?

Дорогие сестры!

Почтим достойно память того, кто всю свою жизнь боролся против нищеты и угнетения народов, того, кто до самой своей смерти боролся за людей всего мира!»

Н. А. К.

«Пария», № 27, июль 1924 года

ЦИВИЛИЗАЦИЯ, КОТОРАЯ УБИВАЕТ

Как белые приобщают черных к цивилизации. Несколько фактов, о которых в учебниках истории предпочитают не упоминать

Если мы считаем бесчеловечным линчевание негров американской чернью, то как же квалифицировать массовые убийства народов Африки, совершаемые европейцами во имя «цивилизации».

С того дня, как белые высадились на побережье Африки, Черный континент захлебывается в крови. Массовые убийства благословляются церковью, легально санкционируются королями и парламентами, сознательно проводятся в жизнь негрофобами всякого рода — от вчерашних работорговцев до сегодняшних колониальных администраторов.

РЕЛИГИЯ

В 1442 году для распространения благодеяний христианства рыцари католического короля Испании высадились на побережье Африки. Их апостольская миссия началась резней. «И наконец,— читаем мы в одном путевом дневнике,— бог, который награждает добрые деяния, предпринятые и осуществленные во славу его, даровал своим верным слугам победу. Он увенчал нас лаврами за нашу работу и вознаградил наши труды, и благодаря ему мы взяли в плен 165 мужчин, женщин и детей, не считая большого количества убитых и раненых».

Эти набожные конкистадоры создали традицию.

В описи имущества, конфискованного в 1768 году у иезуитов Бразилии, значились между святыми крестами и другими предметами культа железные клейма, которыми клеймили рабов.

В течение длительного времени английские общества «распространения христианства» добывали средства для своих нужд от продажи рабов.

12 февраля 1835 года независимая церковь прихода «Ясли Христовы» (Южная Каролина) опубликовала в газетах объявление, что она продает 10 рабов, умеющих выращивать хлопок. Сколько таких фактов можно еще привести...

Церковь Северной Америки была самым решительным врагом уничтожения рабства.

КОРОЛИ

От Карла V до Леопольда II, короля Бельгии, от добродетельной королевы Елизаветы Английской до Наполеона — все коронованные особы Европы занимались торговлей неграми. Все короли-колонизаторы подписывали договоры и предоставляли монопольное право на эксплуатацию черного мяса.

«27 августа 1701 года его всекатолическое величество король Испании и его всехристианское величество король Франции согласились предоставить монополию на торговлю рабами сроком на 10 лет королевской компании в Гвинее... чтобы таким путем получить похвальные и обоюдные выгоды как для их величеств, так и для подданных своих».

«Его британское величество взяло на себя обязательство ввезти в Испанскую Америку 144 тысячи индийцев обоего пола, разных возрастов по 33 и одной трети пиастра за голову».

РАБОТОРГОВЦЫ

В 1824 году, когда судно работорговцев, погрузив негров, взятых на африканском берегу, направлялось к Антильским островам, за ним погнался крейсер. Во время преследования вдоль бортов судна проплыло несколько бочек. На крейсере решили, что работорговцы выбросили бочки с балластом, чтобы облегчить судно. Но, когда крейсер подошел к борту судна работорговцев, матросы услышали стоны, доносившиеся из одной из бочек, стоявших на палубе. В ней обнаружили двух почти задохнувшихся негритянок: работорговцы сбрасывали бочки с неграми, чтобы облегчить судно.

Английский корабль спас потерпевшее крушение судно работорговцев. Подобрали не только экипаж, но и нег-

ров, но когда увидели, что провианта на всех не хватит, то неграми решили пожертвовать. Их поставили в шеренгу на палубе и хладнокровно расстреляли из двух пушек.

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОВ

Арестованных негров связывают попарно, затем длинной цепью сковывают вместе 20—30 человек. Так их заставляют идти до порта погрузки, затем загоняют в тесные трюмы без света и воздуха. В целях «гигиены» их заставляют плясать под ударами бичей один-два раза в день. Часто случается, что люди в надежде примоститься как-нибудь поудобнее душат друг друга, женщины протыкают гвоздями головы своих соседок. Заболевших, расцениваемых как недоброкачественный товар, негодный для продажи, выбрасывают за борт. Обычно к концу путешествия четверть живого груза погибает от болезней или удушья. Выживших клеймят каленым железом, как животных, и считают на тонны или «тюки». Так, компания Португальской Гвинеи подписала в 1700 году контракт, по которому она обязалась доставить «11 тысяч тонн» негров. Более 15 миллионов негров было отправлено в Америку в таких условиях. Около 3 миллионов умерло в дороге или было утоплено. Те, которых убивали за сопротивление или как мятежников, в счет не идут... Эта позорная торговля закончилась в 1850 году, уступив место другой, более широкой форме рабства — колонизации.

КОЛОНИЗАЦИЯ

Примеры жестокости, которые мы приведем, таковы, что если бы они не были подтверждены неопровержимыми документами и если бы о них не было рассказано самими европейцами, то этому трудно было бы поверить.

Так, на Мадагаскаре французский коммерсант, обнаружив, что у него из кассы исчезли деньги, замучил электрическим током нескольких служивших у него туземцев, которых он заподозрил в краже. Через некоторое время было обнаружено, что деньги украл его собственный сын.

Один колониальный чиновник влил горячий каучук в половой орган несчастной негритянки и заставлял ее

стоять под жгучим солнцем с огромным камнем на голове до тех пор, пока она не умерла.

Арендатор, обозленный тем, что двое его слуг отказались работать бесплатно, привязал их к столбу, облил керосином и сжег.

Другой арендатор вкладывал шашки динамита вьетнамцам в рот или в задний проход и взрывал их.

Один из чиновников хвастался тем, что самолично убил 150 туземцев, отрезал 60 рук, распял на кресте нескольких женщин и детей и развешал обезображенные трупы на ограде деревни, которой ему было доверено управлять. Только на одной из плантаций погибло 1500 человек. Что это? Изолированные факты? Нет... Черты нравов? Но расскажем о коллективных преступлениях, которые никак нельзя приписать варварским инстинктам нескольких индивидуумов,— преступлениях, за которые несет ответственность весь режим.

«В Алжире,— рассказывает один французский писатель,— на границе пустыни я видел следующую сцену. Однажды солдаты схватили нескольких арабов, виновных лишь в том, что они убегали от завоевателей, жестоко их притеснявших. Полковник приказал немедля уничтожить арабов без всякого суда и следствия. И вот что произошло... Их было 30... Вырыли в песке 30 ям, закопали их в эти ямы, оставив на поверхности земли под полуденным солнцем 30 бритых голов. А для того чтобы они не так быстро умерли, время от времени их поливали водой, как капусту... через полчаса веки их набухли, глаза вылезли из орбит. Распухшие языки заполнили ужасные, раскрытые рты... кожа на черепах потрескалась и сгорела».

Племя банги не смогло сдать требуемое концессией количество каучука. Концессионеры арестовали 58 женщин, 10 детей и объявили их заложниками. Несчастные были лишены света, пищи и даже воды. Время от времени их подвергали пыткам. Их крики, по словам плантаторов, заставляли остальных усилить работу. После трех недель ужасных страданий большинство заложников умерло.

Тот год был засушливым. Урожая собрать не удалось. Весь этот район Африки был опустошен... Жители питались травой и корнями растений. Старики умирали от истощения. Несмотря на это, правительство «цивилизаторов» требовало уплаты налогов. Люди оставили свою землю, сады, жилища, а сами ушли в горы. Администра-

тор направил солдат с охотничьими собаками им вдогонку. Беженцев, скрывавшихся в пещерах, настигли и выкуривали дымом.

В 1895 году англичане искалечили 3 тысячи человек из восставшего племени матабеле, которые сдались им в плен.

С 1901 по 1906 год немцы искалечили не менее 2500 человек из племени гереро в Западной Африке.

В 1911 году итальянцы устроили трехдневную бойню в городе Мешиа и его окрестностях. Были убиты 4 тысячи туземцев.

Массовые убийства возводятся в политический принцип. Это политика истребления. Губернатор Капской провинции так заявил об этом: «Если туземцы попробуют не повиноваться или восстать, они будут безжалостно выметены из страны, а на их место придут другие народы».

Сегодня, спустя 10 лет после войны за «право народов на самоопределение», продолжается кровавое проникновение испанцев и французов в Марокко, осуществляемое под доброжелательными взглядами мудрецов из Лиги наций.

История европейского проникновения в Африку, как и вся история колонизации, написана с первой до последней страницы кровью туземцев. Вслед за резней идут изнурительный труд, переноска непосильных тяжестей, принудительные работы, алкоголь, сифилис, которые завершают разрушительную работу «цивилизации». Неизбежный результат этой чудовищной системы — истребление черной расы.

Тяжелое чувство вызывает сопоставление с этими фактами нескольких цифр. Мы заметили, что быстрое обогащение нескольких колонизаторов соответствует не менее быстрому сокращению населения эксплуатируемых стран. С 1783 по 1793 год одна из ливерпульских компаний, занимавшаяся торговлей рабами, получила около 1 117 700 фунтов стерлингов прибыли. За этот же промежуток времени местное население, которому компанией был нанесен «визит», уменьшилось на 304 тысячи человек. За девять лет король Леопольд II получил от эксплуатации Конго 3 179 200 фунтов стерлингов. В 1908 году население Бельгийского Конго насчитывало 20 миллионов человек. В 1911 году осталось только 8500 тысяч человек. Во

Французском Конго племена, насчитывавшие 40 тысяч человек, сократились до 20 тысяч, а некоторые племена исчезли совсем. И это за два года! Готтентотов в 1894 году было 20 тысяч, после семи лет колонизации их осталось 9700 человек.

Нгуен Ай Куок

«Ля корреспонданс энтернасьональ»,
№ 69, 1924 год, с. 753

МАРШАЛ ЛИОТЭ [79] И «ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА»

Марокканский сатрап считает Великую хартию французской буржуазии пагубной и опасной

Лига прав человека и гражданина (1924 год...) позволила себе наивный поступок — вывесить в школах и общественных учреждениях Французского Марокко «Декларацию прав человека и гражданина 1789 года». Маршал Лиотэ, которому поручено обеспечивать права человека и гражданина в Марокко, официально запретил вывешивать эту декларацию как пагубную... К несчастью для марокканцев и к счастью для французов, живших 135 лет тому назад, наш увенчанный славой маршал родился через 75—80 лет после Великой революции, в противном случае... Но отбросим шутки и обратимся к фактам. В своем письме к премьер-министру маршал объясняет это запрещение следующим образом:

«Роль Франции по отношению к туземцам в настоящее время и в будущем должна заключаться в том, чтобы научить их понимать свои обязанности. И только тогда, когда они их усвоят, может быть поставлен вопрос о предоставлении им прав, которые, по-видимому, будут соответствовать их социальному положению и степени их образования.

В настоящее время *не следует* сообщать нашим опекаемым о правах, относящихся к Франции и французским гражданам, а именно пропагандировать мысль, что «источником власти является сама нация, а закон — это выражение ее воли...». Поэтому *опасно* вывешивать в публичных местах какие-либо документы, провозглашающие эти принципы... В крайнем случае можно было бы посоветовать Лиге прав человека и гражданина вывешивать декларацию в тех местах, которые посещаются *исключительно* французами, но на деле таких мест в Марокко не существует... и т. д. (подчеркнуто мною.— *Н. А. К.*)».

Пусть для Лиотэ декларация, которая является гордостью Франции и славой его предков,— лишь клочок бумаги, пусть он насмехается с высоты своего «величия» над знаменитой организацией буржуазной демократии и

8*

над великими принципами 1789—1793 годов; нам наплевать, марокканцам тоже. Но мы должны напомнить нашим марокканским братьям следующее: во время войны за «право», но не человека и гражданина, а «право» хищников, 53 тысячи марокканцев выполнили свой «долг» (40 тысяч рабочих и 13 тысяч солдат). Причем 10 тысяч выполняли его так хорошо, что легли костьми на полях сражений. Другие марокканцы также выполняли свой «долг», посылая в воюющую метрополию десятки тысяч тонн товаров, выплачивая сотни миллионов франков по принудительным займам «победы» и различным обязательным «пожертвованиям» для оказания помощи оккупированным районам, в которых «эти варвары-боши» в 1914—1918 годах занимались тем же, чем «цивилизованные» французы в течение 20 лет в Марокко и других колониях. Получая от «опекающей» их нации бомбы и другие благодеяния, марокканские крестьяне «уступили» ей в течение 15 лет сотни тысяч гектаров своих лучших земель, а сами ушли издыхать с голоду в горы или в пустынные места. Они оплачивали спокойствие Франции изнурительными налогами, увеличивающимися с каждым годом.

Со 109 449 тысяч франков в 1918 году эти налоги выросли до 171 953 тысяч франков в 1922 году. Из этих миллионов, выжатых из марокканцев, 96 миллионов, то есть третья часть, попали в карманы Лиотэ и ему подобных (только на содержание резиденции генерал-губернатора расходуется 25 миллионов франков).

Следовательно, марокканцы хорошо выполняют свой «долг» — долг рабов. Но чтобы добиться прав человека и гражданина, они должны выполнить и долг человека и гражданина — организоваться и бороться за завоевание своих прав, как это сделали французы в 1789 году и как это делает современный революционный пролетариат. Этот свой долг наши братья марокканцы еще не осознали. Лиотэ, таким образом, прав, считая, что алкоголь, наркотики и проституция (за 5 лет количество питейных заведений и публичных домов в Марокко возросло почти втрое) имеют большее значение для «цивилизации» и приносят больше пользы колонизаторам, чем платоническая «Декларация прав человека и гражданина».

Нгуен Ай Куок

«Ля корреспонданс энтернасьональ»,
№ 71, 1924 год, с. 783

ЛЕНИН И ВОСТОК

I Интернационал, положивший начало международному коммунистическому движению, из-за кратковременности своего существования успел наметить только основные линии этого движения. Так, вопрос о колониальных странах был слабо разработан I Интернационалом.

Зато II Интернационал в лице своих представителей типа Макдональда [80], Вандервельде [81], Гендерсона [82], Блюма [83] и им подобных уделил этому вопросу слишком много внимания. При всяком удобном случае лидеры II Интернационала подчеркивали свою солидарность с империалистической политикой, проводимой капиталистами в колониальных странах. Борьба колониальных народов за свое освобождение не встречала сочувствия с их стороны. Более того, Макдональд, придя к власти, не хуже Болдуина [84] и Чемберлена [85] расправлялся с индийцами, суданцами и другими колониальными народами, посмевшими выступить против иноземных насильников.

С благословения этих господ на туземные деревни сбрасывались бомбы, над жителями колоний творили неописуемые зверства и насилия. Все знают о политике размежевания между белыми и цветными рабочими, которую проводят соглашатели, о нежелании профсоюзов, находящихся под влиянием этих лжесоциалистов, принимать в свою среду цветных рабочих. В политике II Интернационала по колониальным вопросам больше чем где бы то ни было выявилась истинная физиономия этой мелкобуржуазной организации. Поэтому до Октябрьской революции в колониальных странах на социалистическое учение смотрели как на предназначенное исключительно для белых, как на новое средство обмана и эксплуатации.

Ленин открыл новую, подлинно революционную эпоху в колониальных странах.

Ленин первым решительно осудил все предрассудки по отношению к колониальным народам, въевшиеся в кровь и плоть многих европейских и американских рабочих. Ленинские тезисы по колониальному вопросу, одобренные Коминтерном, вызвали целую революцию во всех угнетенных странах.

Ленин первым понял и подчеркнул всю колоссальную важность для мировой революции правильного разрешения колониального вопроса. На всех конгрессах Коминтерна, Профинтерна и Коммунистического интернационала молодежи вопрос о колониях стоял на одном из первых мест.

Ленин первым понял и оценил всю огромную важность вовлечения колониальных народов в революционное движение. Ленин первым понял, что без их участия социальная революция немыслима.

Ленин с присущей ему прозорливостью понял, что для успешной работы в колониальных странах надо полностью использовать развертывающееся там национально-освободительное движение, что, поддерживая это движение, мировой пролетариат приобретает новых могучих союзников в своей борьбе за социальную революцию.

Все представители колоний, побывавшие на конгрессах Коминтерна, никогда не забудут, сколько внимания им уделял Ленин — вождь и товарищ, как умел он вникать в самые сложные, чисто местные условия работы. С тех пор каждый из нас имел достаточно времени, чтобы десятки раз убедиться, насколько он был прав в своих суждениях и как ценны были его указания.

Только благодаря умелому подходу Ленина к колониальным вопросам удалось всколыхнуть самые отсталые массы народов порабощенных стран. Ленинская тактика в этих вопросах, проводимая компартиями всего мира, вовлекла и вовлекает в коммунистическое движение все лучшее и активное, что есть в колониях.

Ленинское решение сложнейшего национального вопроса в Советской России, его практическое осуществление Коммунистической партией является самым мощным орудием пропаганды в колониальных странах.

Ленин для всех угнетенных и подневольных народов — поворотный пункт в мучительной истории их бесправного существования, символ нового, светлого будущего.

Нгуен Ай Куок

«Гудок», 21 января 1926 года

ВЫСТУПЛЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И КУЛЬТУРЫ

ПИСЬМО ХУДОЖНИКАМ В СВЯЗИ С ОТКРЫТИЕМ ВЫСТАВКИ ЖИВОПИСИ 1951 ГОДА

Уважаемые художники!

Узнав об организации выставки, я пожалел, что из-за сильной занятости не смогу познакомиться с ней. Посылаю вам самый сердечный привет. Пользуясь случаем, я хочу высказать некоторые соображения об искусстве, которые могут оказаться вам полезными.

Литература и искусство — это тоже *фронт*.

А вы являетесь *бойцами* этого фронта.

Как и у всех бойцов, у вас есть определенные *задачи*, а именно: служить Сопротивлению, служить Родине, служить народу, и прежде всего — рабочим, крестьянам, армии.

Чтобы выполнить свои задачи, бойцы искусства должны занимать *твердую позицию*, вооружиться *правильной идеологией*. Короче говоря, они должны ставить превыше всего интересы Сопротивления, Родины и народа.

Что же касается *творчества*, то вы должны хорошо понимать народ, быть тесно связаны с ним и глубоко проникать в жизнь народных масс. Только тогда вы сумеете отразить дух героизма и решимости, присущий нашей армии и нашему народу, и тем самым помочь дальнейшему его подъему и развитию. Война Сопротивления развивается неодолимо и мощно. Наша армия и наш народ идут вперед мощно и неуклонно. Поэтому и вы, художники, должны, пользуясь методом критики и самокритики, неуклонно идти вперед.

Найдутся, вероятно, люди, которые подумают: «Старый Хо отождествляет искусство с *политикой*».

Совершенно верно. Литература и искусство, как и любой другой вид деятельности человека, не могут стоять в

стороне от экономики и политики и находятся в их сфере.

У нашего народа славное будущее, а у нашего искусства широкие перспективы. Желаю вам здоровья, успехов и свершений.

С сердечным, исполненным веры в победу, приветом

Хо Ши Мин

10 декабря 1951 года

КАК ПИСАТЬ *

Сегодня я поведу речь о том, как писать и в особенности — как писать кратко.

Сейчас уровень знаний преобладающего большинства наших соотечественников не позволяет им усваивать слишком длинные тексты, нехватка бумаги, чернил и типографской краски не позволяет писать пространно и печатать много, да и время наше — время солдат, сражающихся с врагом, и людей, занятых работой,— ограничено и не позволяет много читать. Поэтому, чем короче мы пишем, тем лучше.

На страницах газет у нас встречаются нудные статьи, растянутые на несколько столбцов,— словно зелень, разваренная в похлебке. Дочитав до середины, не помнишь, о чем говорилось в начале, а дойдя до конца — не вспомнишь и середины. Это бесполезная писанина.

Во имя кого мы пишем?

С какой целью мы пишем?

Давайте поставим вопрос так: «*Для кого мы пишем?*»

Мы пишем для абсолютного большинства народа — для рабочих, крестьян и солдат.

Для чего мы пишем?

---

* Отрывок из записи беседы Хо Ши Мина с работниками печати и культуры и кадровыми работниками различных отраслей в Центральной партийной школе 17 августа 1952 г.

Выступления Хо Ши Мина по вопросам литературы и искусства переводились по стенограммам его речей, опубликованных в ханойском издательстве «Шы тхат» («Правда») в 1971 г. Они в значительной мере сохраняют особенности свойственной Хо Ши Мину манеры речи — краткость, простоту, доходчивость аргументации, злободневность тематики. Эта «разговорная» интонация сохраняется и в русском переводе.

Чтобы воспитывать, разъяснять, агитировать. Чтобы служить народным массам.

И наконец, *что писать?*

Здесь необходима четкая позиция; лишь осознав свою роль, уяснив, где друзья и где враги, можно писать правильно.

Мы пишем, чтобы *выявить и показать* все хорошее и достойное, что есть у нашей нации, у нашей армии, у наших друзей. И одновременно — критиковать наши недостатки, недостатки наших кадровых работников, народа и армии. Не следует писать только о хорошем, скрывая дурное. Но критика должна быть справедливой. Показывая хорошее, положительное, надо *соблюдать меру*, избегать преувеличений. Говорить лишь о том, что есть на самом деле. У нашей армии и народа достаточно положительных качеств, достойных похвалы, и не к чему их выдумывать.

Критика же должна быть *искренней*, честной, правильной, и она не должна давать врагу повода для контрпропаганды.

Как следует вести себя по отношению *к врагу?*

Показывать все, что есть в нем отрицательного нашим бойцам, нашим соотечественникам, чтобы они знали, насколько он жесток и коварен, чтобы сильнее разжечь в них ненависть к врагам.

Зверствам, бесчинствам врага нет счета, если умело собрать материал, о них можно писать и писать. Но иные действия врага с виду вроде бы и хороши, хотя в сущности весьма вредоносны; мы должны разъяснять все это так, чтобы народ нас понял.

Приведем пример. В районах, захваченных врагом, французы устраивают «благотворительные мероприятия» или американцы оказывают «помощь» населению с целью рекламы и подкупа. А ведь на деле они грабят в одном месте и «благодетельствуют» в другом. Одного этого примера достаточно, чтобы окончательно понять коварство врага. Но если не разобраться толком, можно вообразить, будто враг и впрямь творит добро.

Где брать материалы для литературной работы?

Желающий собрать материалы должен искать их так:

1. *Выслушивать* рассказы кадровых работников, бойцов, соотечественников.

2. *Опрашивать* людей, вернувшихся издалека, расспра-

шивать население и бойцов об их делах, о положении на местах.

3. *Наблюдать*, то есть бывать на местах событий, видеть происходящее, вникать в него.

4. *Читать* газеты, журналы, книги — отечественные и зарубежные.

5. *Записывать* все, что слышал и видел, о чем узнал и прочел; заметки эти помогут писать. Бывает, из нескольких газет извлечешь один-единственный факт. В сборе материалов, как и в любой работе, неизбежны *трудности*.

Бывает, читая какую-нибудь газету, обнаружишь одну проблему, читая другую — найдешь вторую; сведешь затем воедино две-три проблемы, несколько цифровых данных — и готов материал, на основе которого можно писать.

Чтобы собрать богатый материал, нужен широкий кругозор.

Читайте китайские, советские, английские, французские газеты... Чем больше газет прочтете, тем богаче будет собранный материал.

Например, в Советском Союзе достигнуты конкретные успехи в промышленности и сельском хозяйстве. Достаточно ли только сообщить об этом?

В общем-то — да. Но надо бы знать, насколько выросли за тот год, за тот же период промышленные и сельскохозяйственные показатели в Советском Союзе, Китае, дружественных странах и насколько понизились они во Франции, США, Англии,— для сравнения. И тогда читатель сразу увидит где прогресс, а где упадок.

Как писать?

Прежде всего надо *избегать стиля «разваренной зелени»*, то есть тягомотины «долгих рек и бескрайних океанов», заставляющей читателя, как говорят, «хорониться в зеленых джунглях». Мы пишем прежде всего, чтобы воспитывать, воодушевлять людей. И если читатель *не запоминает*, не понимает написанного, значит, мы пишем не так, значит, мы бьем мимо цели. А чтобы читатель *понимал*, *запоминал*, *действовал*, надо писать, исходя из уровня читателя,— писать ясно, сжато, не прибегая к «ученым» словам. Иностранными словами надо пользоваться лишь в случае необходимости; например, «независимость», «свобода», «счастье» — все эти слова во вьетнамском языке китайского происхождения, и их приходится употреблять, по-

скольку нет соответствующих исконно вьетнамских слов. Если же огульно отрицать любые заимствования, то придется вместо «независимый (самостоятельный) Вьетнам» говорить «самостоящий Вьетнам», а этого никто не поймет.

Не следует увлекаться книжными словами. Наши журналисты чересчур любят щеголять книжными словами, пришедшими из китайского. Они не пользуются словами родного языка, а стремятся вставить книжное словечко. Кадровые работники тоже норовят выразиться «по-ученому» и часто употребляют слова не к месту и без толку.

Несколько примеров: говорят не «три месяца», а «три перемены луны». Вместо «глубоко вклиниться во вражеские порядки» скажут «внедриться в тыловую дислокацию»; вместо «рассмотреть» — «апперцептировать» и т. д.

Мысли выражать надо сжато, ясно, кратко. Но краткость не означает, что можно отрубить голову и хвост, надо, как говорится, чтобы были целы и голова, и хвост.

Необходимо учиться говорить, учиться народному языку. А то один поэт написал: «Смеются волосы, запели руки». Что за мудреная растительность и конечности! А еще один писатель выразился так: «У древнего старца глаза были миленькие и умненькие!» Поистине, бездна премудрости!

Не стремитесь щеголять книжными словами. Слов, смысла которых вы точно не знаете, не употребляйте. Если в нашем языке есть нужные вам слова, непременно пользуйтесь ими.

Писать надо *конкретно*. Говорят ведь: «Излагая, ссылайся на книгу; утверждая, представь доказательства». Иными словами, указывайте, где произошло событие, как, когда, с чего все началось, как развивалось и каковы последствия.

Несколько примеров: если пишете о борьбе с хищениями и расточительством, укажите конкретно, кто расхититель и кто растратчик. В каком учреждении имело место хищение? Как было допущено расточительство? Когда именно это случилось и т. д. Избегайте неясностей.

Или вы пишете о победе партизан. Когда одержана победа? Как? Сколько врагов уничтожено и взято в плен, сколько захвачено оружия?.. Обо всем этом надо писать ясно, *не выбалтывая, однако, военной тайны.*

Текст написан, что делать дальше?

Дописав до конца, перечитайте написанное снова и снова. Все, что покажется лишним, лишние фразы и слова,— вычеркните. Вы перечитали четыре, пять раз, хватит ли этого? Нет, не хватит. Перечитайте еще и еще раз, правьте снова и снова. Того, что вы сами перечитали текст несколько раз, еще недостаточно. Надо попросить ваших товарищей — рабочих, крестьян, солдат — тоже прочесть его. Места, на которых они запнулись, слова, которых они не поняли — а они вам об этом скажут,— надо исправить.

Так надо писать листовки, так надо писать и газетные статьи и доклады, так надо писать все.

Если вы описываете запутанную историю, придерживайтесь главного, не увязайте в мелочах и деталях. Все время имейте в виду главный смысл.

Необходимо хранить тайну.

Когда пишете, надо обращать внимание на *сохранение тайны*. Наши газеты очень плохо берегут тайну. Чуть ли не в каждом номере газеты выбалтываются секреты.

Например, описывают, как молодые партизаны, затерявшись в толпе местных жителей, с коромыслами на плечах отправились на рынок, а повстречав вражеских солдат, убили нескольких из них.

После этого в базарные дни враги стали хватать на рынках молодежь.

Другой пример. Каратели нагрянули в деревню, все жители разбежались. Одна женщина, притворившись больной, осталась дома. Каждый вечер она носила рисовую похлебку раненому бойцу, спрятанному в подземном укрытии. Укрытие имело некое приспособление, через которое боец мог дышать, а женщина — переливать ему похлебку.

Этот отважный поступок стоит, конечно, отметить. Но описано все было неумело, секрет раскрыт, и впоследствии тэй, искавшие подземные укрытия, если они были в тех местах... всегда докапывались до них.

Вот что выходит, когда пишут, не умея соблюдать тайну. Остерегайтесь указывать названия местности, имена людей — их может узнать враг.

Как пишут лозунги.

Иногда лозунги пишут огромными буквами, но даже я не могу их прочесть, потому что все слова громоздятся одно на другое. Да и кто их прочтет; может быть, только тот, кто сам писал такой лозунг. Если уж я, президент,

ничего не пойму, наверное, мало кто из народа их разберет.

Вдобавок еще существует украшательский стиль: буква «у» не похожа на «у», «н» не похожа на «н» , «и» не похожа на «и». А люди, писавшие лозунг, считают его произведением искусства! Как пишут, так и говорят. Выступать надо лаконично, чтобы у речи были, как говорится, голова и хвост и имелось бы содержание. Многие кадровые работники выступают на собраниях бестолково и путано: сами не знают, куда их несет, и остановиться не могут, и говорить дальше не о чем. Когда говорят кратко, но проникновенно, уверенно, народу это нравится.

Желая высказаться о чем-то, подготовьтесь заранее.

Вот как, в общих чертах, надо писать и выступать.

ФЕСТИВАЛЬ ТЕАТРАЛЬНЫХ И МУЗЫКАЛЬНЫХ АНСАМБЛЕЙ *

В суровые и героические годы войны Сопротивления наш народ, преодолевая трудности, одержал множество побед. Одна из таких побед — создание нашей литературы и искусства.

Каково общество, таковы и его литература и искусство. Наша национальная литература и искусство издревле отличались богатством и многообразием, но при господстве колонизаторов и феодалов, когда народ жил в рабстве, порабощены были и литература и искусство, пребывавшие в упадке и лишенные возможности развиваться.

В период войны Сопротивления наш народ поднялся, сбросил иго рабства и завоевал свободу; благодаря этому наша литература и искусство тоже расправили плечи и стали свободными.

Сегодня мы хвалим актеров и актрис за красивые костюмы, хорошие песни, замечательные танцы. Но мы не забываем и трудные дни, недавние годы. Промозглые туманные ночи, заплатанные рубахи, коричневые ** штаны из домотканого полотна. Были люди, которые, питаясь одной кукурузой, писали пьесы в пещерах и хижинах, крытых соломой. «Артисты» служили в колоннах народных носильщиков *** и сражались с врагом, а свои репетиции проводили под бомбежками и обстрелами.

---

* Речь идет о Всевьетнамском фестивале драматических, музыкальных и танцевальных коллективов (профессиональных и самодеятельных), состоявшемся в Ханое в декабре 1954 г.

** Домотканое полотно во вьетнамских деревнях большей частью окрашивали растительными красителями в коричневый цвет, ставший традиционным для крестьянской одежды.— *Прим. ред.*

*** Народные носильщики — гражданские лица, помогавшие армии в переноске грузов и других работах.— *Прим. ред.*

Соотечественники, смотревшие их выступления, хвалили артистов. Выступления эти и впрямь были хороши. Прежде всего хороши тем, что в них удалось изжить все черты разложения и безнравственности, свойственные литературе и искусству при колонизаторах и феодалах; им удалось в значительной мере отразить дух героизма и трудовую жизнь нашего народа.

Но успехи не должны порождать у наших артистов *зазнайства* и *самоуспокоенности*. Чтобы служить народу (а в этом и состоит цель нашей литературы и искусства), артисты *должны упорно учиться и дальше*, *совершенствовать свое мастерство*, *добиваться новых успехов*.

Хо Ши Мин

«Нян зан», 3 января 1955 года

РЕЧЬ НА КОНФЕРЕНЦИИ РАБОТНИКОВ КУЛЬТУРЫ

Вы собрались сегодня на свою конференцию после возвращения с мест, где участвовали в физическом труде. Я пришел сюда, чтобы приветствовать вас от имени Центрального Комитета нашей Партии и нашего Правительства...

Я хотел бы поделиться с вами некоторыми соображениями. Работники культуры немало потрудились, и в этой области у нас имеются успехи: это похвально; но и недостатков еще довольно много. Возьмем один лишь пример. Мы говорим о восстановлении культурного наследия, но восстанавливать-то следует только хорошие традиции, а плохие надо постепенно изживать. Если посмотреть, то в этом году дела обстоят сравнительно неплохо; но зато в прошлом году, восстанавливая старые традиции, стали возрождать и бдения вещунов, и шествия со статуями духов и святых. От такого «возрождения» во многих деревнях забыли о производстве, стуча то и дело в барабаны да колотушки и увлекаясь песнопеньями. В некоторых общинах собрали по нескольку миллионов донгов * и отправились покупать одеяния для церемоний, шапки и сапоги. Следует ли восстанавливать такие традиции? Возрождать и развивать надо хорошее, а от скверного наследия надо отказываться.

Теперь я хотел бы высказать некоторые соображения, чтобы помочь вашему обсуждению. В чем состоит сейчас задача всей нашей Партии и всего нашего народа? В строительстве Севера, продвигающегося к социализму, и в превращении его в прочную базу борьбы за объединение родины. А для того чтобы победоносно завершить борьбу

* Речь идет о старых денежных единицах, до реформы 1959 г.

за объединение родины, необходимо вести социалистическое строительство на Севере...

Работники культуры теперь не чуждаются физического труда, участвуют в производственной работе — это хорошо. Это положительный сдвиг, но сделаны лишь первые шаги. Такое начинание достойно похвалы, и в особенности достойны похвалы те работники, которые отправляются в горные районы. Следует признать, что в целом наша культура все еще обретается в городах, там, где живется полегче, и не достигала пока тех мест, где живут соотечественники из народностей мео и ман. Там, в горах, от дома к дому, от поселка к поселку нередко надо пройти по пять километров, взбираться с горы на гору, преодолеть не один перевал, перейти вброд не один ручей. Товарищи, что прошли этот путь,— люди упорные и настойчивые.

Такое начало в целом можно считать хорошим. Но вы должны быть тверже духом и прилагать все свои силы.

Второе, о чем я вам хотел бы сказать: работники культуры, как и все наши кадровые работники, должны проходить идейную и политическую закалку, воспитывать в себе волю к борьбе и чувство ответственности. Например, отправляясь к соотечественникам из народностей мео и ман, вы должны прежде всего подготовиться идейно и политически. Одновременно вам следует позаботиться о повышении своих знаний и мастерства в области искусства, профессиональной подготовки, общего образования и техники. Мы также должны признать, что если сейчас сравнить нашу страну с братскими странами, скажем конкретно, с Кореей, то мы уступаем ей в области культуры и техники. Даже в области политического сознания, идейности, чувства ответственности, равно как и в сфере профессиональной, в искусстве, технике, культуре, уровень наш еще низок. Поэтому все должны учиться с полной отдачей сил. Есть в китайском языке выражение: «Главное— быть красными, затем уже — специалистами». Добавлю: надо быть по-настоящему «красными» и истинными «специалистами».

Необходимо со всей ясностью поставить еще один вопрос: «Кому служит наша культура?» Конечно, мы ответим, что она служит рабочим, крестьянам и солдатам, то есть подавляющему большинству народа. А ведь не-

сколько лет назад еще не было четкого понимания в этом вопросе. Не так ли? Вы, товарищи, работающие в области культуры, должны решительно высказаться в этом плане — не за искусство для искусства, а определенно и ясно — за культуру, которая служит рабочим, крестьянам и солдатам. Следующий вопрос — об отношении народных масс к художественному творчеству. Могут ли народные массы участвовать в творческом процессе? Способны ли они создать художественные ценности? Ответ на этот вопрос тоже вполне однозначный. Да, народные массы — это творцы, рабочие и крестьяне — творцы. Они создают не только материальные блага для общества. Массы творят и искусство. Конечно, вам известно, кто создал наши пословицы. Это народ. Пословицы, песни, прекрасные казао [86] — все это создано народными массами. Эти произведения превосходны и отличаются краткостью, это не то что иные опусы в стиле «долгих рек и бескрайних океанов» или «разваренной зелени». Работники культуры должны помогать художественному творчеству масс. Произведения их — подлинные жемчужины. Но чтобы умело отшлифовать эти жемчужины, сделать их еще прекраснее, нужны политическая зрелость и мастерство.

И еще один вопрос: какую задачу считать первостепенной — распространение культуры или повышение культурного уровня. Выскажу лишь свое личное мнение, с тем чтобы вы могли его обсудить. Что значит повышать культурный уровень? Ведь чтобы его повысить, надо опираться на некий уже достигнутый уровень; а если исходная точка находится где-то в «вакууме», то, отправляясь от нее, культурный уровень не повысишь да и вовсе, пожалуй, не сдвинешь с места. Вот почему я считаю: сначала необходимо распространить культуру вширь; иными словами, надо прежде всего иметь основу, а там уж, опираясь на нее, поднимать культурный уровень. Например, во многих районах страны движение всеобщего обучения развивается успешно; во многих общинах, уездах, городах покончено с неграмотностью. Значит, работа по распространению грамотности закончена. Но теперь надо подняться на новую ступень. Ликвидировав неграмотность, нужно двигаться дальше, а не топтаться на месте. Это применимо и к работе в области культуры и искусства. Короче говоря, сперва необходима основа,

и лишь опираясь на нее, можно определить, до какого предела поднимать уровень и на каком именно участке. Это — к вопросу о распространении культуры и повышении ее уровня...

Работникам учреждений, подведомственных Министерству культуры, отделов соответствующих ведомств, провинциальных управлений культуры надо чаще выезжать на места — в деревни, на заводы, в армейские подразделения; но, если будешь трудиться, питаться и жить особо, не внушишь к себе симпатии, не сблизишься с рабочими, крестьянами, солдатами. Чтобы теснее сблизиться с народными массами, надо вместе с ними есть и пить, вместе жить и работать, только тогда поймешь жизнь народа, узнаешь его трудности, увидишь, какова воля масс и их чаяния.

Хочется пожелать, чтобы конференция приняла конкретные деловые решения. Желаю конференции вашей успеха.

30 октября 1958 года

РЕЧЬ НА II СЪЕЗДЕ СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ ВЬЕТНАМА

Я пришел к вам, чтобы от имени Партии и Правительства приветствовать вас, товарищи.

Как человек, многими узами связанный с печатью, я хотел бы высказать вам некоторые советы и пожелания.

Говоря о печати, прежде всего нужно сказать о *работниках печати*. У вас, работников печати, есть свои *заслуги*, вы внесли вклад в победоносную войну Сопротивления, в мирное строительство и борьбу за объединение родины. Многие из вас, товарищи, работают добросовестно. Недавно после изучения директив Центрального Комитета вы яснее увидели важность журналистской работы, осознали свои достоинства и недостатки. Это уже хорошо.

Достижений у вас немало. Но много еще и *недостатков*. Есть еще среди вас люди, в большей или меньшей мере не избавившиеся пока от буржуазного и мелкобуржуазного влияния и потому нетвердо разбирающиеся в *политике*. Говоря о *литературе и искусстве*, честно признаюсь, что у меня остается мало времени на знакомство с художественными произведениями. Может, поэтому, когда я берусь за них, мне попадаются вещи, написанные в суесловной манере, тягучей, словно плеть баклажана или побеги водяного вьюнка, кажется, что автор считает строчки, за которые получит гонорар,— да, попадаются такие вот занудные сочинения. Статьи же *политического* содержания пишутся сухо и страдают двумя пороками: первый — пристрастие к штампам, второй — злоупотребление иностранными словами. *Болезненное увлечение учеными словами* распространено у нас повсеместно. Казалось бы, печать должна бороться с подобным недугом, но на деле она сама пропагандирует этот порок. Конечно,

есть случаи, когда для обозначения какого-либо понятия приходится заимствовать иностранное слово. Например, политические, экономические термины и т. д. Есть заимствованные слова, при замене которых вьетнамскими теряется всякий смысл, таково слово «независимость». Если вместо «независимый (самостоятельный) Вьетнам» сказать «самостоящий Вьетнам», это не воспримется на слух. Но если имеется исконно вьетнамское слово, то зачем же употреблять иностранное. К чему говорить не «улица», а «проспект», не «меткий стрелок», а «целкий стрелец» или вместо ансамбль «песни и пляски» — «вокально-хореографический»?

Подобных примеров великое множество, их не счесть. Газеты «Нян зан», «Тхёй мёй», «Куан дой нян зан» * и другие грешат излишним употреблением «ученых» слов. А порой ими не только злоупотребляют, но и пользуются неправильно. Надеюсь, что газеты избавятся от этого порока. Ведь язык — ценнейшее национальное достояние; надо всеми силами оберегать его и не допускать, чтобы пристрастие к «ученым» словам вредило языку.

В связи с неуклонным развитием науки возникает необходимость заимствовать такие слова, которых еще нет в нашем языке. К примеру, мы должны употреблять слово «килограмм», потому что если сказать «кан» **, это слово обозначает единицу веса, не равную 1000 граммам. Но если слово нашего языка имеет точное, нужное нам значение, следует отдать ему предпочтение. А то ведь есть люди, которые словно стыдятся употреблять вьетнамские слова! Они заражают школьников своим недугом — пристрастием к «ученым» словам, таким, как «высокомудрый наставник», «визуальное пособие» и т. д. Вот уж поистине беда!

Еще о некоторых других недостатках. После изучения директив Центрального Комитета по вопросам печати многие товарищи добились заметных успехов; но есть и такие, чей культурный и политический уровень еще невысок, их обуял пессимизм, и они захотели переменить профессию. Они не понимают, что всякая профессия труд-

* «Нян зан» — «Народ» *(вьетнамск.)*; «Тхёй мёй» — «Новое время» *(вьетнамск.)*; «Куан дой нян зан» — «Народная армия» *(вьетнамск.)*.

** Кан — старинная вьетнамская мера веса, около 600 граммов.

на, легких профессий не бывает. Надо сохранять уверенность в себе и силу воли; если не знаешь, не можешь чего-то, старайся учиться. Мы должны сделать все, чтобы преодолеть трудности и выполнить свою задачу. Революционер, встретясь с трудностями, обязан преодолеть их, а не пасовать перед ними. «Нет трудных дел, упорством и волей всего добьешься» — это изречение очень верно.

Есть такие люди, которые готовы на все, лишь бы «обессмертить себя навеки». Они хотят писать только ради престижа, желают печататься исключительно в крупных газетах. Это тоже неправильно. Недостатки эти порождаются *индивидуализмом*. Такие люди не понимают, что любое дело, полезное для народа, для революции, увенчается славой. Все, что мы делаем во имя исполнения долга, есть славные деяния. Среди героев и ударников труда — рабочие, крестьяне, и медики, и отважные бойцы; ударником может стать даже ассенизатор. Короче говоря, нет постыдных трудовых профессий, постыдна лишь лень. Если выполняешь свой долг, любая работа становится делом славы.

Теперь о *Союзе журналистов*. Это — организация политическая и профессиональная. Ее задача — содействовать тому, чтобы члены Союза теснее сплачивали свои ряды, помогали друг другу повышать политический и профессиональный уровень. Лишь при этих условиях Союз журналистов добьется своей цели, а журналисты будут успешно служить народу и революции.

Давайте поставим такой вопрос: «Кому должна служить печать?» Иные утверждают, что в капиталистических странах есть свобода печати и печать не носит классового характера. Так говорить неверно. Взять, к примеру, французские газеты вроде «Фигаро», «Франс суар» и других. С одной стороны, они убаюкивают народ, сеют рознь в народе, лишают его воли к борьбе и классовой сплоченности. С другой стороны, эти газеты служат классу капиталистов. Это политические издания. А есть еще газеты, специализирующиеся на душераздирающих сенсациях, на любовных похождениях и сексе, газеты, вымогающие у богатых людей деньги с помощью шантажа и угроз обнародовать их тайны и т. п. Все эти газеты служат интересам класса эксплуататоров. Действительно ли свободна французская пресса? Нет! Газета «Юманите», например, терпит всяческие притеснения со стороны властей: то на нее

налагают штрафы, то попустительствуют хулиганам, совершающим против нее бандитские акты, или создают трудности в приобретении бумаги, а случается, и конфискуют номера газеты...

Наша печать должна служить трудовому народу, служить социализму, служить борьбе за объединение родины и делу мира во всем мире. Поэтому все, кто работает в области печати (журналисты, печатники, корректоры, распространители и т. д.), должны занимать *твердые политические позиции*. Политика должна быть главным мерилом. Если политическая линия правильна, верно решаются все дела и в других областях. Поэтому необходимо, чтобы все наши газеты придерживались правильной политической линии.

Наша печать предназначена не для меньшинства, она служит народу, пропагандирует и разъясняет линию и политику Партии и Правительства, поэтому она носит *массовый характер и проникнута боевым духом*.

Наша общая цель — построение социализма, борьба за объединение родины и сохранение мира во всем мире. Но каждая газета, скажем, крестьянская, рабочая, молодежная, женская и т. д., должна иметь свою специфику и, если говорить о форме, должна избегать штампов; штампы способны засушить любую газету и быстро приедаются читателям.

Говоря об *ответственности* печати, Ленин отмечал, что она является не только коллективным пропагандистом, агитатором, но и коллективным организатором и руководителем. Поэтому задачи работников печати очень важны и почетны. Чтобы успешно их выполнить, нужно упорно заниматься политической учебой, поднимать свой идейный уровень, твердо стоять на классовых позициях пролетариата; надо повышать свой культурный уровень, глубоко разбираться в профессиональных вопросах. Необходимо постоянно, упорно трудиться, и вы непременно добьетесь успехов.

В области журналистики у нас есть свой собственный опыт, но нам следует изучать и опыт братских стран. А для этого журналисту нужно знать по крайней мере хоть один иностранный язык. Например, чтобы читать китайские газеты и изучать их опыт, надо знать китайский язык.

Выше я большей частью говорил о журналистах. Но и в газетном деле заняты люди многих профессий; скажем,

труд печатника — вам больше нравится именовать их по-ученому «полиграфистами» — тоже очень важен. Ведь бывает — набор сверстан небрежно: там не хватает линии, здесь не хватает знака или оттиск совсем неразборчив. Журналисты, любящие заимствованные слова, называют рыбака китайским словом «нгы зан», но, если наборщик по ошибке наберет вместо «ы» — «у» *, получится «нгу зан» — «невежда». Это лишь один пример, показывающий, как важно, чтобы печатники хорошо работали. Важна работа и распространителей печати. Надо, чтобы газеты читали много людей. Цена газет должна быть умеренной. Выпуская газету, все: журналисты, печатники, корректоры, распространители печати и другие — должны согласовывать свои усилия.

* * *

Некоторые товарищи просят меня рассказать о моем журналистском опыте. Мой опыт был как бы *обратным*. Сначала я учился писать для французских газет, а затем уже — для вьетнамских. Во-первых, я извлекал опыт из собственной жизни и, во-вторых, учился у рабочего класса. Живя в Париже, я хоть и знал многое о преступлениях французских колонизаторов, но не имел представления, что сделать, чтобы публично разоблачить их. Один товарищ, рабочий из газеты «Ля ви увриер», сказал, что в газете есть рубрика «Краткие сообщения» — по нескольку строк каждое, и предложил: если у меня есть какая-нибудь информация, чтобы я записал, а он будет подправлять мои тексты. С тех пор в свободное от работы время я начал писать совсем короткие заметки. Каждый раз я писал их в двух экземплярах: один отдавал в газету, второй оставлял у себя. Когда впервые я увидел свою информацию напечатанной, я был очень счастлив. Я всякий раз сравнивал свой экземпляр с опубликованной заметкой и видел, в чем были мои ошибки. Потом товарищ из редакции сказал, чтобы я попробовал писать заметки на несколько строк длиннее, затем — длиннее еще на несколько строк... Так я стал писать по пятнадцать-двадцать строк, а затем и целую газетную колонку. Вот тогда-то товарищ

* Во вьетнамском алфавите звуки «ы» и «у» обозначаются одной и той же латинской буквой «u», к правому вертикальному штриху которой в первом случае добавляется «бородка».

из редакции сказал: «Хватит, теперь надо стараться писать короче, те же факты надо излагать более ясно и сжато».

Газеты, печатавшие мои статьи, были левые, то есть бедные, и не платили мне ни гроша. Сам я днем ходил на работу, вечером — на митинги и собрания и, хотя было трудновато, старался писать, чтобы разоблачать преступления колонизаторов.

Когда я научился писать газетные статьи, мне захотелось написать роман. Но я колебался: где уж мне, при моем слабом знании французского, писать романы. Случайно я прочитал рассказ Толстого, увидел, как просто, доходчиво он пишет, и решил, что и я тоже смогу писать. С тех пор я начал сочинять рассказы.

В то время я жил в бедном рабочем квартале, хорошо знал жизнь рабочих и писал о том, что видел и слышал. Закончив рассказ, я принес его в газету «Юманите» и сказал товарищу, ведавшему вопросами литературы и искусства: «Это моя первая попытка написать рассказ, прочитайте и отредактируйте его, пожалуйста». Он прочитал и сказал: «Очень хорошо, надо только подправить однодва места». Несколько дней спустя я увидел свой рассказ напечатанным в газете и был несказанно рад. Еще больше я обрадовался, когда редакция заплатила мне гонорар — целых 50 франков. Вот это да! Впервые в жизни я получил гонорар в газете! Благодаря этим 50 франкам я мог 25 дней жить не работая, мог сколько угодно ходить на собрания, писать статьи, читать книги.

Вот как я приобретал журналистский опыт.

Одно время я был сразу и главным редактором, и издателем, и казначеем, и распространителем газеты «Пария». Мои товарищи из колониальных стран Азии и Африки писали статьи, собирали деньги, а все остальное делал я. Способ распространения газеты был следующий: ее продавали вьетнамским рабочим, они не умели читать по-французски, но с удовольствием покупали газету, потому что знали — в ней ругают тэй; купив газету, они просили французских товарищей прочитать ее вслух. Еще один способ распространения: в Париже были разносчики, которые за плату брались продавать газеты. Но с меня, поскольку мы были с ними товарищами, плату они не брали, хотя продавали довольно много экземпляров. Тираж «Парии» почти целиком скупался министерством

колоний Франции, а те номера, которые посылались нами в колонии, каждый раз конфисковывались, людей же, бравшихся доставлять газету, арестовывали и сажали в тюрьму. Позднее, благодаря помощи французских моряков, взявшихся тайно доставлять газету в колонии, никаких неприятностей не было. Но колонизаторы все же пронюхали и об этом. Пришлось в конце концов пересылать газету в будильниках. Такой способ доставки обходился очень дорого, но зато газета регулярно поступала в колонии.

Четвертый способ распространения: на митингах я раздавал газету и говорил: «Эта газета расскажет вам, товарищи, как нас угнетают колонизаторы. Мы раздаем ее бесплатно, но тем, кто захочет помочь газете, мы будем признательны». В результате, если выручка за сто проданных номеров равнялась пяти франкам, то, раздавая их «бесплатно», удавалось собрать до десяти-пятнадцати франков. Потому что рабочие давали кто сколько мог: кто су, кто два, кто франк или два франка.

Когда я был в Советском Союзе, корреспондент газеты «Гудок» товарищ Л. просил меня написать статью и посоветовал описать все как есть: кто сделал то-то и то-то, где, какого числа и месяца и т. д., предупредив, что писать надо сжато и кратко. Несколько лет назад я снова побывал в Советском Союзе. Товарищ Л. опять попросил меня написать статью. Но на этот раз он сказал: «Не пишите в сухой манере. Пишите художественно. Раньше читатель хотел лишь знать факты. Теперь времена изменились, жизнь стала лучше, читателю нравится только то, что написано интересно, свежо, на хорошем литературном уровне».

Когда я был в Южном Китае, то учился писать для китайских газет. Написав статью, я несколько раз исправлял ее и уже после этого посылал в редакцию газеты «Цзюван жибао» *. После того как моя первая статья была напечатана, да еще в особой рамке, я воодушевился и продолжал писать. Короче говоря, я должен был постоянно учиться и всегда быть скромным.

Когда Товарищество вьетнамской революционной молодежи стало выпускать газету «Тхань ниен» [87], мне пришлось учиться писать на родном языке. В то время трудней-

---

* «Цзюван жибао» — газета «За спасение родины» *(китайск.)*.

шей задачей было найти способ переправить газету в страну, чтобы она попала в руки читателю.

В 1941 году я нелегально вернулся на родину. Как учил нас Ленин, газета — это средство пропаганды, агитации, организации и руководства. Поэтому мы сразу же постарались организовать выпуск газеты, и делать это приходилось в глубокой тайне, поскольку кругом рыскали секретные агенты — французские, японские, баодаевские. Жили впроголодь. Чтоб выпускать газету, нужны были литографские камни. Несколько наших товарищей тайком раздобыли каменные плиты, потом не один день потратили на то, чтобы отполировать их и сделать пригодными для печатания. Буквы на литографском камне надо писать в обратном порядке, поэтому одному из нас пришлось спешно учиться писать задом наперед. Первые номера печатали втроем или вчетвером, но оттиски получались слепые, экземпляров печаталось мало, да и те выглядели неважно. Но затем дело постепенно наладилось, каждый раз удавалось отпечатать около трехсот экземпляров. Нам пришлось заготовить литографские камни для своей «типографии» в трех разных местах. Когда появлялась угроза в одном месте, мы спешили в другое, печатали газету и она выходила в срок. Враги ничего не могли с нами поделать.

Трудно было и с бумагой. В то время каждый, кто закупал много бумаги, мог вызвать у врагов подозрение, и за ним установили бы слежку. Поэтому, отправляясь на базар, женщины покупали по пять-десять листов, якобы для своих детей-школьников, и приносили бумагу нам — для газеты.

При печатании с литографского камня, чтобы вытравить ошибки, нужна кислота. А где ее купишь? Один из товарищей придумал заменить кислоту лимонным соком. Женщины и тут нам помогли — закупали для газеты лимоны.

Да, еще о распространении газеты: мы оставляли номера ее в потаенных пещерах, а ответственные товарищи, назначенные организацией фронта Вьетминь приходили и забирали их. Газету мы не раздавали бесплатно, а продавали, как положено.

Так что во всех делах опорой нам были собственная решимость, сила и инициатива народных масс.

Соотечественникам тамошним очень нравилась наша газета, потому что все, о чем в ней писалось, волновало их.

Люди сами организовывали кружки для чтения газеты и тайно передавали нам информацию для нее. Соотечественники всячески стремились распространять газету среди стражников [88], чтобы «разложить» врага.

* * *

Что же до содержания моих работ — вы называете это «темой», — то все они посвящены одной-единственной теме: борьбе против колонизаторов и империалистов, против феодалов, помещиков, пропаганде идей национальной независимости и социализма. В этом я вижу суть своей работы в печати.

Вывод из опыта моей сорокалетней работы: не бояться трудностей, воспитывать в себе решимость. Кто не умеет этого, пусть усердно учится, а тот, кто не жалеет сил для ученья, непременно научится всему. У вас сейчас куда больше возможностей для учебы, чем у меня когда-то. Надеюсь, вы приложите все старания и добьетесь успеха!

16 апреля 1959 года

РЕЧЬ НА III СЪЕЗДЕ АССОЦИАЦИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА ВЬЕТНАМА

От имени Центрального Комитета Партии и Правительства я горячо приветствую Съезд и хочу выразить благодарность вам, товарищи, за упорный труд и успехи, достигнутые в последние годы.

Пользуюсь случаем, чтобы передать сердечный привет патриотически настроенным работникам литературы и искусства на Юге страны, вместе со своими соотечественниками мужественно и самоотверженно борющимися против американо-нгодиньзьемовского режима.

В письме Центрального Комитета, направленном Съезду, в выступлениях делегатов сказано, в общем, достаточно обо всем, что заслуживает внимания. Я сегодня только расскажу о своем прежнем опыте и поделюсь некоторыми общими соображениями.

При господстве французских колонизаторов, несмотря на жестокий террор и всяческое подкармливание литературы, восхвалявшей тэй, в нашей стране все-таки существовала революционная литература.

Революционная литература, к примеру поэзия достопочтенных Фан Тю Чиня, Фан Бой Тяу [89] и других патриотов, именовалась «запрещенной». Если не удавалось сохранить тайну, то и авторов стихов и читателей ждали тюрьма и ссылка. Но несмотря на это, поскольку в сердце народа жили ненависть к тэй и любовь к родине, такая поэзия широко распространялась в народе и поднимала его революционный дух.

Сценическое искусство было лишь развлечением для тех, кто, как говорится, «сидя в прохладе, вкушал из золотых чаш». Они презирали артистов, называли их «безродными фиглярами».

В те времена было только немое *кино*, французские колонизаторы использовали кинематограф, чтобы унижать

наш народ. Например, на ярмарке в Марселе, кроме картин, на которых были изображены вьетнамские сановники, подобострастно склонившиеся перед марионеточным императором, генерал-губернатором и верховными резидентами — кровожадными псами, кроме обнаженных рикш, катавших седоков за плату, показывали еще и кино: в фильме старухи черными зубами жевали бетель, двигались тощие, оборванные крестьяне, мужчины в набедренных повязках взбирались на кокосовые пальмы... Они назвали это «Образы Аннама».

Конечно, когда нация угнетена, литература и искусство тоже утрачивают свободу. Чтоб обрести свободу, литература и искусство должны участвовать в революции.

С победой Августовской революции наш народ добился освобождения, а деятели литературы и искусства получили благоприятные условия для развития своего таланта и участия в деле войны Сопротивления и строительства Родины.

Минуло семнадцать лет, в нашей стране произошли перемены, потрясшие, как говорится, небо и сдвинувшие землю: победила революция, мы одержали победу в войне Сопротивления, ведем социалистическое строительство на Севере, боремся против американо-нгодиньзьемовского режима на Юге, всюду кипит патриотическое соревнование. Во Вьетнаме у нас вершится много небывалых, славных дел, у нас много подлинных героев. То же следует сказать и о странах социалистического содружества.

Народ ждет произведений, достойных нашей славной эпохи, произведений, со всей искренностью *воспевающих* нового человека, новые дела, с тем чтобы эти произведения служили примером не только нам, но и воспитывали грядущие поколения.

В переходный период наряду с замечательными успехами — а именно в них главное — сохраняются еще и отвратительные пережитки старого общества: хищения, расточительство, лень, бюрократизм, случаи избиения жен и детей. Литература и искусство должны подвергать их острой *критике*, чтобы наше общество день ото дня становилось здоровее, чище и прекраснее.

Говоря кратко, надо не только хвалить, но и порицать. Однако и в похвалах, и в порицаниях всегда нужна мера. Чрезмерной похвалой вы повергнете в смущение того,

кого хвалите. Чрезмерное порицание вряд ли будет правильно воспринято тем, кто подвергся осуждению.

Народ ждет произведений, обладающих правдивым и богатым *содержанием* и ясной, светлой и радостной *формой*. Чтобы еще не читавший их жаждал прочесть, а прочитавший извлек бы для себя *пользу*. Народ надеется также, что вы, товарищи, обратите внимание еще на два момента: во-первых, будете избегать неумеренных заимствований из китайского — а ведь иные, случается, даже путают сходные иероглифы «так» и «то» *, во-вторых, *тщательно выбирать слова*, не прибегая к таким несуразным выражениям, как, например, «сыты рисом и одеждой», «широковато улыбался» и т. п.

Чтобы выполнить свою благородную задачу, деятели литературы и искусства должны воспитывать в себе уважение к революционной морали, готовность служить народу, сохранять скромность; они должны быть на деле всегда заодно с массами, должны упорно повышать свой политический уровень, совершенствовать мастерство и всеми силами помогать молодежи, чтобы литература и искусство нашей страны день ото дня молодели, расцветали еще более яркими весенними красками.

Позвольте мне в заключение пожелать вам от всей души *тесной сплоченности*, вдохновения и новых больших успехов.

Пусть каждый всем сердцем, всеми своими силами участвует в созидании нашей литературы и искусства, постоянно обогащающихся идейно и художественно, внося тем самым достойный вклад в общенациональное дело героической борьбы за построение мирного, единого, независимого, демократического и процветающего Вьетнама.

1 декабря 1962 года

---

* Здесь дана вьетнамская транскрипция двух китайских иероглифов, сравнительно близких по начертанию, но имеющих противоположный смысл: «так» — позорный, скверный; «то» — счастливый.

ЗАВЕЩАНИЕ

Борьба нашего народа против американских агрессоров, пусть нам и предстоят еще большие трудности и жертвы, непременно увенчается полной победой.

Это несомненно.

Мне хотелось бы, когда наступит этот день, объехать всю нашу страну — Север, и Юг,— поздравить наших отважных соотечественников, кадровых работников и воинов, навестить стариков и дорогих внуков: молодежь и детей.

Затем мне хотелось бы посетить братские страны социалистического лагеря и дружественные нам страны всех пяти континентов и от имени нашего народа поблагодарить их за сердечную поддержку и помощь борьбе нашего народа против американских агрессоров, за сплочение Родины.

* * *

Знаменитый поэт Ду Фу[90]*, живший в Китае в эпоху Тан, писал: «Издревле и доныне люди, дожившие до семидесяти,— редки».*

В этом году мне исполняется семьдесят девять лет, значит, я уже в числе этих «редких», однако дух мой и разум не утратили своей силы и ясности, хотя здоровье стало хуже, чем два-три года назад. Когда у человека за плечами свыше семидесяти весен, то с прибавлением лет здоровье только убывает. В этом нет ничего удивительного.

Но кому дано знать, сколько еще времени смогу я служить революции, служить Родине и народу?

Поэтому я оставляю эти несколько строк, чтобы для всего нашего народа, моих товарищей по Партии и друзей во всем мире не было полной неожиданностью, если я уйду

к Марксу, Ленину и другим революционерам старшего поколения.

Прежде всего о Партии. *Благодаря тесной сплоченности, беззаветно служа рабочему классу, народу и Родине, наша Партия со дня своего создания смогла сплотить народ, организовать его и вести его в самоотверженной борьбе от победы к победе.*

Сплоченность *— самая ценная традиция нашей Партии и нашего народа. Все товарищи, от Центрального Комитета до первичных организаций, должны как зеницу ока беречь сплоченность и единство Партии.*

Осуществление внутри Партии широкой демократии, постоянная и серьезная ***самокритика и критика*** *являются самым лучшим методом укрепления и дальнейшего усиления сплоченности и единства Партии. Надо относиться друг к другу по-товарищески, с любовью.*

Наша Партия — правящая партия. Каждый член Партии, кадровый работник или рядовой ее член, должен проникнуться ***революционной моралью,*** *должен быть по-настоящему трудолюбивым, бережливым, честным, справедливым, абсолютно бескорыстным. Надо беречь чистоту партийных рядов, быть достойными звания руководителей, верных слуг народа.*

Молодежь *наша —* ***члены Союза трудящейся молодежи*** *и все* ***юноши и девушки,*** *— в целом хорошая. Она всегда горячо берется за любое дело, не боится трудностей, стремится ко всему передовому. Партия должна заботиться о воспитании молодежи в духе* ***революционной морали,*** *вырастить из нее таких продолжателей дела социалистического строительства, которые были бы и «красными» и «высококвалифицированными».*

Воспитание революционного поколения для будущего — дело весьма важное и необходимое.

Трудовой народ *нашей страны, и в равнинных и в горных районах, из поколения в поколение страдал под ярмом эксплуатации феодалов и колонизаторов, неся при этом бремя многолетних войн.*

Однако народ наш отличается героизмом, мужеством, энтузиазмом, трудолюбием. Со дня создания Партии наш народ неизменно идет за ней и безгранично ей предан.

Партия должна как следует ***планировать*** *развитие экономики и культуры, чтобы непрерывно* ***улучшать жизнь народа.***

Война Сопротивления американским агрессорам, *возможно, еще затянется. Нашим соотечественникам, возможно, придется понести значительные материальные и человеческие жертвы. Но мы должны со всей решимостью сражаться против американских агрессоров до полной победы.*

Коль стоят наши горы, и текут наши реки
и живет народ,
Когда разгромим янки, отстроим все
вдесятеро краше!

Каковы бы ни были трудности и лишения, наш народ непременно одержит полную победу. Американским империалистам придется убраться из нашей страны. Родина наша будет воссоединена. Соотечественники Севера и Юга вновь станут одной семьей. И мы удостоимся большой чести как маленькая страна, сумевшая победить в героической борьбе две крупные империалистические державы — Францию и США — и внести достойный вклад в национально-освободительное движение.

О мировом коммунистическом движении. *Как человек, всю жизнь служивший революции, чем больше горжусь я ростом международного коммунистического и рабочего движения, тем больнее переживаю существующий разлад между братскими партиями!*

Я надеюсь, что наша Партия сделает все от нее зависящее, чтобы эффективно содействовать восстановлению сплоченности братских партий на основе марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, в соответствии с разумом и чувством.

Я твердо верю, что братские партии и братские страны непременно сплотятся вновь.

* * *

Несколько слов о себе. *Я всю жизнь всеми силами души служил Родине, революции и народу. Если бы сейчас пришлось покинуть этот мир, я ни в чем не раскаивался бы и сожалел лишь о том, что не сумею служить дольше, не смогу сделать большего.*

Когда я уйду из жизни, не нужно устраивать пышных траурных церемоний и растрачивать народные средства и время.

* * *

В заключение я оставляю свою безграничную любовь народу, Партии, армии и моим внукам: молодежи и детям.

Шлю сердечный привет моим товарищам и друзьям, молодежи и детям во всем мире.

— Последнее мое желание таково: пусть вся наша Партия, весь наш народ, тесно сплотясь, борются за построение мирного, единого, независимого, демократического и процветающего Вьетнама и вносят достойный вклад в дело мировой революции.

Хо Ши Мин

Ханой, 10 мая 1969 года[91]

ХО ШИ МИН
И ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО

«Пускай в стихах звенит и блещет сталь. Поэт — боец, других бойцов ведущий!» — писал виднейший деятель мирового коммунистического движения Хо Ши Мин, выражая идею, которая всю жизнь оставалась для него непреложным принципом,— идею нераздельности революционной поэзии и революционной практики, соединения в одном лице борца революции и ее поэта. Хо Ши Мина по праву называют основоположником вьетнамской революционной литературы. Сын вьетнамского ученого-книжника конфуцианского толка, получивший на первых порах традиционное для феодального Вьетнама образование, он прошел сложный путь — от идеалов антиколониальной национально-освободительной борьбы до идей научного коммунизма. Это был писатель, создававший превосходную прозу на французском, это был поэт, писавший стихи на ханване (вьетнамизированном варианте вэньяня — литературного языка китайского средневековья, «дальневосточной латыни»); разумеется, писал он стихи и прозу и на родном языке, переводил с других языков, его перу принадлежит также ряд статей по вопросам литературы и искусства.

Имя Хо Ши Мина неразрывно связано с зарождением революционной литературы во Вьетнаме — колониальной стране, где контакты с внешним миром были особенно затруднены вследствие жестокой цензуры, полицейских преследований и репрессий. Процесс зарождения революционной литературы протекал в своеобразных условиях: он совпал с периодом формирования во Вьетнаме искусства современного типа — новой прозы и поэзии, «разговорной» (в отличие от традиционной музыкальной) драмы, новой живописи и т. д. Становление революционной литературы происходило в атмосфере сравнительно медленно, но неуклонно развивающихся идейных и литературных связей с мировым революционным движением, с формирующейся новой, революционной художественной культурой других стран.

Победа Великого Октября заставила и во Вьетнаме (бывшем в ту пору заморской колонией Франции) заговорить о социалистической революции, о Советской России, о Ленине. Понятно, что реакционные идеологи злобно встретили рождение нового мира — они старательно повторяли клевету буржуазной печати Запада на большевистскую партию, на социализм и Ленина. «...Интересно, как французские власти научили наших крестьян словам «большевик» и «Ленин»,—

иронизировал Хо Ши Мин в беседе с репортером журнала «Огонек», состоявшейся в Москве в 1923 году.— Они начали преследовать коммунистов среди аннамитов в то время, как никаких коммунистов и в помине не было. И таким образом вели пропаганду» *.

Великий Октябрь оказал огромное влияние на развитие национально-освободительного движения в колониальных странах и сыграл решающую роль в становлении революционной литературы этих стран.

Если иметь в виду чрезвычайное возрастание роли межнациональных связей, а также то, что создание революционной литературы стало предметом заботы первых вьетнамских коммунистов, нетрудно объяснить существенную особенность развития вьетнамской революционной литературы: она зародилась в среде политической эмиграции, находившейся во Франции, и причиной тому не только жестокие цензурные преследования во Вьетнаме — дело в том, что вьетнамский пролетариат в начале 20-х годов только подходил к осознанию необходимости организованной политической борьбы за свое освобождение.

Покинув в 1911 году Вьетнам, побывав во многих странах Европы, Азии, Африки, в США, испробовав множество рабочих профессий, Хо Ши Мин к концу первой мировой войны обосновался во Франции. Именно в эти годы он активно включается в рабочее движение.

Подлинным переворотом в сознании явились для него ленинские тезисы, написанные для II Конгресса Коминтерна по национальному и колониальному вопросам (июль 1920 г.). «Как это меня взволновало, согрело, просветило, убедило! Я даже заплакал от радости... — вспоминал впоследствии Хо Ши Мин.— С этого момента я полностью встал на сторону Ленина и III Интернационала» **. Это определило весь дальнейший жизненный путь вьетнамского революционера, одним из первых на Востоке воспринявшего марксистско-ленинскую теорию.

Будучи участником Национального съезда социалистической партии Франции в Туре (декабрь 1920 г.), принявшего решение о создании Французской коммунистической партии, Хо Ши Мин заявил с трибуны съезда о том, что он приветствует присоединение партии к III Интернационалу. Участие вьетнамца в работе съезда было с симпатией отмечено всеми присутствовавшими. Один из журналистов сфотографировал Хо Ши Мина, а затем опубликовал этот снимок в газете. Результат не замедлил сказаться: на следующий день за вьетнамским революционером явилась полиция, и только решительное вмешательство группы депутатов Национального собрания предотвратило его арест.

В 1921 году с помощью французских коммунистов Хо Ши Мин организует в Париже Союз народов французских колоний, издающий с 1922 года газету «Пария» на французском языке. Редактором «Парии» и автором многих ее статей был он сам, он же рисовал для газеты и выразительные карикатуры. Первые публицистические и

---

* *См.:* «День поэзии. 1972». М., 1972, с. 244 (впервые опубликовано в журнале «Огонек», 1923, № 39).

** Хо Ши Мин. О Ленине, ленинизме и нерушимой советско-вьетнамской дружбе. М., 1970, с. 148.

литературные опыты Хо Ши Мина одновременно явились первыми шагами зарождавшейся революционной литературы Вьетнама. Тогда, в начале 20-х годов, он писал по-французски, следуя жанрам и формам, сложившимся в европейской литературе.

Человек, получивший основательное традиционное образование у себя на родине и до последних дней жизни писавший стихи в классическом стиле на ханване, Хо Ши Мин с жадностью усваивал марксистскую литературу, впитывал культуру Запада, он изучил несколько западноевропейских языков, а несколько позже — русский. В анкете, предложенной участникам VII Всемирного конгресса Коминтерна (1935), Хо Ши Мин указал, что владеет французским, английским, китайским (и южным его диалектом), итальянским и русским.

Весьма примечательно, что уже в своих ранних литературно-публицистических работах Хо Ши Мин обращается к образу Ленина. В его статьях и очерках начала 20-х годов утверждение нового, социалистического идеала сочетается с восприятием образа Ленина в свете литературных и фольклорных традиций народов Востока — это образ мудрого учителя и наставника, верного высоким моральным принципам и отринувшего во имя этих принципов жизненные блага.

27 января 1924 г., в день, когда Советская страна прощалась с Владимиром Ильичем, «Правда» опубликовала статью Хо Ши Мина «Ленин и колониальные народы». «При жизни он был нам отцом, учителем, товарищем, советчиком,— писал вьетнамский революционер, находившийся в то время в СССР.— Теперь он — путеводная звезда, ведущая нас к социальной революции. Ленин живет в наших делах, он бессмертен».

Желание обогатить родную культуру опытом и достижениями мировой художественной литературы заставило Хо Ши Мина обратиться к опыту русской классической литературы. Это произошло вскоре после первой мировой войны. Много лет спустя он вспоминал: «Я хотел бы рассказать об одном необычном случае, как я стал учеником великого русского писателя (Льва Толстого.— *Н. Н.*). Это может показаться странным, не так ли? Тем не менее это чистая правда» *.

Стремление передовых художников Вьетнама опереться на опыт русской классической литературы не случайно: в русской литературе всегда сильны были народные и просветительские тенденции, столь близкие передовым деятелям культуры Востока — им было близко свойственное ей страстное правдоискательство и благородная устремленность к идеалу.

На Хо Ши Мина огромное впечатление произвело и содержание произведений Льва Толстого, и реалистические принципы изображения жизни. «Стиль Толстого был настолько прост, ясен и понятен, что он увлек меня. Охваченный юношеским порывом,— рассказывал Хо Ши Мин,— я соскочил с постели, хотя в ту зиму было очень холодно, и особенно холодно в моей нетопленной комнатке в гостинице. Я произнес вслух: «Совсем не так уж трудно написать небольшую повесть. Я тоже могу писать!» И дальше со свойственной ему самоиронией и юмором он замечает: «У нас во Вьетнаме есть пословица, которая гласит: «Глухим не страшен гром пушек». Это отно-

* «Памяти Толстого». «Литературная газета», 19 ноября 1960 г.

силось непосредственно ко мне. На следующее утро я начал писать. Это было довольно трудно. Каждый день я должен был писать с 5 до 6 часов 30 минут утра, так как к 7 часам утра мне нужно было быть в мастерской. Часто мои пальцы коченели от холода. После недели упорной работы я закончил свой труд».

Написанный таким образом первый очерк Хо Ши Мина «Париж» вскоре появился на страницах газеты «Юманите». «В своем очерке,— вспоминал позднее Хо Ши Мин,— я рассказал о том, что видел, слышал и пережил в своем квартале, крайне бедном квартале рабочих и безработных в очень богатом Париже».

Выдающиеся деятели Французской коммунистической партии, писатели и публицисты, сыгравшие важную роль в формировании социалистического реализма во французской литературе, внимательно следили за первыми шагами Хо Ши Мина на политическом и литературном поприще. «Я должен с благодарностью отметить,— писал Хо Ши Мин,— что во многом мне помогли Марсель Кашен, Вайян-Кутюрье, Монмуссо и др.». П. Вайян-Кутюрье познакомил его с Анри Барбюсом.

Молодая революционная литература Вьетнама с первых же шагов обнаружила четко определившиеся классовые и антиколониальные позиции и провозгласила идею международной солидарности трудящихся (один из рассказов Хо Ши Мина, повествующий о бразильском герое-забастовщике, так и называется «Классовая солидарность» (1924).

Стремление освоить опыт мировой литературы отнюдь не вело к нивелированию национального своеобразия ранней прозы Хо Ши Мина, хотя она и была написана и впервые опубликована на французском языке. Хо Ши Мин, обладавший тонким знанием вьетнамской истории и литературы, постоянно обращается к национальной тематике, к образам древней истории.

Так, в рассказе «Сетования княгини Чынг Чак» (1922) перед читателем воскресает героическое прошлое страны. Рассказ написан в форме монолога прославленной воительницы вьетнамской древности, которая с убийственной иронией описывает жалкого «Сына Неба» — марионеточного императора Кхай Диня. Интересно отметить, что в этом рассказе, казалось бы всецело обращенном в историческое прошлое Вьетнама, вдруг возникает ассоциация с героем шекспировской трагедии Гамлетом. Не исключена возможность, что сама тема явления призрака Чынг Чак навеяна шекспировскими драмами, с которыми Хо Ши Мин был хорошо знаком. В опубликованной в печати биографии Хо Ши Мина сообщалось, что он «любил читать Шекспира и Диккенса по-английски, Лу Синя по-китайски, Гюго, Золя по-французски». Слияние художественных литературных традиций Востока и Запада было одной из существенных черт творчества Хо Ши Мина.

Пробует он свои силы и в драматургии — в 1922 году им написана комедия «Бамбуковый дракон», сценический памфлет, где объектом сатиры был все тот же марионеточный император Кхай Динь, приехавший на колониальную выставку в Марсель, по существу, в качестве живого экзотического экспоната (дракон — древний символ императорской власти, но бамбуковый дракон, пусть даже и вырезанный рукой искусного мастера, остается простой деревяшкой). Традиционная символика в пьесе сочеталась с современной хлест-

кой сатирой. Спектакль с успехом шел на сцене рабочего клуба в предместье Парижа.

В 1925 году в Париже вышла публицистическая книга Хо Ши Мина «Суд над французским колониализмом», написанная на французском языке. Описывая варварские забавы «цивилизаторов», автор обличает их жестокое равнодушие, их бесчеловечное отношение к коренным жителям колоний. Однако угнетенные народы представляются уже не только как жертвы колониального разбоя, автор утверждает новый идеал борца за освобождение. В главе «Рабы пробуждаются» рассказывается о Стране Советов, о Коммунистическом университете трудящихся Востока в Москве («университет приютил под своей крышей будущее колониальных народов» *).

Важнейшую задачу революционного поэта и писателя Хо Ши Мин видел в том, чтобы нести людям правду о родине Октября. Еще в 1930 году в тезисах к своей книге о Советской России «Дневник потерпевшего кораблекрушение» он писал: «Люди Вьетнама, прежде всего наши труженики, хотят знать о России. Но на революционные газеты и книги французскими империалистами наложен строжайший запрет. К тому же рабочие и крестьяне Вьетнама в массе своей неграмотны. А те, кто хоть немного учился, не знают никаких других языков, кроме вьетнамского. Поэтому наш долг — рассказать о том, какова она — Родина всех пролетариев. Чтобы выполнить эту задачу, я намерен написать книгу — разумеется, по-вьетнамски — в форме повествования о путешествии с множеством эпизодов. Мне хочется, чтобы она была живым, увлекательным, легким чтением».

«Дневник потерпевшего кораблекрушение», размноженный литографским способом, распространялся нелегально. Это рассказ о том, как трое друзей — европеец, африканец и вьетнамец,— спасенные во время кораблекрушения русскими, попали в СССР, где они своими глазами увидели строительство новой жизни.

Творчество Хо Ши Мина 20-х — начала 30-х годов — это, несомненно, шаг по пути к эстетике социалистического реализма. Утверждающие принципы коммунистической партийности произведения Хо Ши Мина этого периода создают идеал борца за революционное преобразование общества и национальное освобождение; своеобразие этих произведений определялось тем, что они были написаны коммунистом из страны, находившейся под колониальным гнетом и ставшей очагом национально-освободительной борьбы под руководством компартии.

Коммунистическая партия Индокитая (КПИК), созданная в 1930 году под непосредственным руководством Хо Ши Мина, взяла на себя задачу способствовать дальнейшему становлению революционной литературы и распространению во Вьетнаме марксистско-ленинской эстетической мысли. Замечательным явлением революционной поэзии стали стихи и песни периода революционных выступлений крестьянских масс под руководством КПИК («Нгетиньские советы», 1930—1931). Создатели этой поэзии, поэты-революционеры, в большинстве своем оставшиеся безвестными, в афористических, лозунговых строках звали народ на борьбу с поработителями.

---

* Хо Ши Мин. О Ленине, ленинизме и нерушимой советско-вьетнамской дружбе, с. 11.

К середине 30-х годов вьетнамская революционная литература становится разнообразнее как в идейно-художественном, так и в тематическом отношениях. Значительно богаче представлены жанры. Становятся известны имена революционных поэтов — и среди них прежде всего То Хыу (род. в 1920 г.); критики-марксисты во главе с коммунистом Хай Чьеу (1908—1954) ведут жаркие дискуссии, начинается борьба против буржуазных теорий в искусстве и литературе.

Необходимо отметить, что значительную роль здесь играл опыт советской литературы, которая проникала во Вьетнам через Францию и Китай — благодаря переводам на французский и китайский. Первыми вьетнамцами, которые получили возможность широко познакомиться с советской литературой, были революционеры-эмигранты, жившие в СССР (многие из них учились в советских вузах). С 1934 года в Москве находился и Хо Ши Мин — он учился здесь в Международной ленинской школе, работал в Институте национальных и колониальных проблем, принимал участие в работе VII конгресса Коминтерна. Перед этим он почти два года провел в английской колониальной тюрьме в Гонконге, из которой ему удалось освободиться только благодаря усилиям Международной организации помощи рабочим и прогрессивно настроенных представителей мировой общественности.

В начале 1941 года после почти тридцатилетних странствий Хо Ши Мин нелегально возвращается во Вьетнам. Он поселяется в горах, в районе Пакбо, откуда руководит деятельностью партии, организует издание газеты, курсы для партийных кадров. Именно тогда было написано известное четверостишие Хо Ши Мина «Величавый Пакбо» (1941), содержащее аллегорию, очень характерную для вьетнамской поэтической традиции,— аллегорию, выражавшую идеи патриотизма и интернационализма.

В 1942 году Хо Ши Мин выехал в Китай, но был арестован чанкайшистской охранкой и четырнадцать месяцев просидел в застенке. В нечеловеческих условиях, не теряя бодрости и непреклонной воли, сохраняя чувство юмора и тонкое, еще более обострившееся в тюрьме ощущение красоты природы, Хо Ши Мин создал выдающийся памятник вьетнамской революционной поэзии — стихотворный цикл «Тюремный дневник», написанный на ханване.

«Хо Ши Мин закован в ручные и ножные кандалы и в железный ошейник,— писал об этом периоде его жизни переводчик «Тюремного дневника» советский поэт П. Антокольский в своем вступлении к книге.— В течение нескольких месяцев его перегоняют из тюрьмы в тюрьму, из города в город — пешком, под вооруженным до зубов конвоем, по гористым дорогам и болотистым низинам, под жгучим солнцем и проливным дождем. Меняются места заключения — зловонные, кишащие паразитами камеры и подземелья, деревенские сараи, военные казематы».

Цикл «Тюремный дневник» состоит из ста с лишним поэтических миниатюр-четверостиший, выразительных и лаконичных, эта традиционная форма, которая на протяжении веков составляла славу вьетнамской литературы, обнаружила благодаря поэтическому таланту Хо Ши Мина новые грани и новые возможности. Великое мужество, подлинная гуманность и поэтический талант послужили созданию замечательного образа узника-коммуниста, лирического героя этого стихотворного цикла — бесстрашного, несгибаемого борца революции.

В «Тюремном дневнике» нет «громких» слов, нет внешнего пафоса, стихи звучат искренне, убедительно, достоверно. Этот стихотворный цикл означал новый шаг искусства социалистического реализма во Вьетнаме, обнаруживший невиданную ранее широту и многогранность образа революционера.

В стихотворных миниатюрах Хо Ши Мина заметно ощущается дань, отдаваемая традиции (например, условно поэтический образ лунной ночи), но эта традиционность органично сочетается с живой современностью, с необычайной искренностью чувств.

> В тюрьме не сыщешь роз и вина.
> Лишь ночь одна благовоньем полна.
> Колдунья-луна глядит сквозь решетку,
> Шлет узнику вдохновенье она.

Прекрасное и безобразное нередко сосуществуют рядом, замечает Хо Ши Мин, но восприятие прекрасного обострено у узника, ибо все муки, страдания и печали побеждает радость бытия, брызжущая со страниц этой необыкновенной книги, которую можно поставить рядом с «Репортажем с петлей на шее» Юлиуса Фучика.

П. Антокольский справедливо отмечал: «Много рассказано в этих лаконичных и ярких четверостишиях о человеческих страданиях, о человеческой подлости, грубости. Дневник «густо населен»: тут и товарищи по заключению, и тюремщики. И всюду, во всем — изменчивая, текучая картина жизни: неприкрашенная, трижды проклятая и трижды благословенная правда».

Огромным и необъятным остается мир для борца за свободу — пусть даже он и отделен от него тюремной решеткой. «Произведения Хо Ши Мина, скромные и простые, с лукавинкой и задорные, обладают мощью боевых дивизий,— писал известный деятель партии и государства СРВ Ха Хюй Зиап,—они вносят вклад в дело изгнания захватчиков, вдохновляют сердца миллионов и миллионов людей».

Новую эпоху в истории Вьетнама открыл памятный для всего человечества 1945 год. «В августе 1945 года, воспользовавшись победой героической Советской Армии над немецким и японским фашизмом,— писал президент Хо Ши Мин,— Коммунистическая партия Индокитая возглавила всенародное восстание, взяла власть в свои руки и основала Демократическую Республику Вьетнам. Августовская революция была первой победоносной национально-демократической народной революцией в Юго-Восточной Азии». Молодая республика переживала тревожные и радостные дни. Став ее первым президентом, Хо Ши Мин в первый сравнительно мирный год руководил гигантской работой по строительству нового государства, вел труднейшие дипломатические переговоры — ведь в те дни вьетнамскую землю все еще топтали французские, гоминьдановские, английские войска. Именно тогда, в сентябре 1945 года, им была написана «Декларация независимости» — исторический документ, провозгласивший принципы мирной и независимой политики молодого государства, документ, вышедший из-под пера не только политического деятеля, но и художника, вложившего в него весь свой жизненный опыт революционера и глубину чувств поэта.

В середине 1946 года Хо Ши Мин совершил поездку в Париж (это было все равно, что безоружному войти в логово к тигру, говорили

впоследствии), но соглашение, достигнутое на переговорах, осталось неосуществленным, страна была накануне тяжелой и длительной войны.

Борьба, споры в тот год велись не только по вопросам политики, но и по вопросам развития новой культуры Вьетнама — необходимо было определить место художника в революционном процессе. В своей речи на открытии выставки ведомства культуры 7 октября 1945 года Хо Ши Мин выступил против эстетства, самолюбования, оторванности от жизни. Он заметил, что в творчестве многих деятелей искусства «слишком многое идет от пустых мечтаний, а подлинной жизни слишком мало». А жизнь настойчиво врывалась в мастерскую художника, в тишину писательского кабинета. 19 декабря 1946 года началась всенародная антиколониальная война Сопротивления. Оккупированный Ханой покинули почти все жители, правительство ДРВ вынуждено было укрыться в джунглях.

Несмотря на труднейшие, суровые военные условия, несмотря на невероятную занятость, Хо Ши Мин выкраивал время для литературной работы. Он продолжал писать стихи, правда, это занятие он считал для себя отдыхом и шутя говорил: «Я... не очень пристрастен к поэзии, а поэзия не очень-то пристрастилась ко мне». Стихи тех лет — это главным образом гражданская лирика, отражавшая события войны. Хо Ши Мин работает над переводом книги А. Федорова «Подпольный обком действует» и, снабдив предисловием, публикует этот перевод под выразительным псевдонимом Нгуен Зу Кить (Нгуен-партизан). Хо Ши Мин вообще хорошо знал и высоко ценил творчество советских писателей. Так, например, он говорил:

«Шолохова ни одной душе на земле нельзя не любить. Только тот, кто не любит жизнь, тот позволит себе не любить Шолохова. Ибо Шолохов — это сгусток самой жизни со своими беспредельными многими светлыми и теневыми сторонами, со своими слезами и песнями, со своим рождением и со своей смертью. Народы России могут быть счастливы еще и потому, что они дали миру Михаила Шолохова, открыли в его творчестве такой неиссякаемый родник, из которого могут пить все народы и нации мира» *.

Хо Ши Мин отнюдь не считал себя поэтом или писателем — скорее журналистом и партийным пропагандистом. После победы революции во Вьетнаме особенно остро встала проблема демократизации искусства, которое отныне должно было служить не тем, кто, «сидя в прохладе, вкушал яства из золотых чаш», а людям, поднявшимся на борьбу за свободу,— народным массам, потянувшимся к культуре. Еще в своих работах, написанных в годы антифранцузского Сопротивления, Хо Ши Мин решительно требовал создавать произведения, общедоступные по форме и содержанию («Бороться с краснобайством», «Как писать»). Он едко высмеивал игру в «ученые» слова тех, кто любит щеголять непонятными терминами, призывал хранить чистоту вьетнамского языка. Эти выступления Хо Ши Мина перекликаются с известными ленинскими тезисами.

Специфика ситуации во Вьетнаме заключалась еще и в том, что в период господства колонизаторов вьетнамский язык в качестве «туземного» был в загоне, занятия в высшей школе, например, ве-

* «Наш великий современник. Советские писатели о Шолохове».— «Молодая гвардия», 1975, № 4, с. 52.

лись на французском. Таким образом, речь шла о национальном возрождении в области культуры, языка, литературы. Важное значение придавал Хо Ши Мин слову, литературе в деле мобилизации масс на борьбу, он выступал за подлинную народность и коммунистическую партийность литературы, за ее развитие по пути социалистического реализма.

В середине 1954 года, когда отгремели орудийные залпы под Дьенбьенфу и победоносно завершилась антиколониальная война Сопротивления, началась работа по восстановлению всего, что было разрушено войной и многолетним хозяйничаньем феодалов и колонизаторов.

Именно в этот период — в конце пятидесятых и шестидесятых годах — литература ДРВ окончательно определила путь своего развития — путь социалистического реализма. И здесь заметную роль сыграли выступления Хо Ши Мина перед писателями и журналистами, подчеркнувшие общественное значение литературы и искусства. Почти до самых своих последних дней Хо Ши Мин занимался литературным трудом — писал заметки, стихи, в которых тесно переплелись личные переживания и происходящие в стране великие события.

Говоря о своей литературно-публицистической деятельности, Хо Ши Мин называл себя автором одной темы. «Что же до содержания моих работ — вы называете это «темой», — говорил он,— то все они посвящены одной-единственной теме: борьбе против колонизаторов и империалистов, против феодалов, помещиков, пропаганде идей национальной независимости и социализма». Этой борьбе Хо Ши Мин посвятил всю свою жизнь, свой талант поэта, писателя, публициста.

Н. Никулин

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Куангчи — город в Центральном Вьетнаме, центр одноименной провинции.

[2] Вьетминь — сокращенное название Лиги борьбы за независимость Вьетнама, созданной в мае 1941 г. и сплотившей все патриотические силы страны под руководством Компартии Индокитая.

[3] Йенбай, Каобанг — города и провинции на севере Вьетнама.

[4] Бао Дай — последний вьетнамский император; будучи несовершеннолетним, был возведен на престол после смерти своего отца Кхай Диня, упоминающегося в ряде произведений Хо Ши Мина. Во время Августовской революции 1945 г. Бао Дай под давлением восставшего народа отрекся от престола, признал Временное правительство ДРВ и стал его «советником», однако впоследствии вновь стал сотрудничать с французскими колонизаторами. В 1955 г. после «референдума», проведенного ставленником США Нго Динь Зьемом, Бао Дай покинул страну.

[5] Цзучжун — небольшой город на юге Китая, в западной части бывшей провинции Гуанси. В переводе название города означает «Высокая честь».

[6] Дракон — в восточной мифологии символ силы и доброй славы.

[7] Праздник середины осени — традиционный народный праздник во Вьетнаме и Китае, приходится на полнолуние, пятнадцатый день восьмого месяца по лунному календарю. Истоки этого праздника восходят к культу Луны и плодородия.

[8] 10 октября — годовщина синьхайской революции 1911 г., которая свергла царствовавшую в Китае маньчжурскую династию Цин и установила республику.

[9] Уилки, Уинделл Л. (1892—1944) — американский политический деятель, в 1942 г. возглавил американскую делегацию, посетившую гоминьдановский Китай, где ему был оказан пышный прием.

[10] После того как началось массовое дезертирство из гоминьдановской армии, власти в качестве меры борьбы с дезертирами стали брать заложников из числа их близких и заключали их в тюрьму.

[11] Здесь автор сравнивает узника, объявившего голодовку, с Шу-ци, сыном последнего правителя полумифической древнекитайской династии Шан-Инь (1766—1122 гг. до н. э.), который вместе с братом Бо-и не пожелал есть просо У-вана, уничтожившего династию Инь и основавшего династию Чжоу (1122—247 гг. до н. э.). Шу-ци и Бо-и удалились на гору Шоуяншань, где питались побегами папоротника, пока не умерли с голоду.

[12] 11 ноября 1918 г. в Компьене было подписано перемирие между капитулировавшей Германией и главными союзными державами, завершившее первую мировую войну.

[13] Годэ, Баосянь — города на западе бывшей провинции Гуанси; Баосянь славился блюдами из собачьего мяса.

[14] Гуйлинь — административный центр бывшей провинции Гуанси; название «Гуйлинь» означает «Коричный лес».

[15] Цинмин (в переводе — «ясно и светло») — один из двадцати четырех праздников сельскохозяйственного года в Китае; обычно приходится на пятый-шестой день четвертого месяца по лунному календарю, когда стоит ясная погода.

[16] «Собрание тысячи стихотворцев» — одна из известных антологий китайской средневековой классической поэзии.

[17] Чжан Фэй, Гуань Юй — китайские полководцы эпохи Троецарствия (220—280 гг.), ставшие героями известного романа, посвященного событиям этого времени.

[18] Сифэнлин — «Западные горы» (китайск.)— горная гряда неподалеку от Лючжоу, где находился Хо Ши Мин после освобождения из тюрьмы.

[19] В Пакбо жил Хо Ши Мин в 1941 г. Отсюда он руководил деятельностью партии, здесь собиралось Постоянное бюро ЦК Компартии Индокитая. Здесь состоялся VIII (расширенный) пленум ЦК КПИК, принявший важнейшее решение о создании Вьетминя.

Горы вокруг пещеры, где поселился Хо Ши Мин, были необитаемы, и он как бы создавал здесь свой собственный мир, давая названия окрестным вершинам и ручьям.

Пещера в Пакбо сохранялась как памятник, связанный с деятельностью Хо Ши Мина, там же был сооружен мемориальный музей. Весной 1979 г. вторгшиеся в провинцию Каобанг войска китайских гегемонистов взорвали пещеру, где жил Хо Ши Мин, и уничтожили музей.

[20] Находясь в Пакбо, Хо Ши Мин переводил на вьетнамский «Краткий курс истории ВКП(б)».

[21] Западные господа — в оригинале автор пользуется словом «тэй» (от вьетнамского tây — запад), ставшим презрительной кличкой европейцев-колонизаторов.

[22] Хонг Банги — одно из имен Хунг Выонгов (правителей Хунг), полулегендарной династии древних вьетских государей, которые вели, по преданию, свой род от Божественного земледельца Тхэн Нонга. Праправнук его, Лак Лаунг Куан — Повелитель Драконов, женился на Ау Ко, и она родила сто сыновей. Пятьдесят из них ушли вместе с отцом под воду, а другие пятьдесят остались с матерью на суше. Старший из сыновей, оставшихся па земле, стал первым государем династии Хунг. правившей якобы с 2879 по 258 г. до н. э. За эти 2622 года сменилось, согласно легенде, восемнадцать государей Хунг. Археологические и исторические материалы подтверждают существование государства Ванланг, где правили Хунги, связанного со знаменитой Донгшонской культурой «бронзовых барабанов» (I тысячелетие до н. э.). Хунги, по преданию, воевали с древнекитайской династией Инь. Основываясь на этих мифах, вьетнамцы в старину называли себя «внуками небожителей, детьми дракона». Образ этот нередко встречается в произведениях Хо Ши Мина.

[23] Намвьет — одно из древних названий вьетнамского государства.

[24] Вьетбак — область в горах на севере Вьетнама, в годы войны Сопротивления (1946—1954) — главная опорная база сил Освобождения. Здесь находилось правительство ДРВ, формировались части Народной армии, работали эвакуированные из городов на равнине или созданные заново предприятия, выпускались газеты и журналы, печатались книги, были открыты медицинские учреждения, школы и т. д.

[25] Дословно эта строка переводится так: «Мощь и воля повстанческих войск таковы, что (они) могут проглотить созвездия Тельца и Большой Медведицы»... Образ воина, готового проглотить звезды, заимствован из средневековой поэзии и означает высшую степень ярости, гнева.

[26] Речь идет о визите во Францию вьетнамского императора Кхай Диня (правил с 1916 по 1925 г.), который фактически был марионеткой колонизаторов.

[27] В старину во Вьетнаме ночное, темное время суток начиная с семи часов вечера делилось на пять страж по два часа каждая.

[28] Фу-си — мифический китайский император; по некоторым преданиям — прародитель людей, научивший их рыболовству и скотоводству, создатель магических триграмм.

[29] Зыонг кыу — вьетнамская транскрипция названия одной из гадательных триграмм, упоминаемых в древнекитайской «Книге перемен».

[30] Фунгхоанг (фыонгхоанг — *вьетнамск.*) — феникс; дракон и феникс считались символами государя и государыни, олицетворением высшей власти.

[31] Чынг Чак и ее младшая сестра Чынг Ни в 40 г. н. э. подняли восстание против поработившего страну ханьского Китая. Согласно ряду источников, поводом к восстанию явилось убийство ханьским наместником Тхи Шатя — мужа Чынг Чак. Повстанцы освободили страну, сестры Чынг были провозглашены государынями, но затем восстание было потоплено в крови китайскими войсками, обе сестры Чынг погибли.

[32] Ли Бон (Ли Би) — вождь начавшегося в 542 г. восстания против китайского господства. После разгрома захватчиков взойдя на престол, Ли Бон принял титул «Император Намвьета» и назвал государство Вансуан (Десять тысяч весен, Вечная весна). Однако уже в 545 г. в страну снова вторглись китайские войска. Все 58 лет существования государства Вансуан прошли в непрерывных войнах с Китаем.

[33] Нго Кюйен (899—944) — выдающийся полководец и государственный деятель; в 938 г. наголову разбил в устье реки Батьданг флот и армию китайской династии Южная Хань. В 939 г. Нго Кюйен провозгласил себя императором и основал свою столицу на месте древней столицы вьетов (Колоа), неподалеку от современного Ханоя. С этой даты начинается история независимого вьетнамского государства.

[34] Династия Динь основана выдающимся военачальником и государственным деятелем Динь Бо Линем (923—979), после того как он в 968 г. объединил распавшееся на крупные феодальные владения государство вьетов, провел ряд реформ, построил свою столицу в Хоалы. После смерти Динь Бо Линя (в 979 г.) на престол был возведен его шестилетний сын, через год лишенный власти, что послужило концом династии Динь.

[35] Ле Дай Хань (Ле Хоан) (940—1005) — один из главных военачальников и придворных Динь Бо Линя, через год после смерти правителя был возведен на престол вместо его малолетнего сына. Китайский император династии Сун, формально считавшийся сюзереном вьетского государства, объявил происшедшую там смену власти «незаконной» и под предлогом «восстановления справедливости» двинул туда войска. В 981 г. Ле Дай Хань разгромил на реке Батьданг китайский флот, а также двигавшуюся отдельно сухопутную армию.

[36] В эпоху вьетнамской династии Чан, пришедшей к власти в 1225 г., трижды было отражено вторжение монгольской конницы и китайской армии, посланных правившей в Китае монгольской династией Юань: в 1258, 1285 и 1287—1288 гг. Войны эти носили

всенародный характер; массированные удары регулярных войск сочетались с партизанскими действиями.

[37] Ле Лой (1385—1433) — выходец из феодальной семьи, возглавивший всенародную войну против китайской династии Мин, которая захватила Вьетнам в 1407 г. под предлогом восстановления «законной власти». Китайцы, грабившие народ, установили жесточайший оккупационный режим: не только за противодействие захватчикам, но даже за соблюдение вьетских обычаев и ношение национального костюма полагалась смертная казнь. Вьетнамцы не раз поднимались против оккупантов. В 1418 г. началось восстание под руководством Ле Лоя, охватившее широкие массы народа и завершившееся в 1428 г. изгнанием китайцев. Термин «революция» можно употребить здесь лишь условно. Если народ и некоторые приближенные Ле Лоя связывали с борьбой определенные социальные идеалы, то целью Ле Лоя было создание независимого феодального государства с сохранением абсолютной власти монарха.

[38] Здесь не совсем точно рассказано об одном из выступлений против китайцев, захвативших Дайвьет (Вьетнам). В 1407 г. Чан (Де) Куи, принц династии Чан, восстал против оккупантов и провозгласил себя государем. С помощью примкнувших к нему военачальников он добился успеха, но затем неоправданными жестокостями оттолкнул от себя многих сторонников. В лагере повстанцев начались заговоры и распри. В 1409 г. Чан Куи Кхоанг, также принадлежавший к роду Чан, поднял восстание в другом месте и провозгласил себя императором. Благодаря усилиям Чан Куи Кхоанга повстанцам удалось на время объединить свои армии. Они одержали ряд побед, но потом их стали теснить превосходящие силы китайцев. В 1410 г. Чан (Де) Куи был захвачен в плен, увезен в Китай и казнен. В 1414 г. Чан Куи Кхоанг был взят в плен.

Необходимо отметить, что некоторые неточности в ссылках автора объясняются не только тем, что, живя вдали от родины, он был отчасти оторван от культурной среды, исторических источников и т. п., но и тем, что уровень многих справочных изданий того времени был недостаточно высок.

[39] Хам Нги, Тхань Тхай, Зюй Тан — императоры вьетнамской династии Нгуен (1802—1945). Хам Нги возведен на престол в 1884 г. подростком; попал под влияние патриотически настроенных приближенных, вызвал неудовольствие французов, лишивших его власти. Хам Нги бежал из столицы, в стране началось восстание (1885), которое колонизаторы окончательно подавили лишь в конце 90-х годов. Вместо Хам Нги в 1885 г. был провозглашен другой император, а сам он схвачен и сослан в Алжир.

Тхань Тхай (правил с 1889 по 1907 г.) почти неукоснительно следовал диктату колониальных властей, но в силу неуравновешенности характера вызвал недовольство французов, был низложен и сослан на остров Реюньон.

Зюй Тан (правил с 1907 по 1916 г.) — сын Тхань Тхая. Возглавил заговор, направленный против колонизаторов, бежал из дворца, надеясь поднять восстание, но не нашел поддержки ни у народа, ни у правящего класса, был низложен и сослан на остров Реюньон.

[40] Визит Кхай Диня во Францию был приурочен к открытию колониальной выставки в Марселе в 1922 г., на которую были затрачены огромные средства, взысканные с самих колоний. По замыслу ее устроителей, выставка должна была рекламировать «процветание» заморских территорий.

[41] Речь идет об убийствах, ставших сенсацией во французской прессе.

[42] Марабут — духовный наставник, пастырь в некоторых арабских странах; этот сан вряд ли существует в Конго, где очень мало мусульман, скорее всего, это юмористический образ автора, а не точная реалия.

[43] Шунь — мифический китайский император, царствование которого обычно изображается как «золотой век».

[44] Имеется в виду Александр Мильеран — президент Французской Республики (1920—1924). Здесь для сатирического эффекта автор дает его имя как имя и титул монарха.

[45] Варен, Александр — представитель правого крыла Социалистической партии Франции, депутат парламента; занимал ряд постов в колониальной администрации, был генерал-губернатором Индокитая в 1925—1928 гг., где пытался различными способами расколоть национально-освободительное движение.

[46] Фан Бой Тяу (1867—1940)—выдающийся общественный деятель и литератор, сторонник вооруженной борьбы с колониализмом. Находясь в эмиграции в Китае, Фан Бой Тяу в июне 1925 г. был схвачен в Шанхае французской тайной полицией, доставлен в Ханой и заключен в тюрьму. Волна протестов против его ареста прокатилась по всему Вьетнаму. Власти были вынуждены судить Фан Бой Тяу при открытых дверях. Суд состоялся уже после публикации памфлета Хо Ши Мина, в ноябре 1925 г. Фан Бой Тяу был приговорен к смерти, но после широких выступлений общественности президент Франции был вынужден подписать указ о его помиловании; он был отправлен под надзор полиции в Хюэ.

[47] Гюстав Эрве (1871—1944), Александр Мильеран (1859—1943), Аристид Бриан (1862—1932), Альбер Тома (1878—1932), Жозеф Поль-Бонкур (1873—1972), Леон Жуо (1879—1954) — автор перечисляет здесь французских политических деятелей, которые, будучи, как и Александр Варен, членами социалистической партии, изменили интересам рабочего класса.

[48] Нагон — солдат колониальных войск, убитый французским офицером в Марокко в 1922 г. Хо Ши Мин разоблачил это преступление в своей книге «Суд над французским колониализмом» (1925).

[49] Мэрик, Виктор — французский журналист, в начале 20-х годов был членом компартии Франции.

[50] Кохинхина — так назывался Южный Вьетнам при французском протекторате.

[51] Сарро, Альбер — генерал-губернатор Французского Индокитая в 1911—1914 гг. и 1917—1919 гг., получивший прозвище «палач Сайгона»; в 20-е годы Сарро был министром по делам колоний.

[52] Лузон — член компартии Франции, уроженец одной из французских колоний, преследовался колонизаторами.

[53] Дарль — французский резидент в Индокитае, известный своей жестокостью. В августе 1917 г. население провинции Тхайнгуйен подняло восстание; генерал-губернатор Сарро наложил на Дарля незначительный денежный штраф, а затем перевел на более выгодную должность.

[54] Лонг, Морис — генерал-губернатор Индокитая в 1920—1922 гг.

[55] Лига прав человека и гражданина — организация, ставящая своей целью защиту буржуазных свобод; возникла в 1898 г. в связи с преследованиями писателя Э. Золя, выступившего в так называемом «деле Дрейфуса» в защиту обвиняемого.

[56] Утрей — депутат французского парламента от Кохинхины (Южного Вьетнама).

[57] Карпантье, Жорж — французский боксер, чемпион мира 1920 г. в полутяжелом весе.

[58] Демпсей, Джек — американский боксер, чемпион мира 1921—1926 гг. в тяжелом весе; в 1921 г. победил Карпантье.

[59] SDN — игра слов: Société des Nations — Лига наций, Sagesse des Nations — мудрость наций.

[60] Маран, Рене — антильский писатель, негр. Пресса много писала о Маране, после того как в декабре 1921 г. ему присудили Гонкуровскую премию за роман «Батуала».

[61] Бурнетон — депутат парламента от Французской компартии.

[62] Газета «Раппель» была основана в Париже в 1869 г. при участии Виктора Гюго.

[63] Аллегорическая форма, которую вынужден был избрать автор из-за усилившихся преследований цензуры, позволила ему дать сатирическое изображение политических противоречий в Европе, а также колониальной политики буржуазной Франции.

[64] Намек на трения между Великобританией, изображенной в образе бульдога, и остальными странами, участвовавшими в Парижской мирной конференции 1919—1920 гг., из-за дележа добычи после разгрома кайзеровской Германии.

[65] Речь идет об оккупации Рура войсками Франции (галльский петух) и Бельгии (фламандская обезьяна), стремившихся отторгнуть от Германии Рурский угольно-металлургический бассейн и установить французскую гегемонию в Европе.

[66] Имеется в виду Жорж Клемансо (1841—1929), реакционный политический деятель, основатель партии радикалов и радикал-социалистов, глава кабинета министров в 1906—1909 гг., председатель совета министров и военный министр в 1917—1920 гг. Его выступления в прессе и парламенте способствовали падению нескольких кабинетов, поэтому газеты называли Клемансо «тигром и сокрушителем министерств». Автор называет его «скованным тигром», так как после запрещения издававшегося Клемансо журнала «Свободный человек» (L'homme libre), где он критиковал правительство, он стал создавать другой журнал — «Человек в цепях» (L'homme enchaîné).

[67] Под стервятниками подразумеваются ростовщики и домовладельцы, бравшие с жильцов чересчур высокую плату.

[68] Вороны — эксплуататоры, живущие чужим трудом.

[69] Сытые коты — ловкие дельцы, спекулянты.

[70] Крысы в гостиницах — гостиничные воры.

[71] В начале 20-х годов крупнейший французский автомобильный трест «Ситроен» (основан Андре Ситроеном, нажившим в первую мировую войну огромное состояние) с целью рекламы организовал автомобильную экспедицию в Сахару, где впервые были применены машины на гусеничном ходу.

[72] В Марселе, славящемся своими анекдотами, бытует история о том, как сардинка закупорила вход в Старый порт. Здесь — намек на напрасную шумиху и траты по пустякам.

[73] Речь идет о пресловутой колониальной выставке в Марселе (см. примечание к стр. 176).

[74] Воронов С. А.— известный хирург, работавший во Франции, занимался проблемой омоложения человека путем пересадки половых желез, главным образом, обезьян.

[75] Во французской колонии Дагомее в феврале 1923 г. произошли массовые антиколониальные выступления, особенно активную

роль играли в них рабочие, хотя они и были немногочисленны. Движение было жестоко подавлено французскими войсками, руководители его преданы военно-полевому суду.

[76] Гбеханзин — последний царь Дагомеи; возглавлял сопротивление французским экспедиционным силам под командованием генерала Доддса. В 1894 г. сопротивление дагомейцев было сломлено, Гбеханзин взят в плен и сослан на остров Мартиника.

[77] Лебель — участник завоевания Дагомеи.

[78] Первый съезд народов Востока состоялся в Баку в сентябре 1920 г. В нем участвовало около двух тысяч представителей народов Востока.

[79] Лиотэ, Луи Юбер-Гонзальв (1854—1934) — маршал Франции. Служил в колониальных войсках в Индокитае (1894—1896), затем подавлял выступления повстанцев на Мадагаскаре. С 1912 по 1925 г.— высший комиссар и генеральный резидент в Марокко, где он жестоко подавлял национально-освободительное движение.

[80] Макдональд, Рамсей (1866—1937) — руководитель независимой английской рабочей партии и лейбористской партии, поборник классового сотрудничества и так называемого «постепенного врастания социализма в капитализм». В 1924 и 1929—1935 гг. был премьер-министром Англии. В 1931 г. образовал «национальное правительство» (фактическим руководителем которого являлся консерватор Болдуин) и был исключен из лейбористской партии.

[81] Вандервельде, Эмиль (1866—1938) — социал-шовинист, руководитель Бельгийской рабочей партии, один из лидеров II Интернационала, проводил раскольническую политику в рабочем движении.

[82] Гендерсон, Артур (1863—1935) — один из лидеров английской лейбористской партии. Был министром внутренних дел (1924) и министром иностранных дел во втором лейбористском правительстве Макдональда (1929—1931). Проводил реакционную внутреннюю и внешнюю политику.

[83] Блюм, Леон (1872—1950) — правый социалист, лидер французской социалистической партии. Возглавив после победы Народного фронта на выборах 1936 г. французское правительство, он на деле проводил политику расшатывания Народного фронта и сорвал выполнение его программы.

[84] Болдуин, Стэнли (1864—1947) — лидер английских консерваторов, реакционный политический деятель. Стэнли занимал пост премьер-министра в 1923—1924, 1924—1929, 1935—1937 гг.; был сторонником жесткой политики в колониях и одним из вдохновителей интервенции в Китай (1924—1927). Занимал враждебную позицию по отношению к Советскому Союзу.

[85] Чемберлен, Остин (1863—1937) — английский государственный деятель. В различных консервативных правительствах занимал пост министра финансов, иностранных дел и др. Основную цель своей политики видел в изоляции СССР и сколачивании против него блока капиталистических держав.

[86] Казао — народные стихотворения, читаются нараспев, иногда в форме песенного диалога. Тематика казао самая разнообразная — лирическая, историческая, социальная, бытовая; многим из них присущ острый юмор. Этот жанр фольклора оказал большое влияние на письменную поэзию.

[87] «Тхань ниен» (вьетнамск.) — «Молодежь», орган первой вьетнамской марксистской организации — Товарищества вьетнамской революционной молодежи, созданного Хо Ши Мином в Гуанчжоу (Кантоне) в 1925 г.

[88] Речь идет о солдатах иррегулярных подразделений, набиравшихся колонизаторами среди отсталых элементов горных народностей.

[89] Фан Тю Чинь (1872—1926), Фан Бой Тяу (1868—1940) — видные деятели демократического освободительного движения, просветители, публицисты и литераторы; при колониальном протекторате подвергались репрессиям.

[90] Ду Фу (712—770) — один из величайших мастеров китайской классической поэзии.

[91] Президент Хо Ши Мин, здоровье которого в последние годы жизни было подорвано болезнью, скончался после тяжелого сердечного приступа 3 сентября 1969 г.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

ПУБЛИЦИСТИКА

Рассказы и памфлеты

** Статьи

ВЫСТУПЛЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ ЛИТЕРАТУРЫ. ИСКУССТВА И КУЛЬТУРЫ

Перевод с вьетнамского Н. Никулина

Хо Ши Мин. Избранное. (Библиотека вьетнамской литературы)

В книгу вошли стихи, публицистика и выступления по вопросам литературы, искусства и культуры выдающегося деятеля международного коммунистического и национально-освободительного движения, основателя Коммунистической партии Вьетнама, первого президента Социалистической Республики Вьетнам.

Составитель
Евгений Васильевич Кобелев

ИБ № 4801

Редактор *Р. Х. Пунга*
Художник *Л. А. Чернышев*
Художественный редактор *А. П. Купцов*
Технический редактор *В. А. Юрченко*
Корректор *М. А. Финогенова*

Сдано в набор 18.01.79. Подписано в печать 28.05.79. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура н. обыкн. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,54 + 0,1 печ. л. вклеек. Уч.-изд. л. 7,97. Тираж 50 000 экз. Заказ № 1431. Цена 90 коп. Изд. № 27505.

Издательство «Прогресс»
Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.
Москва, 119021, Зубовский бульвар, 17

Отпечатано в Ленинградской типографии № 6
Ленинградского производственного объединения
«Техническая книга» Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
193144, Ленинград, С-144, ул. Моисеенко, 10
с матриц ордена Октябрьской Революции
и ордена Трудового Красного Знамени
Первой Образцовой типографии
имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли
Москва, М-54, Валовая, 28

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

СОВРЕМЕННАЯ ВЬЕТНАМСКАЯ НОВЕЛЛА. *Сборник. Пер. с вьетнамского (Библиотека вьетнамской литературы).*

Собранные в книге рассказы создают яркую картину жизни Вьетнама 1960—1970 гг.—периода суровой борьбы с империалистической агрессией и послевоенных лет, когда в стране воцарился долгожданный мир. В сборнике выступают известные прозаики Социалистической Республики Вьетнам: То Хоай, Нгуен Туан, Тю Ван, Ань Дык и др.

ВЫШЛИ В СВЕТ

ВАН МИН. **ИЗБРАННЫЕ СТИХИ.**
Сборник. Пер. с китайского.

Ван Мин — один из выдающихся деятелей Коммунистической партии Китая, подлинный интернационалист, друг Советского Союза. В сборник вошли его стихи, написанные в 1913—1973 гг., в которых ярко воплотилась гражданская позиция поэта и китайская поэтическая традиция.

ХО ШИ МИН